

ISSN-0134 - 241X

уральский
СЛЕДОПЫТ 7
1992

«Уральский СЛЕДОПЫТ»

-93

Геннадий Прашкевич
«СПОР С ДЬЯВОЛОМ
(Шпион против
алхимиков — II)»
Фантастическая повесть

...Пришаркивая, воло-
чи ногу, ворча (я обязан
был играть роль человека,
достаточно побитого жиз-
нью), покуривая дерьмо-
вую сигарету (садовник
Беллингера зарабатывает
не так уж и много), я по-
стоянно помнил — рас-
слабляться нельзя, за
мною могут следить. А ес-
ли это так, они сразу
должны убедиться: новый
садовник Беллингера не-
молод (это я считаю со-
рок лет расцветом), вяло-
ват, практически ничем,
кроме сада, не интересу-
ется, а значит, особой
опасности не предстает...»

«ЛЕТАЙТЕ ТРАВИЛЕТАМИ!»

Если преодолеть догмы
(например, специальную
теорию относительности,
то становится ясно, что на
полеты к звездам со
сверхсветовой скоростью
запрета не существует.
Об этом очерк В. Гостева
и Е. Петровича.

«МЕДВЕЖЬЯ БОЛЕЗНЬ»

Есть кабинетные люди,
которые собирают заня-
тые байки о братьях на-
ших меньших. Автор же
этих заметок Борис Жу-
ланов всю жизнь прима-
ничивает устные рассказы
о медведях еще и потому,
что сам немало повидал
в таежных углах Восточ-
ной Сибири.

Учредители —
Союз писателей России,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудова́я коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБИШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.04.92.
Подписано к печати 02.06.92.
Формат бумаги 84×108 1/16.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,95.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 92300.
С 041.
Заказ 438.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

На 1, 2 стр. обложки — репродук-
ции с картин Анатолия Пасеки.

2
ПРЕОБРАЖЕНИЕ
А. Медведев

3
СКОРБНЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ.
ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ
Т. Павлова, В. Хрусталеv

10
НЕУДАВШЕЕСЯ УСЫНОВЛЕНИЕ
Ю. Рязанов

11
ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ
Е. Бирюков

14
ПОСЛАННИК ВО ФЛОРЕНЦИИ
Н. Мезенин

17
ГОРОД У ГОРЫ БЛАГОДАТЬ
О. Бухаркина

19
ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТО-
РОВ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»,
ПОДПИСЧИКОВ «БИБЛИОТЕКИ
ФАНТАСТИКИ»

21
В «ТЫЛУ», НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ
Д. Тиунов

24
ЖИЗНЕМЫСЛИ
Г. Гачев

28
СТИХИ
М. Найдич, В. Сибирев

29
АНГРАВ-VI. Фантастическая повесть
Г. Прашкевич

53
ЗАОЧНЫЙ КЛФ

55
КТО ГОТОВИТ ПСИ-ОРУЖИЕ
А. Стоколос

60
МЕРОПРИЯТИЕ ДВА ДРОБЬ ОДИН-
НАДЦАТЬ. Кинорассказ
В. Щепетнев

68
ДУБОВЫЕ ДОЩЕЧКИ
Ю. Шинкаренко

74
ЧЕМОДАНЧИК. Микродетектив
Д. Хёниг

76
«ОТВЕТ ПО-РУССКИ»
ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ
А. Кива

77
ОГОРОД «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

78
ОДИН АВИАРЕЙС КОНСУЛЬСКОЙ
МАРКИ
М. Минский

79
ЗАЧЕМ КУПОН АМЕРИКАНЦУ?
В. Руденко
Слайды В. Донецкого

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В связи с путаницей на местах в
определении суммы переподписки
многие читатели доплатили за 5-12 но-
мера журнала не 60, а 52 рубля!

5-6 номер вышел сдвоенным.
Естественно, его получили и подпис-
чики, не по своей вине не доплатив-
шие восемь рублей. К ним у нас ог-
ромная просьба — перевести по почте
в адрес Средне-Уральского книжного
издательства на расчетный счет
№ 363003 МФО 253761 в Ленинском
отделении ССБ г. Екатеринбурга не-
достающую сумму.

уральский
1992 7
СЛЕДОПЫТ

Александр МЕДВЕДЕВ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Прочтем начало стихотворения Бориса Пастернака «14. Август»:

*Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановую
От занавеси до дивана...
Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось,*

*что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил,*

*что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры...*

Шестого августа по старому стилю (по-новому — 19) празднуется Преображение Господне. Праздник установлен в честь события, о котором мы узнаем из Евангелий. Согласно им, в последний год своей земной жизни Иисус открыл ученикам свою судьбу: «...что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников, и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть».

Не все ученики были готовы увидеть славу Иисуса, и тогда он, «взяв Петра, Иоанна и Иакова, взшел... на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия: явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но пробудившись, увидели славу

Его и двух мужей, стоявших с Ним. И когда они отходили от Него, сказал Петр Иисусу: Наставник! хорошо нам здесь быть, сделаем три кущи, одну Тебе, одну Моисею и одну Илию, — не зная, что говорил. Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их, и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте».

Внутренний смысл события с точки зрения верующих заключается в том, что Иисус Христос, предвидя свои грядущие страдания и мученическую смерть на кресте, стремился укрепить веру учеников, доказав им, что он действительно является богом. Преображение Иисуса, свидетелями чего были апостолы, являло славу его как божества. Христос предстал не как распятый и униженный смертный, а как богочеловек, способный преодолеть смерть, утвердить над ней победу жизни. И еще один важный смысловой оттенок преобразования: человек способен преобразиться душой, подняться над суетой будней и приблизиться к светлому, высокому, чистому.

Евангельский сюжет о преобразении Иисуса Христа имеет аналог в Ветхом завете, где рассказывается о преобразении Моисея (Ис. 24, 34).

В России праздник Преображения имеет еще и другое название — Яблочный Спас. Православная церковь в августе отмечает три Спаса — три праздника, посвященных Иисусу Христу. Слово это — сокращенное народное произношение слова спаситель. Иисус Христос — спаситель, он спас человека от вечного проклятия греха и смерти.

Первый, Медовый Спас, имеющий официальное название «Происхождение древ Креста Господня», отмечает-

ся 14 августа (новый стиль). Он установлен в 1164 году византийским императором Мануилом в честь победы Византии над мусульманской турецкой армией. Православие связало с ним победу князя Андрея Боголюбского над волжскими булгарами.

Третий Спас, Спас на полотне, или Спас на убресе (от слов, убрес — полотенце), отмечается 29 августа — в честь перенесения так называемого образа Иисуса Христа из города Эдесса в Константинополь. В основе лежит легенда о появлении нерукотворного лика Христа. Есть две версии: одна связана с царем Авгарь, другая — с образом Вероники, подавшей плат Христу, несущему свой крест на Голгофу.

Праздник Преображения Господня существует с IV века, но популярным становится начиная с XV в.

Шестого августа 1456 году у стен Белграда была сокрушена турецкая армия. Папа Каллист объявил победу результатом божественного вмешательства, связав ее с Преображением.

Август — время завершения сельскохозяйственных работ, уборки хлеба. Древнерусское название месяца — серпень (от слова серп). «Август — густомед, ленород, припасает баба холст», — говорили в народе. Церковные праздники, именуемые спасами, слились с дохристианскими обрядовыми действиями, составлявшими суть праздника урожая. Отмечались радостно: будущее обеспечено, впереди — заслуженный отдых.

Медовый Спас — время сбора меда, выламывают соты. Первые соты наши предки несли в подарок богам, задаривали высшие силы. Это было время и первого озимого сева. Семена освящали, окропляли водой. В освященных прудах и озерах купались люди и купали скот, поэтому праздник называли еще и Мокрый Спас. К языческим временам уходит обычай с помощью воды очищать поселения от злых духов, призывать благодатные дожди — все это отголоски очистительной магии.

Во время литургии в этот день совершался крестный ход на воду и водоосвящение.

Яблочный Спас (Преображение Господне) — пора уборки урожая, плодов, овощей, начало сева озимых, переход к осенним дождям. В этот день в поле с песнями провожали закат солнца. Начинаясь встреча осени, осенины: со Спаса Преображения погода преобразается. В этот день снимали и освящали яблоки, колосья пшеницы. Пришел Спас — всему час: плоды зреют. Лишь после освящения разрешалось есть яблоки.

Третий Спас — хлебный, дожинки, отмечался на следующий день после последнего двенадцатого праздника — Успения.

КОРЬНЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ

Екатеринбургская трагедия

Пребывание царской семьи в Тобольске советские власти в Москве и Екатеринбурге посчитали небезопасным. Николая II решено было эвакуировать и предать «всенародному суду». Так начался последний путь «венценосных великомучеников на Голгофу».

Дорога в неизвестность...

Опережая всех, уходит вперед кавалерийская разведка. Комиссар Яковлев гонит колонну с царской четой вперед безостановочно, не давая передышки. От Тобольска до Тюмени, где ожидал поезд, отряду предстояло пройти в весеннюю распутицу около 300 километров.

Тяжело переносила дорогу Александра Федоровна, которая сделала запись в своем дневнике: «13/26 апреля. Пятница. Мария и я в тарантасе. Николай с комиссаром Яковлевым. Холодно, пасмурно и ветрено, переехали Иртыш. После перемены лошадей в 8 и 12 часов останавливались в деревне и пили чай с нашей холодной провизией. Дорога совершенно отвратительная, сплошная замерзшая земля, грязь, снег, вода лошадям по брюхо, страшная тряска, боль все время. После 4-х перемен (лошадей) пересадка, чека соскочила, и мы должны были пересест в другую повозку (корзину)... Никто не говорит нам, куда мы собираемся от Тюмени — некоторые воображают Москву... Душевная боль растет — написать письмо детям с первым встречным ямщиком».

От настороженного взгляда Александры Федоровны не скрылся тот факт, что не все в отряде было благополучно. «14/27 апреля. Суббота. Лазарево Воскресение. Встали в 4 часа, выпили чай, упаковались, пересекли реку в 5 часов» пешком по доскам, а затем на пароме. Ждали срока дальнейшего движения (приказа Яковлева) до 7 1/4 часа. (Комиссар нервничал, суетился о телеграфировании). Пре-

красная погода, дорога отвратительная. Сменили лошадей снова около (?) времени, приехали в Покровское, пока меняли лошадей, стояли долго возле дома нашего друга (Распутинна — прим. авт.), видели его семью и друзей, выглянувших из окна. В селе Борки пили чай... Покидая село, вдруг встретили на улице Седова. Сменили наш экипаж снова... Вперед, и дикая скорость. Подходя к Тюмени: (встретили) эскадрон на лошадях, построенный в цепочку, вокруг нас, сопровождал нас по пути к станции...»

Обращает на себя внимание фамилия штабс-ротмистра Николая Яковлевича Седова (эmissара и связного фрейлины императрицы А. Вырубовой (Танеевой)). Достоверность этой встречи позднее засвидетельствовал белогвардейскому следователю Н. А. Соколову и сам Седов. Как видим, опасения комиссара Яковлева о возможности похищения царя монархистами имели некоторые основания, но его в большей степени беспокоило поведение сопровождающих колонну уральцев. Фактически он с конвоем находился между двумя отрядами. Впереди шел так называемый отряд Заславского, а позади в радиусе видимости другой — отряд Брюсяцкого. Конфликт чуть было не произошел у с. Иевлево, когда, как пишет член Екатеринбургского облисполкома П. Быков, у уральцев, подозревавших «ненадежность» комиссара Яковлева, появилась мысль отбить у него Романовых. Сам же комиссар в одном из докладов так объяснял ситуацию: «За Иртышом тов. Яковлева встретил Гузаков, он рассказал о своей встрече с Гусяцким (так в документе — прим. авт.) и разговоре, который имел место при этом. Гусяцкий был помощником начальника отряда... Гусяцкий проболтался Гузакову о намерении убить дорогой Николая Романова».

Яковлев четко сориентировался в сложной обстановке, назначив командиром сводного отряда П. Гузакова, а его заместителем Д. Чудинова и предупредив, что «расстреляет весь отряд, если будет произведен хоть один случайный выстрел». В 35 верстах от города колонну встретил предсе-

датель Омского губисполкома Н. М. Немцов, который проводил ее до городского вокзала.

Сохранился телеграфный запрос Яковлева к Свердлову, принятый 26 апреля в 20 ч. 50 мин. в Москве: «Москва. Председателю Центр. Исп. Ком. Из Тюмени. Маршрут остается старый, или ты его изменил. Сообщи немедленно <в> Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно. Яковлев».

Из Москвы тут же последовал ответ: «Маршрут старый, сообщи, груз везешь или нет. Свердлов».

Яковлев позднее так описал переговоры, проведенные им по телеграфу из Тюмени со Свердловым: «Мы вызвали Кремль. У аппарата был сам Свердлов. Обещал немедленно вступить в переговоры с Уральским Советом. В ожидании дальнейших инструкций от Свердлова я вызвал Екатеринбург. Но так как Голошекин, Белобородов и Дидковский в этот момент были заняты переговорами с Москвой, мне пришлось только ограничиться детальным сообщением на имя Голошекина о том, что произошло, и, кроме того, я просил их во избежание бессмысленного кровопролития обуздать екатеринбургские отряды. На телеграфе я пробыл около пяти часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска».

Маневр комиссара Яковлева многих ввел в заблуждение. Так, Александра Федоровна записала в дневнике: «В поезде едем на запад. 15/28 апреля. Воскресенье. В 4 1/2 часа покинули Тюмень. Едва уснули...»

28 апреля в 18 ч. 50 мин. в Москве был принят тревожный телеграфный запрос от Екатеринбургского Совлепа: «Секретно. Совнарком, тов. Ленину и Свердлову. Из Екатеринбурга».

Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перегон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано — нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно Вашего письма от 9-го апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсоветом и областным Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то ни стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответа. Белобородов. Сафаров».

В это время в Екатеринбурге проходила 4-я Уральская областная конференция РКП(б), на которой присутствовало 102 делегата от 57 местных парторганизаций. По утверждению П. М. Быкова: «Конференция одобрила действия партийного комитета и Областного Совета, и в частности совещания большинства делегатов с мест высказывалось за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановления в России монархии».

Между тем поезд с Николаем Романовым не дошел до Омска. Возвращению поезда в Екатеринбург предшествовали интенсивные переговоры между Москвой и Уралом, а чуть позднее между Москвой и Яковлевым. В переговорах с Я. М. Свердловым Яковлев пытался доказать свою правоту: «Несомненно, я подчиняюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж (т. е. Романовых — прим. авт.) туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет Народных Комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подтвердить как Тюмень, так и Омск. Еще одно изображение: если Вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии — прим. авт.), то Вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту (в Екатеринбург — прим. авт.), то сомневаюсь, удастся ли Вам его оттуда вытащить. В этом ни я, ни Гузаков, ни екатеринбуржец Авлеев — никто из нас не сомневаемся, так же как не сомневаемся в том, что багаж всегда в полной опасности. Итак, мы предупреждаем Вас

последний раз и снимаем с себя всякую моральную ответственность за будущее последствие. Еду по первому маршруту. Сейчас же выезжаем...»

Во избежание разрастания конфликтной ситуации Свердлов направляет в Екатеринбург предписание: «Все что делается... Яковлевым является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте. Он действует согласно полученного от меня сегодня в 4 часа утра указания. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов».

Александра Федоровна, исходя из своих наблюдений и резюмируя события, записала в дневнике: «Омский Совет не разрешит нам проследовать Омск из-за страха, что кто-то похитит нас в Японию».

Напряженно следил за складывающейся ситуацией и Николай Александрович. «16/29 апреля. Понедельник. Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить!» Это же подтверждает свидетельство конвоира П. М. Матвеева: «Подъезжая к Екатеринбург, я велел своим ребятам приготовиться...»

Романов вдруг меня спрашивает:

— Скажите, вопрос определенно решен, что мы остаемся в Екатеринбурге?

Получив от меня утвердительный ответ, он сказал:

— Я бы поехал куда угодно, только не на Урал.

На мое указание, что не все ли равно, куда ехать, раз везде в России Советская власть, он ответил, что все-таки на Урале ему оставаться не хочется, т. к. судя по местным газетам, уральские рабочие настроены резко против него».

Уральцы в соперничестве с Яковлевым в конечном итоге вышли победителями. Еще недавно они требовали только эвакуации Николая Романова из Тобольска в «какое-нибудь более безопасное место». И не надеялись на большее. Только 27 апреля 1918 года к владельцу дома Ипатьеву пришел комиссар Жилинский и предложил ему очистить дом к 29 апреля. Значит, место заключения Романовых было определено лишь накануне их появления в Екатеринбурге.

В «доме особого назначения»

В Москву на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова пошла следующая телеграмма из Екатеринбурга:

«Сегодня, 30 апреля, в 11 часов петроградского времени я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царину Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены в особняк, охраняемый караулом. Ваши запросы и разъяснения телеграфируйте мне. Председатель Уральского Облсовета Белобородов».

Уже 2 мая Свердлов выступил с внеочередным заявлением на заседании Совнаркома: «По всем сообщениям, дошедшим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Николай Романов не получит возможности скрыться из Тобольска... Исходя из всех указанных сообщений, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов... находится в Екатеринбурге, Пермской губернии, надзор за ним поручен областному Совдепу Урала».

На следующий день, 3 мая 1918 года, Свердлов направил следующее предписание Екатеринбургского Совлепа А. Г. Белобородову: «Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком... Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщить подробности условий нового содержания».

Однако напоминания Свердлова об ужесточении режима содержания Романовых были излишни. Александра Федоровна записала в дневнике: «В 3 часа было приказано покинуть поезд... Председатель Совета посадил нас троих в открытую машину, а грузовик с солдатами, вооруженными

до зубов, последовал за нами. Проехали через городские улицы до маленького домика, вокруг которого высокий деревянный забор... Здесь новая охрана с офицером и гражданскими, следящими за всем нашим багажом. Валя (Долгоруков) не вошел в дом...»

Позднее шофер П. П. Самохвалов на допросе у следователя Н. А. Соколова показал: «В числе прибывших был один генерал. Голошкеин спросил его имя и, когда тот себя назвал, объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму...»

Князь В. А. Долгоруков был обвинен в подготовке побега Николая II и покупке нагана у охраны поезда. Через некоторое время приближенные Романова — Долгоруков и Татищев — были расстреляны чекистами Г. Никулиным и В. Сахаровым недалеко от городского кладбища. В Екатеринбурге они стали первыми жертвами готовящейся расправы.

По воспоминаниям А. Д. Авдеева (коменданта «дома особого назначения»), Белобородов «объявил бывшему царю, что по постановлению ВЦИК Николай Романов и его семья будут находиться в Екатеринбурге, в ведении Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, впредь до суда».

Картину происходящего в Ипатьевском доме дополняют свидетельские показания камердинера бывшего императора Т. И. Чемодурова:

«Как только государь, государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б. В. Дидковский и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук государыни и вызвал этим замечание государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский резко ответил: «Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом».

Режим в Ипатьевском доме был установлен крайне тяжелый, и отношение охраны прямо возмутительно. Но государь, государыня и великая княжна Мария Николаевна отнеслись ко всему происходившему спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков... Ни государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными «начальствующими» лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были представлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение...

Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях государь, государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц... Числа 6—7 мая (по старому стилю) прибывший в дом Дидковский предложил всем заключенным в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег... В том, что у меня были отобраны деньги, Дидковский выдал мне расписку».

Теперь каждый день Романовы жили ожиданием встречи с детьми. Чувство тревоги и гнетущей тоски не покидало их. 1 мая 1918 года Мария Николаевна написала уже вто-

рое письмо в Тобольск с приписками, сделанными родителями:

«Екатеринбург. 18-го апреля (1 мая по нов. ст.) 1918 г. Христос Воскрес!

Мысленно три раза тебя целую, Ольга моя дорогая, и поздравляю с светлым праздником. Надеюсь, праздник проведете тихо. Поздравь всех наших. Пишу тебе, сидя у Папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала и сердце... Утром прошла манифестация: 1-е Мая. Слышали музыку. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади. Нюта спит в столовой, а в большой гостиной Евг. Серг. Боткин, Седнев и Чемодуров. Князя пока не пустили, не понимаю почему, очень за него обидно. Спят они на койках, которые вчера принесли им и караулу. Владельцы дома — Ипатьевы. Горячо целую и благословляю тебя, мою душку любимую.

Твоя старая Мама, все время с тобой мысленно, дорогая моя Ольга. Постоянно втроем говорим о вас и о том, что вы поделываете. Начало путешествия было неприятное и тоскливое; легче стало, когда попали в поезд. Тут неизвестно как будет.

Храни тебя Господь. Трижды обнимаю тебя родную. Папа.

Нюта штопает чулки. Утром вместе стелили постель. Христос с тобой. Нянь и дам целуем. Твоя Мария».

В первые дни мая в каждой записи дневника Александры Федоровны присутствует фраза: «Писала детям». Наконец, 8 мая в дневнике сделана пометка: «Получила первое известие от детей».

Это была долгожданная телеграмма от Ольги Николаевны из Тобольска: «Благодарим за письма. Все здоровы. Маленький был уже в саду. Пишем. Ольга».

Оставшиеся в Тобольске также волновались за судьбу близких. Воспитатель цесаревича П. Жильяр писал: «7 мая. Дети, наконец, получили письмо из Екатеринбурга, в котором говорится, что все здоровы, но не объясняется, почему остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!» Несколько позднее он уточнял: «Она (Александра Федоровна — прим. авт.) извещала в нем, что их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома, что им тесно, что они гуляют лишь в маленьком садике, что город пыльный, что у них осматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями».

Дочери выполнили это указание Александры Федоровны. Большая часть драгоценностей с различными ухищрениями была зашита в одежду великих княжен.

Комиссары Родионов и Хохряков торопились с эвакуацией оставшихся из Тобольска. В результате царевича Алексея повезли полубольным. 20 мая в 3 часа дня пароход «Русь», охраняемый отрядом латышей, отошел от тобольской пристани. Вместе с детьми Николая II на борту находилось 26 человек (свитских и слуг), в том числе Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Тутельберг, Жильяр, Гиббс, дядька царевича Нагорный, повар Харитонов.

Камердинер А. А. Волков позднее вспоминал: «Во время пути солдаты ввели себя крайне недисциплинированно: стреляли с парохода птиц и просто — куда попало. Стреляли не только из ружей, но и из пулеметов. Родионов распорядился закрыть на ночь наследника в каюте вместе с Нагорным... Нагорный резко противоречил Родионову, спорил с ним».

В Екатеринбурге поезд с царскими детьми прибыл в 2 часа ночи 23 мая. Принять прибывших явился председатель Екатеринбургского Совдепа Белобородов. Около 8 часов утра были поданы извозчики, на которых увезли великих княжен, Алексея Николаевича с Нагорным и доктором Деревенко.

Николай Александрович записал в дневнике: «10(23)

мая... Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске и в течение трехдневного пути... Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонову и племянника Седнева... До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей нечуждал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал...

11 (24) мая. Пятница. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали войти ему и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате...»

П. Жильяру в дом войти не разрешили несмотря на просьбы царской семьи и ходатайство Е. С. Боткина в связи с болезнью Алексея. Жильяру и Гиббсу, как иностранным подданным, было предложено покинуть Россию и вернуться на родину.

Судьбу приближенных к бывшему царю людей, оставленных в Екатеринбурге, освещает в своих воспоминаниях случайно спасшийся от расстрела камердинер императрицы А. А. Волков: «Развели нас по камерам. Гендрикова и Шнейдер поместили в больничную камеру, а меня с Татищевым — в отдельную, наверх. На другой день из Ипатьевского дома привели к нам в тюрьму и посадили в нашу камеру камердинера государя, Чемодурова. Посажены мы были в политическое отделение тюрьмы, где находились и заложники».

Далеко не все приближенные к Романовым люди были отпущены с миром. П. Жильяр писал в одной из своих книг: «Через несколько дней после взятия Екатеринбурга, когда все были заняты приведением города в порядок и погребением умерших, нашли вблизи тюрьмы два трупа. На одном из них обнаружили чек на 80 000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаниям свидетелей представляется вероятным, что это было тело князя Долгорукова. Другой труп по всем признакам — генерала Татищева...»

Графиня Гендрикова и госпожа Шнейдер были увезены из Екатеринбурга через несколько дней после убийства царской семьи и отправлены в Пермь. Там они были расстреляны в ночь с 3 на 4 сентября 1918 года. Их тела были найдены и опознаны в мае 1919 года. Они тоже решили отдать свою жизнь за тех, кого любили.

Состоявшего при наследнике матроса Нагорного и лакея Ивана Седнева отправили на расстрел в окрестности Екатеринбурга в конце июня 1918 года. Их тела были найдены через два месяца на месте казни».

Подготовка процесса

Политическая и военная обстановка в стране к лету 1918 года обострялась с каждым днем, особенно с началом антисоветского мятежа многоотрядного чехословацкого корпуса, выступлениями внутренней контрреволюции и крестьянскими восстаниями. Впоследствии А. Ф. Керенский отмечал: «Ленин был сторонником беспощадного террора, без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть большинству в стране. Когда, уже будучи в эмиграции, я спрашивал друзей Ленина из членов левых партий Европы или из меньшевиков о различиях между Лениным и Сталиным, все говорили: в отношении к террору различий между ними не было».

Один из идейных вождей революции Л. Д. Троцкий в своих «дневниках» писал, что казнь царской семьи была необходима, «чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель».

Однако можно определенно утверждать, что первоначально готовился показательный судебный процесс над Николаем Романовым, и на нем в качестве общественного обвинителя должен был выступать Троцкий.

Подтверждение этому находим в неопубликованных воспоминаниях екатеринбургских чекистов И. И. Родзинского и М. А. Медведева (Кудрина). Последний, в частности, утверждал: «Свердлов советовался с В. И. Лениным, который высказывался за... открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Федоровной, предательство которой в годы первой мировой войны дорого обошлось России».

— Именно Всероссийский суд! — доказывал Ленин Свердлову, — с публикацией в газетках. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанес самодержец стране в годы царствования, сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответить перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок верит у нас в «доброего» батюшку-царя? Не только, дорогой Яков Михайлович! Давно ли передовой наш питерский рабочий шел к Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет! Вот эту-то непостижимую «расейскую» доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым...»

Предпринимались и конкретные шаги. 4 июня 1918 года на заседании коллегии Наркомата юстиции РСФСР рассматривалось поручение Совнаркома, по которому было вынесено решение: делегировать в распоряжение Совнаркома представителем от Наркомюста «в качестве следователя т. Богрова». Планомерно собирался и компрометирующий материал на Николая II.

Существовал, однако, еще дипломатический или международный аспект проблемы. Судьбу Романовых в политической игре связывали с тайными статьями и условленными договоренностями Брестского мира. Германия претендовала на роль покровителя бывшей немецкой принцессы Александры Федоровны Романовой и ее детей. П. Жильяр свидетельствовал: «Около 15 мая (по старому стилю — прим. авт.), когда я был в Екатеринбурге, я узнал там совершенно достоверно, что в это время в Екатеринбурге была немецкая миссия Красного Креста... Я тогда был в ресторане вместе с Буксгевден и Теглевой. Рядом с нами сидели два каких-то члена этой миссии и сестры милосердия — немки, и говорили между собой по-немецки. Я точно знаю, что миссия тогда же уехала в Германию. Там знали о тех ужасных условиях, в каких находилась царская семья».

Однако документы свидетельствуют о негативном отношении царской семьи к возможности освобождения их немцами. Да и давление Германии на советское правительство было явно не эффективным, скорее служило лишь средством в достижении целей в большой дипломатической игре. «Новая Петроградская газета» писала 25 мая 1918 года: «Бывшая императрица Мария Федоровна, а с ней и ряд других членов семьи Романовых, возбудили ходатайство перед германскими властями о разрешении им выехать из пределов России. Германским правительством в выдаче общего разрешения на выезд Романовым отказано, но бывшей императрице Марии Федоровне предоставлено право проехать в Данию».

Когда об этом стало известно советской власти, то посол Совета Народных Комиссаров в Берлине Иоффе заявил германскому правительству, что разрешение выехать бывшей императрице Марии Федоровне в Данию для Советской власти нежелательно. Иоффе указал, что Совет Народных Комиссаров вообще находит невозможным выезд Романовых в Западную Европу, ибо в этом случае члены династии Романовых получат возможность руководить контрреволюционными действиями своих приверженцев.

Германское правительство отнеслось к заявлению Иоффе весьма внимательно и отменило свое прежнее рас-

поряжение о разрешении Марии Федоровне проехать в Данию».

Более того, в периодической печати постоянно муссировались слухи о побеге или убийстве Николая Романова. Давались и подобные сообщения, рассчитанные на соответствующую обработку общественного мнения: «14 мая «Манчестер Гардиан», касаясь захвата германцами вдовствующей императрицы и двух великих князей, говорит, что эти лица могут быть использованы Германией для восстановления царского правительства».

На Урале представители дома Романовых оказались под угрозой физического уничтожения, без суда и следствия.

Судьба царской семьи решена

В начале июля 1918 года произошли события, которые определили участь царской семьи. Шел процесс дестабилизации политической и военной обстановки в России. 5 июля 1918 года был убит германский посол Мирбах в Москве. В эти же дни был подавлен левозсеровский мятеж и окончательно снят вопрос о многопартийности советского государства. К Екатеринбург все ближе подошли белочехи. В эти тревожные дни, в первой декаде июля, Москва и Екатеринбург пришли к решению казнить Романовых на Урале.

События развивались следующим образом. Убедившись в том, что Романовых не удастся спровозировать на «побег» и ликвидировать «при попытке к бегству», екатеринбургские власти решили заручиться санкцией центра на казнь царской семьи. В начале июля комиссар Ф. И. Голощекин направляется в Москву, где останавливается на квартире своего друга по ссылке Я. М. Свердлову. В это же время в Ипатьевском доме полным ходом идет подготовка к расправе. 4 июля в Москву отправлена телеграмма:

«Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина.

Сыромолов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра, опасения напрасны. Авдеев смнен, его помощник Мошкин арестован, вместо Авдеева — Юровский, внутренний караул весь смнен, заменяется другими. 4558. Белобородов».

Последняя неделя жизни царской семьи в доме Ипатьева проходила особенно тревожно. Уже в конце мая с Романовыми в Екатеринбурге оставили только пять человек: врача Е. С. Боткина, горничную А. С. Демидову, лакея А. Е. Труппа, повара И. М. Харитонову и ученика повара мальчишка Леонида Седнева. Все они находились на положении арестованных. Лишь врач царевича В. Н. Деревенко, поселившийся в городе, имел под контролем доступ в Ипатьевский дом для лечения Алексея Николаевича. Изредка допускались для проведения церковных служб священники: И. В. Сторожев, А. Г. Меледин и В. А. Буймиров.

11 июля Романовым недвуммысленно дали понять, что любая попытка к бегству отныне исключена. «Утром около 10½ часов, — записал в дневнике Николай Александрович, — к открытому окну подошли трое рабочих. Подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы, — без предупреждения со стороны Юровского. Этот тип нам нравится все менее!»

В этой тревожной ситуации, когда смерть была рядом, жизнь царской семьи текла своим чередом. Родителей беспокоило, как всегда, здоровье ребенка. «Алексей принял первую ванну после Тобольска: колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем». Это последняя запись в дневнике Николая Александровича, сделанная им 13 июля 1918 года.

Тем более уникальными по своей значимости являются записи в дневнике Александры Федоровны: «2(15) июля.

Серое утро... Женщины пришли мыть полы... Утром Мария читала мне духовное чтение. До сих пор нет Вл. Ник. (Деревенко — прим. авт.). В половине седьмого ребенок второй раз помылся. Безик. Отправились спать в четверть одиннадцатого... Слышала отзвук артиллерийского выстрела в ночи и несколько револьверных выстрелов».

Сохранились и свидетельства протоиерея И. В. Сторожева, который 14 июля 1918 года вместе с дьяконом В. А. Буймировым последний раз служили «обедницу» в Ипатьевском доме:

«Вперед в зал прошел я, затем дьякон и Юровский... Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, — но все же производили впечатление как бы утомленных... Став на свое место, мы с дьяконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз дьякон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва...

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне отец дьякон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано). Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжен, мне послышались едва уловимые слова: «Благодарю»...

Молча дошли мы с о. дьяконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. дьякон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, у них там чего-то случилось».

Наступил последний день заточения узников Ипатьевского дома. В дневнике Александры Федоровны читаем: «3(16) июля. Серое утро... Ребенок подхватил легкую простуду. Все вышли на полчаса утром... Каждое утро комиссар приходит в наши комнаты. Наконец-то, через неделю, снова принес яйца для ребенка. 8 часов ужин. Внезапно Мика Седнев был вызван на встречу с жидей и улетел — удивляюсь право на это, посмотрим, вернется ли он назад...»

Тем временем комендант дома особого назначения Я. М. Юровский готовил ночной расстрел.

Любопытно, что 16 июля 1918 года в ответ на запрос датской газеты в Совнарком по поводу распространявшихся слухов о казни бывшего царя Москва дала следующий ответ: «Слух беспочвенен, бывший царь невредим. Все слухи такого рода — ложь капиталистической прессы. Ленин». На копии телеграммы имеется приписка: «Вернули с телеграфа. Не имеют связи».

Участник событий, член Екатеринбургского облисполкома, позднее вспоминал: «По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля было создано собрание областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых».

Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок... Силы Красной Армии недостаточны, и падения города можно ждать через три дня. В связи с этим областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре охраны с помощью нескольких надежных рабочих коммунистов.

На предварительном совещании в областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов».

Дополнительные сведения об этом заседании дают воспоминания чекистов М. А. Медведева (Кудрина) и Г. П. Никулина, составленные ими в 60-х годах. По их утверждению, 16 июля в здании Уральского Обл. ЧК (Американской гостиницы) заседал «в неполном составе Об-

ластной Совет Урала». М. А. Медведев писал: «Когда я вошел, присутствующие решали, что делать с бывшим царем Николаем II Романовым и его семьей... Обсудив все обстоятельства, мы принимаем решение: этой же ночью нанести два удара. Ликвидировать две монархические подпольные офицерские организации, могущие нанести удар в спину частям, обороняющим город (на эту операцию выделяется чекист Исая Родзинский), и уничтожить царскую семью...

Постановили: спасти жизнь только Лёне Седневу. Затем стали думать, кого выделить на ликвидацию Романовых от Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии... Итак, четверо: Медведев (Павел — прим. авт.), Ермаков Никулин и я».

Судьба последнего царя и его близких была, таким образом, окончательно решена. Акция должна была состояться не позже 17 июля, одновременно в городе вошло осадное положение.

Кровавая расправа

Все было готово к убийству Романовых: намечены убийцы и распределены жертвы. Дело оставалось за получением санкции центра. Приближалась полночь, а приказа не поступало. При отсутствии связи с Москвой Екатеринбург подключает к этому делу Петроград в лице Зиновьева:

«В Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину.

Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: «сообщите в Москву, что условленного с Филипповым (Голощекиным — прим. авт.) суда <...> по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров».

Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев».

Телеграмма была принята в Москве из Петрограда в 21 час 22 мин.

Совершенно ясно, что в начале июля, когда Голощекин находился в Москве, вопрос о судьбе Романовых предельно обсуждался в ЦК РКП(б). Несмотря на то, что Екатеринбургу был выдан своеобразный карт-бланш на свободу действий, последнее слово по приведению решения в исполнение по-прежнему оставалось за Москвой.

В записке Я. М. Юровского, составленной в 1920 году для историка М. Н. Покровского, имеется важное уточнение: «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых...»

Между тем, на протяжении многих лет официальная концепция утверждала, что решение о расстреле Романовых полностью лежит на Екатеринбургe. Картина такого развития событий создавалась и перед рядовыми членами Екатеринбургского Совдепа. В суть дела посвящены были немногие, и документы, проливающие свет на подлинные события, хранились за семью печатями. Однако логика подсказывает, что все происходило с ведома центра.

Я. М. Юровский в своей записке дает в целом довольно точную картину казни царской семьи в Ипатьевском доме. Предоставим слово Юровскому: «Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались 1/2 часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Федоровна спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Комендант велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Федоровна. Остальным комендант велел встать в ряд. Когда встали — позвали команду. Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что? Что?». Комендант наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим комендантом наповал. Затем сразу же умерли Александра Федоровна и люди Романовых (всего было расстреляно 12 человек)...»

Юровский допустил ошибку — всего было расстреляно 11 человек. Не называет он и фамилии палачей. Этот провал восполняют воспоминания М. А. Медведева: «Юровский отзывает Павла Медведева и оба выходят в соседнюю комнату. Теперь слева от меня против царевича Алексея стоит Гриша Никулин, против меня — царь, справа от меня Петр Ермаков, за ним пустое пространство, где должен встать отряд латышей». Правда, имеются и другие утверждения. Так, Г. П. Никулин сообщает: «На самом деле нас было исполнителей 8 человек: значит, Юровский, Никулин, Медведев Михаил, Медведев Павел — четыре, Ермаков Петр — пять, вот я не уверен, что Кабанов Иван — шесть. И еще двоих я не помню фамилий».

Любопытно, что во время «акции по уничтожению царской семьи» около «дома особого назначения» находился комиссар Голошекин, который сам удостоверился в исполнении приказа.

Юровский в своей записке описывает все подробности этой кровавой драмы: «Алексей, трое из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило коменданта, т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т. д.), заняла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, высланный сукном, чтоб не протекла кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. д.)...»

Скрыть следы преступления оказалось значительно труднее, чем его совершить. Сначала трупы пытались захоронить в одной из шахт, но слухи об этом, поползшие по Екатеринбургу, заставили чекистов вернуться к ним. Как свидетельствовал М. А. Медведев: «Готового плана перехоронения у ребят не было, куда везти трупы, никто не знал... Поэтому решили попробовать сжечь хотя бы часть расстрелянных, чтобы число их было меньше одиннадцати. Отобрали тела Николая II, Алексея, царицы, доктора Боткина, облили их бензином и подожгли. Трупы дымились, смердели, шипели, но никак не горели. Тогда решили останки Романовых где-нибудь закопать. Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре оборотных), выехали на коптяковскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска. Недалеко от переезда (по-видимому, через Горно-Уральскую железную дорогу) в болотистой низине машина забуксовала в грязи... Углубили яму лопатами до черной торфяной воды. Туда — в болотистую трясицу, опустили трупы, залили их серной кислотой, забросали землей. Грузовик от переезда привез с десяток старых пропитанных железнодорожных шпал — сделали из них над ямой настил, проехали по нему несколько раз на машине. Шпалы немного вдавлились в землю, запачкались, будто бы они и всегда тут лежали».

Дезинформация

17 июля 1918 года в 12 часов дня у Свердлова на руках было следующее сообщение из Екатеринбурга: «Председателю Совнаркома тов. Ленину, Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум (Уральского) Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной Комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного Совета в ночь на 16-ое июля (так в документе — *прим. авт.*) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала, и возможности того, что королеванный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 г. приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей в интересах общественной безопасности, эва-

куирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета». Документы о заговоре высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК. Просим ответ экстренно. Ждем у аппарата».

Ответ Свердлова был лаконичным: «Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено». Свердлов не ошибся в своих предположениях: «Президиум признал решение Уралоблсовета правильным...»

Но была еще одна зашифрованная телеграмма на имя секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова (т. е. для Ленина), подлинность которой до последнего времени подвергалась сомнению. А кажется, как просто было проверить правильность дешифровки, проведенной Соколовым с помощью опытного специалиста! Вот ее текст: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

Однако официального сообщения о гибели всей царской семьи в это время не последовало, очевидно, в связи с опасением широкого протеста.

Все же голос протеста прозвучал из уст святейшего патриарха Тихона во время проповеди, произнесенной в Казанском соборе: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет — одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреляют. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены Слова Спасителя нашего: Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие!»

Размах вакханалии и дезинформация вокруг убийства царя, его семьи и приближенных был удивительным, начиная с первых дней свершения преступления и в течение многих последующих лет. Достаточно только упомянуть, что осенью 1918 года (в разгар гражданской войны) во многих советских газетах была опубликована следующая заметка:

«Похороны Николая Кровавого»

Издающаяся в Челябинске «Власть народа» печатает полученное из Екатеринбурга описание торжественных похорон бывшего царя (сообщения такого не было — *прим. авт.*) устроенных войсковыми частями Народной армии.

Тело б. царя, похороненное на месте расстрела в лесу, было извлечено из могилы, найденной по указанию лиц, знавших обстановку казни. Извлечение тела было произведено в присутствии духовной власти Западной Сибири, местного духовенства, делегатов от Народной армии, казачества и чехословаков.

Тело царя было переложено в цинковый гроб, заключенный в деревянную роскошную обшивку из сибирского кедра.

Гроб этот был поставлен под охраной почетного караула из высших командных чинов Народной армии в Екатеринбургском соборе, откуда предполагается перевезти его для временного погребения в особом саркофаге в Омск...»

Кошунство этой дезинформации очевидно. И сегодня, спустя более 70 лет со дня преступления в Екатеринбурге, останки царской семьи не преданы христианскому обряду погребения.

Палачи не ограничились убийством только царской семьи. Их кровавый след продолжился в Алапаевске, а позднее в Петрограде и Ташкенте.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Юрий РЯЗАНОВ

Неудавшееся усыновление

Эту историю я услышал от отца, Михаила Алексеевича Рязанова, который всю жизнь проработал в Челябинске, где и умер в середине восьмидесятых годов. Это был реалистически мыслящий человек, совершенно не склонный к вымыслам. Поэтому я ему верю.

Происходил отец из деловой до-революционной среды. Дед, Алексей Владимирович, приехал в конце прошлого века из Владимирской области, женился на дочери богатого местного бая, получил в приданое достаточный капитал и основал в Заречье, на берегу реки Миасс, заезжий двор. У бабушки была своя лавочка с разными бытовыми товарами с небольшим оборотом — на мелкие расходы. По тогдашним меркам родителей отца нельзя считать богатыми людьми, но жили они в достатке, хотя семья была большой, многодетной.

Дед, по семейной легенде, поддерживал хорошие отношения с местными большевиками, в особенности с Александром Авдеевым, женатым на его родной сестре. У нее, тоже на берегу реки Миасс, в Заречье же, имелась мастерская (по ремонту всякой бытовой утвари — самоваров, замков и прочего), которую подпольщики использовали как убежище. В ней же работал слесарем и лудильщиком Александр Дмитриевич Авдеев. А когда его вынудили перейти на нелегальное положение, то скрывался он в том же прибежище, в тайнике в подвале.

Частенько он с женой наведывался в дом моего деда, и его там

хорошо знали, а дети звали дядей Саней.

В 1917 году Авдеев, подхваченный революционными событиями, исчез из Челябинска, но родственники его не забывали. Знали, что после революции дядя Саня стал «большим начальником» в Москве.

В 1930-м (или в 1931-м, сейчас не помню) отец решил поехать к дяде Сане — не просто повидаться, а рассчитывая на помощь. В это время отец оказался без работы, от родительских капиталов ничего не осталось, жить было не на что, и он надеялся, что бывший родственник (Авдеев развелся с тетей Паней и женился вновь в Москве) посодействует его устройству на работу, возможно, и в столице.

В отделе пропусков Наркомзема отец назвался родственником замнаркома Авдеева, и они вскоре встретились. Дядя Саня беседовал с отцом в своем кабинете (Гусь-Хрустальный переулок, 1 — таким запомнился адрес отцу). Просьба об устройстве на работу была удовлетворена Авдеевым сразу, однако в столице он предложить ничего не мог, а, отдернув занавеску со стены, на которой была прикреплена большая карта СССР, показал несколько городов, где отец мог получить хорошее место по специальности на новых предприятиях — по направлению Наркомзема. Отец выбрал Семипалатинск, там вступил в строй мощный по тем временам мясокомбинат.

Авдеев распорядился оформить соответствующие документы, и после окончания службы они поехали

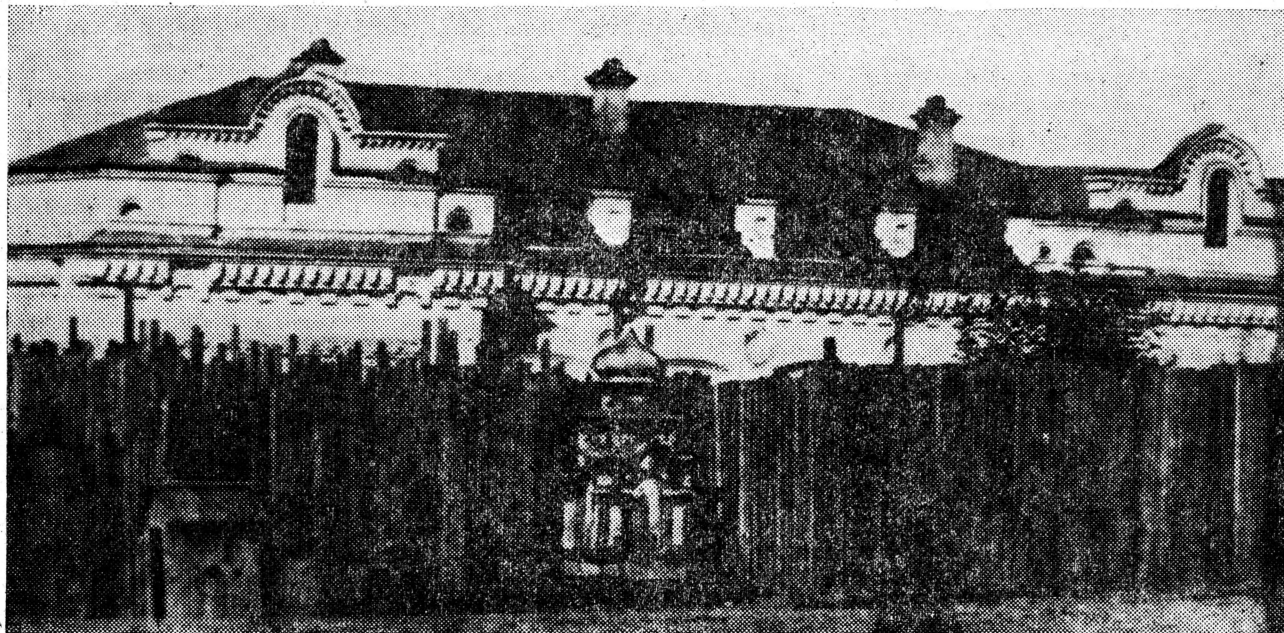
на «лимузине» к нему на квартиру. Дядя Саня был очень любезен, хорошо угостил племянника, потом предался воспоминаниям о своей революционной молодости на Урале, и разговор сам собой коснулся того периода, когда Авдеев в 1918 году был комендантом охраны плененной царской семьи в Екатеринбурге. И тут он поведал нечто такое, о чем отец никогда ни от кого не слышал и нигде не читал.

Если верить Авдееву, то он, как комендант охраны, был оповещен о предстоящем расстреле всех Романовых задолго до исполнения приговора. Екатеринбургские большевики, в чьих руках находилась судьба пленников, ждали подходящего момента, чтобы без лишнего шума и посторонних свидетелей выполнить секретное решение. Поэтому он обратился к своему местному начальству с рапортом, в котором просил разрешения усыновить Алексея Романова (у Александра Авдеева своих детей не было). Просьбу он обосновал гуманными соображениями — ребенок не был ни в чем повинен.

В ответ на эту бумагу Авдеева арестовали, обвинив в монархическом заговоре. Ему грозил расстрел. Дядя Саня уверял отца, что его расстреляли бы без всякого сомнения, если бы не выполнили единственную просьбу: до исполнения казни сообщить обо всем Я. М. Свердлову, с которым поддерживалась прямая связь по телеграфу. Свердлов приказал Авдеева отпустить, поручившись за него, ведь они хорошо знали друг друга по подпольной работе, сидели когда-то в одной камере и подружились. Короче говоря, Авдеева выпустили, преследование прекратили.

Умер он (со слов отца) в 1947 году — своей смертью. Хотя дата и наводит на сомнения.

Вот и все, что я знаю об этом случае из жизни революционера А. Д. Авдеева. Об этом отец рассказывал мне в 1954 году, когда, видимо, посчитал возможным открыть «тайну» дяди Сани, ведь тот предупредил племянника, чтобы он никому об этом не обмолвился.

По воле судьбы династия Романовых взшла на российский престол из Ипатьевского монастыря (1613 год, г. Кострома), а погибла (главные ее представители) — в Ипатьевском доме (1918 год, г. Екатеринбург). В силу этого дом инженера Ипатьева стал достопримечательностью, оброс легендами. Краеведческий поиск помог воссоздать его историю во времени и пространстве.

В 1792 году на месте загородного дома начальника В. Н. Татищева был заложен каменный храм. Строился долго, но стоит и до сих пор. После революции в нем побывали школа, музей, теперь снова — Свято-Вознесенский собор.

Напротив до 1808 года стояла деревянная церковь. Потом ее перенесли в Нижне-Исетск, к кладбищу. А в 1840-м, ближе к Нижне-Исетскому пруду выросла каменная церковь Вознесения Христова (простояла до 1974 года). На Вознесенской же горке, на месте деревянной церкви поставили часовню-памятник с четырьмя изображениями: Святого пророка Илии, Вознесения Господня, Святого епископа Митрофания Воронежского и святого праведного Симеона Верхотурского Чудотворца.

Таким было ближайшее окружение Ипатьевского дома. Сам он построен около 1866 года (на плане 1863-го его еще нет): двухэтажный, светлый, уютный, с небольшим садом, надворными постройками, конюшней, каретником, складскими помещениями. И хотя снаружи дом был украшен лепным декором, а по крыше и воротам — железными витыми решетками, особо тогда не выделялся — рядом были более достойные: хоромы Расторгуева-Харитоновы (ныне Дворец школьников) и дом Зотова (на том месте — сельхозинститут). Поэтому в сериях дореволюционных открыток его персонально не встретишь, только на панорамных снимках с Вознесенской церкви. Впервые дом появляется в фотомонтаже «Екатеринбург и его окрестности, 1884 год», рядом видна и часовенка.

По описи 1887 года дом этот (Вознесенский проспект, 49) числится за статским советником И. И. Редикорцевым. Фамилия на Урале известная — видный горный деятель¹. В самом конце века дом перешел во владение купца

Ипатьевский дом

**Евгений
БИРЮКОВ**

Шаравьева, а после его разорения дом вместе с мебелью купил инженер Ипатьев.

Николай Николаевич Ипатьев (1869—1938) — выходец из дворян. Родился в Москве, в семье учителя рисования, женат был на Марии Федоровне, урожденной Гельцер (из семьи артистов Императорских театров). Детей у них не было. Николай Николаевич окончил 3-й Московский кадетский корпус, затем Николаевское инженерное училище и Военно-Инженерную академию. Обязан был отслужить семь лет в армии, что и исполнил: дослужился до чина штабс-капитана железнодорожного батальона. Военная специальность — сапер.

В 1906 году Ипатьев вышел в отставку в надежде найти применение своим силам в железнодорожном строительстве. Предпочел Урал, может, сказались восторженные отзывы побывавшего там старшего брата Владимира. За строительство железной дороги Пермь — Кунгур — Екатеринбург (1906—1909) был отмечен Золотым памятным жетоном. Правительственная комиссия особо подчеркнула инженерную оригинальность и надежность построек.

Вероятно, тогда и был куплен дом в Екатеринбурге. Верхний этаж стал жилым, нижний (полуподвальный из-за косогора) — конторой для подрядных строительных и железнодорожных работ. С 1914 года Н. Н. Ипатьев — член Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), гласный (выборный член) городской думы, активный участник разнообразных комиссий по благоустройству города.

¹ См. Л. Козлов. Памятник первооткрывателю — «Уральский следопыт», 1991, № 5.

В 1915 году возникла комиссия по сооружению в Екатеринбурге Уральского горного института. Проект представил брат-архитекторы А. и Е. Бернардацци, а вопросы технического характера проработал Н. Н. Ипатьев. Здание строилось на входе нынешней площади УПИ. Подрядчиком стал скульптор Я. Эспозито, он привез с собой и артель итальянских каменщиков, а технические консультации давал опять-таки Ипатьев. Достроить институт не успели. Развалины (в районе нынешнего химвака УПИ) пролежали вплоть до конца 40-х годов.

Есть снимок всей строительной комиссии — 22 человека, но без фамилий. Кто из них Ипатьев? Не удалось найти его портрета и по родственным связям.

Напомним коротко о старшем брате инженера. В. Н. Ипатьев (1867—1952) — известный химик, окончил Артиллерийскую академию, а потом преподавал в ней. В 1900 году применил в химических реакциях высокую температуру и давление — так называемую «бомбу Ипатьева», что стало прообразом современного автоклава. Сделал много других открытий. В 1916 году избран действительным членом Российской Академии наук. В годы советской власти входил в состав высшего руководства отраслью («Слава нашей химической промышленности» — так называл его В. И. Ленин). В 1930 году В. Н. Ипатьев выехал за рубеж и назад не вернулся. В Париже, правда, его не «приняли»: русская эмиграция видела и в нем виновника расправы над царской семьей. В Париже он встретил своего сына, ранее ушедшего с белыми, но тот... не подал ему руки. А другой сын в 1936 году публично осудил отца за отказ возвратиться на Родину. В то время Владимир Николаевич жил в Америке, руководил исследовательским институтом. Его избрали членом ряда иностранных академий и называли третьим великим русским химиком, после Ломоносова и Менделеева.

А из Академии наук СССР его исключили. В. Н. Ипатьев тогда ответил официальным органам: «Всякий ученый работает не только для своей страны, но и для всего человечества. Я люблю свою родину и, творя новые открытия, всегда думаю и думаю теперь, что все это принадлежит ей...».

В 1990 году В. Н. Ипатьева восстановили в Академии наук СССР. Совсем мало известна нам одиссея Николая Ипатьева. В конце апреля 1918 года его в 24 часа выселили из собственного дома — именем Революции. Перед вынужденным отступлением чекисты 22 июля дом закрыли.

Когда в Екатеринбург вошли белочехи, Ипатьев снова получил на дом права, побывал, но жить не стал. К дому поставили караул с 26 июля (накануне он был как проходной двор), и лишь 1 августа с большими предосторожностями — вдруг заминировано — его открыли и провели внутренний досмотр. Позднее дом облюбовал для своего штаба командующий Сибирской армией генерал Гайда. Но три комнаты (спальни и подвальная) были закрыты по настоянию следствия.

Есть сведения, что в 1919 году Н. Н. Ипатьев был на Дальнем Востоке (эвакуировался с горным институтом). Через Японию попал... в Чехословакию. Преподавал. Умер в 1938 году. Прах его покоится на Ольшанском кладбище в Праге. А в екатеринбургском доме, по утверждению одного старожила, в молодости служившего там писарем, остался невостребованным... клад, зарытый под пристроем.

Итак, с 30 апреля по 16 июля 1918 года в доме Ипатьева жила семья Романовых. Из дневников Николая II: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены 4 комнаты: спальня, столовая с окнами в садик и просторная зала с аркой без дверей». Со двора к дому примыкала терраса-балкон на деревянных столбах.

«Комната, где помещался Николай с женой, имела две кровати, одну кушетку, письменный стол, два маленьких стола, три стула, шкаф для платья и белья, умывальник, драпировки на окнах, ковер на полу, — так, примерно, были обставлены и другие комнаты», — из воспоминаний первого

коменданта Дома особого назначения А. Авдеева.

В доме были водопровод, ванна, телефон, электричество, домашняя аптека, аквариум, рояль и довольно большая библиотека (царь читал и хвалил сочинения Салтыкова-Щедрина). На стенах висели картины (пейзажи художников Лаврова, Воронкова и копии Шишкина) и фотографии. Мемуаристы упоминают также голову оленя и чучело большого медведя. Последнего чекисты перед отъездом, якобы, насторожили у входных дверей, чтобы напугать белых.

Парадное крыльцо дома выходило на Вознесенский проспект. По прибытии Романовых с улицы был сооружен тесовый забор в два ряда (первый закрывал полуподвал, второй окна дома) и будка для постового. А на чердаке был установлен пулемет «максим».

«Два снимка были сделаны в момент заключения известным мне лицом тайно от большевиков при помощи малого карманного аппарата», — сказано в материалах следователя Н. А. Соколова.

Белое следствие, конечно, изучило каждый сантиметр пола и стен, выковыряло все пули. А при отступлении вырезали и увезли обои и штукатурку с пулевыми отверстиями и пятнами крови (они, говорят, осели в английских музеех).

В 1927 году — к 10-летию Советской власти — было решено открыть в доме музей Революции на Урале. Из здания выселили студентов Коммунистического университета (он был напротив, во дворе Расторгуева, а в доме Ипатьева — общежитие партийных и советских работников), восстановили комнату, где был совершен расстрел, в «первоначальном» виде, даже с «кровью» на полу. Особо важных посетителей фотографировали на фоне «свершившегося наказания (газета «На смену!», 14.09, 1928 г.). Другие снимки даже тиражировались на открытках.

Сам дом, уже без часовни, в двадцатые годы включен в серию типографских открыток (два издания, под № 17 и 32). В большой живописной картине дом запечатлел известный уральский пейзажист И. Слюсарев.

В экспозиции музея особое место занимала заказная картина заслуженного художника республики В. Н. Пчелина «Передача Романовых Уральскому Совету» (холст, масло, 2,6×3,3 метра). В 30-е годы картину пришлось убрать, ибо многие из изображенных были объявлены врагами народа. Говорят, приказали уничтожить и полотно, но директор музея на свой страх и риск его просто спрята, свернув в рулон. Сейчас картина — в музее общественно-политических движений (бывший Я. М. Свердлова).

А экскурсии в музее Революции любил водить специальный уполномоченный НКВД Петр Ермаков, вспоминая свое участие в расстреле, подолгу задерживаясь в той самой комнатке... Посетил ее и Яков Юровский в 1934 году, уже персональным пенсионером. Выступил с воспоминаниями. Они (запись) хранились в этом же доме с 1929 по 1971 год (здесь был историко-партийный архив).

Одно время — перед войной — в доме нашло приют Общество воинствующих безбожников.

В 70-е годы бывший Дом особого назначения занимали отдел культуры (учебно-консультационный пункт, курсы повышения квалификации) и управление «Союзпечати». Экскурсии — высокопоставленные — сюда все еще ходили. Побывал, например, министр внутренних дел Щелоков...

Приводили сюда и поэт Андрей Вознесенского, который потом написал «Ипатьевскую балладу».

В 1974 году решением облисполкома дом был взят на государственную охрану как историко-революционный памятник. В «Уральском рабочем» появилась заметка — «...Наконец-то».

Почти сразу же началась и кампания против: по генеральному плану Свердловска весь западный склон горки предполагалось очистить от построек для эспланады — спуска к городскому пруду. Тот же «Уральский рабочий» писал, что будет расширяться улица Я. М. Свердлова.

Защитники исторического дома пытались взывать к общественному мнению, а краевед П. Д. Галкин написал даже Л. И. Брежневу, но ответа на свое послание не получил. В журнале «Урал» (1977, № 3) было напечатано коллективное письмо «Семь раз отмерь...»: «Потомки не простят нам, если будет снесен Ипатьевский дом». Письмо подписали А. Верилов, А. Бальчугов, В. Смирнов, П. Галкин, Ю. Курочкин, руководители и актив Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Редактору журнала — В. Очеретину — был нагоняй по партийной линии за... заступничество.

В пору секретарства Б. Н. Ельцина в обком поступило секретное постановление Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьева в Свердловске.

3 августа 1977 года решением Совета Министров РСФСР он снят с госохраны, сразу же обнесен забором и 16—19 сентября с помощью солдат стройбата разрушен до основания (стены — снесены, фундамент — засыпан). Любители, кто успел, пофотографировали, коллекционеры — собиравали кирпичи. Несколько «сувениров» уехало даже за границу — с работавшими тогда в Свердловске специалистами-монтажниками из Германии. Камин из гостиной, художественного каслинского литья, взял краеведческий музей.

21 сентября (с опозданием) исполком Свердловского горсовета постановляет — в соответствии с генеральным планом: 1. Разрешить управлению благоустройства города снести жилой дом № 49 по ул. К. Либкнехта, в связи с ее расширением. Подпись: зам. председателя исполкома В. П. Букин. Полностью это постановление приведено в сборнике «Убийство царской семьи Романовых» (Свердловск, Урал-Советы, 1991).

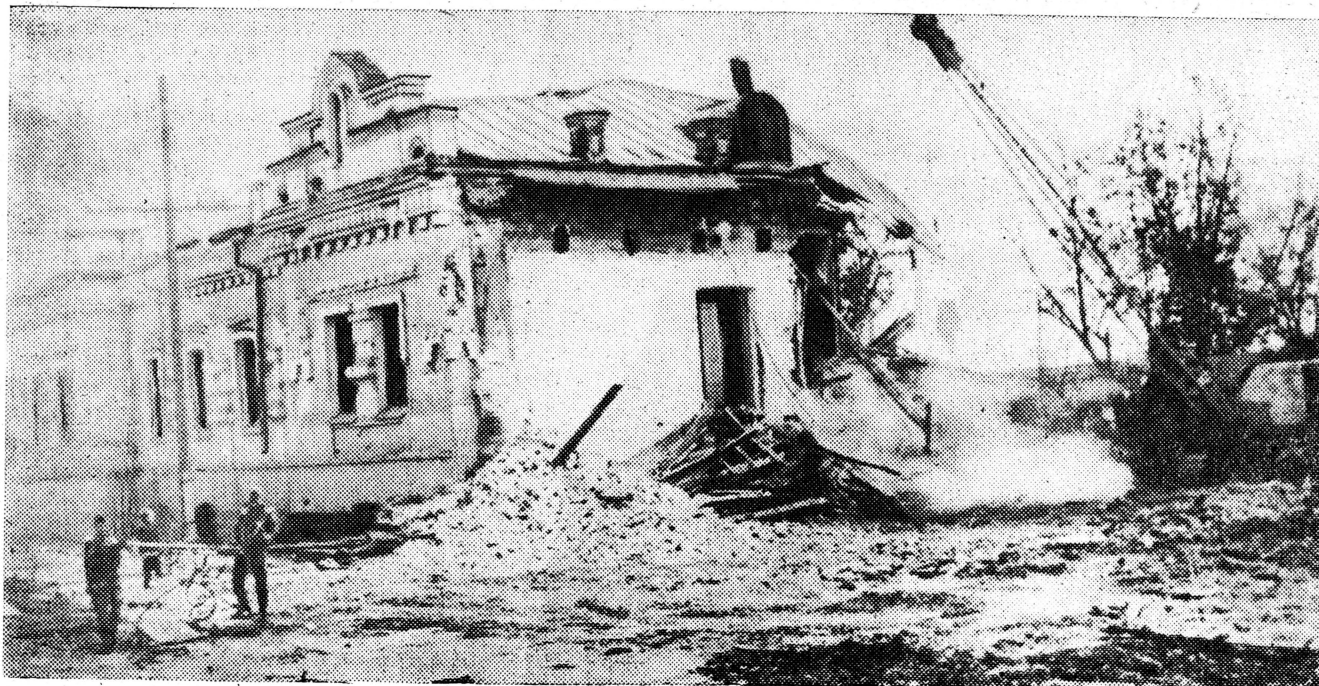
Что же дальше? В Свердловском архитектурном институте прошел конкурс на лучший эскиз часовни на месте дома. Там же, в САИ, в свое время сделан курсовой проект — макет Ипатьевского дома. Теперь дизайнеры одного кооператива склеили более выставочный «домик», пока в одном экземпляре, из пластмассы. Если будут заказы в валюте — наделают сколько надо. Другие предприимчивые люди вынашивали идею картонного конструктора — выкрой-

ка дома Ипатьева с интерьерами, а в подвале — игра-рестрел...

Появился романовский «антиквариат»: оконная фрамуга, деревянная панель от камина (который, как известно, был чугунным), шкаф-комод № 187 и сундук № 29.

«Ипатьевское место» уже отдано Екатеринбургской епархии, и та вынашивает планы причислить к лику святых Великую Княгиню Елизавету Федоровну (из погибших в Алапаевске). Зарубежная Русская православная церковь назвала убиенных Романовых святыми и настаивает на Храме всех святых, в земле Российской просиявших, с криптой — подземной комнатой, местом убийства — где круглосуточно будут читаться молитвы... Есть и другие варианты. Например, Холм покаяния... А пока на месте дома стоит крест, большой, деревянный (в запасе есть уже и кованый железный). И каждый год, начиная с 1989, в ночь на 17 июля проходят поминальные панихиды с портретами и свечами, при значительном стечении публики. В иные дни зачем-то подъезжают свадьбы...

Фото автора

НАСЛЕДСТВО. После кончины в 1787 году Никиты Акинфиевича остались 14-летний сын Николай и две незамужние дочери. А наследство состояло из заводов Тагильской группы: Нижнетагильского, Выйского, Верхне- и Нижнесалдинских, Черноисточинского, Висимо-Шайтанского и Висимо-Уткинского, а также деревень с 9209 душами мужского пола. Юный владелец огромного хозяйства долго не интересовался своей уральской вотчиной. За него управляли заводами высокопоставленные опекуны А. В. Храповицкий и Н. Д. Дурново.

С детства Николай Никитич Демидов числился сержантом гвардейского Семеновского полка, но по дворянскому обычаю жил в родительском доме и «проходил науки». Потом вел в столице разгульную жизнь лейб-гвардейского офицера. Всесильный князь Г. А. Потемкин заинтересовался им и взял к себе адъютантом. В царствование Павла I имя Демидова мелькает в именных указах императора вместе с фамилиями придворной знати. Скоро Никитич стал камергером, тайным советником и затем гофмаршалом. Он участвовал в битве при Бородине и дослужился до чина генерал-майора.

В 18 лет Николай Никитич приступил к управлению заводами, но совместно с опекунами. Даже наемный историк К. Головщиков писал о внуке оборотистого Акинфия, что тот, получив в наследство богатейшие Тагильские заводы и тысячи душ крестьян, «не умел надлежащим образом пользоваться своими богатствами, так как над ним, как расточителем, учреждена была опека».

«МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ». Сохранились сведения о денежных делах Н. Н. Демидова в 1791 году. Основной доход 567 тыс. руб. получен от продажи железа и лишь 13 тыс. руб. падает на оброк с вотчин. Расходы по производству за год составили всего 193 тыс. руб. Но молодому владельцу и этих средств не хватало, чтобы жить без долгов. «Этот огромный доход, — пишет академик С. Г. Струмилин, — почти целиком расходовался уже непроизводительно, по-дворянски, названным потомком тульских кузнецов. Включившись благодаря заводским миллио-

**Николай
МЕЗЕНИН**

ПОСЛАДНИК ВО ФЛОРЕНЦИИ

нам в высшие круги феодальной знати, такие потомки выдающихся по своей предприимчивости выходцев из народа очень быстро вырождались в новом паразитическом быту, столь расточительно улаживая свою дворянскую утробу, что им уже не хватало заводских доходов».

Любопытны данные о личных тратах Николая Никитича, адъютанта князя Потемкина. В длинном списке расходов уплата за лисью шубу — 700 руб., за аксельбанты и темяки — 641, за табакерку — 620, по вексялям — 1900 руб. Всего было затрачено в Москве 19554 руб., но это составляло только «мелочный расход» Николая Никитича. Вместе с тратами по московскому дому расход составил за год 60413 руб.

В последующие годы денежные дела Демидова не улучшаются, а сумма долгов растет. К 1794 году она составила более 818 тыс. руб. Сюда входят финансовые обязательства Адмиралтейству на постройку корабля, долг за строящийся в Гатчине дом, налог по десятине. И даже крупные долги частным лицам: портному, каретнику, актрисе Сюжетте...

Если внук основателя династии заводчиков Н. А. Демидов проживал в год по 26 тыс. руб., то его сын Николай Никитич довел свой личный расходный бюджет до 170 тыс. У камергера двора к 1795 году накопилось столько долгов, что ему угрожало банкротство.

Николай Никитич подает два прошения, где пишет, что его заводы находятся под угрозой остановки из-за недостатка денежных средств. Он просит разрешения заложить три московских его дома, отсрочить уплату недоимок по десятинному сбору за 5 лет и ссудить ему из банка 500 тыс. руб. под залог заводов. Скверное положение дел он объяснял семейными обстоятельствами: выдачей приданого сестрам и уплатой долгов зятя, а также ростом цен в связи с неурожаем.

Правительство посредством субсидий и ссуд, конечно, помогало представителям правящей касты, но это не могло продолжаться бесконечно. Демидому пришлось заложить Черноисточинский завод. «Это весьма далеко от предприимчивости первых Демидовых, но зато совершенно соответствует дворянским нравам этого времени», — отмечает

Б. Б. Кафенгауз. Женитьба Николая Никитича на богатой невесте — баронессе Е. А. Строгановой, помогла ему выйти из финансовых затруднений и даже увеличить без того громадные богатства.

В ОТСТАВКЕ. Оставив военную службу, Николай Никитич отправился в заграничное путешествие. Он осматривает заводы в Англии, Германии, Франции, на о. Эльба, знакомится с успехами горнозаводского дела, чтобы лучшее применить на своих заводах. Из Парижа он послал на тагильские заводы профессора Ферри, известного знатока горнозаводского дела, с жалованьем в 15 тыс. руб. в год. Профессор поставил на заводе копер для разбивки старых чугунных изделий, пытался построить железоделательный завод с 4 горнами повыше устья р. Выи. Но скоро уехал в Париж.

После смерти отца все книги, собранные им, Николай Никитич пожертвовал Выйскому горнозаводскому училищу в Тагиле.

В 1806 году он сам приезжал в Нижнетагильск «для постановки правил правления заводами». Желая подготовить опытных мастеров, он за свой счет отправил более ста крепостных в Англию, Швецию и Австрию для изучения специальных отраслей горнозаводского дела. Нижнетагильский завод, где трудилось много замечательных мастеров, считался в то время лучшим по всему хребту уральскому.

ЖИВОПИСНОЕ УЧИЛИЩЕ. В 1804 году при Висимо-Уткинском заводе Демидова началось строительство церкви. Для росписи ее предлагалось нанять только одного живописца с тем, чтобы он на месте, в Тагиле, обучил своему искусству 4—6 мальчиков и с их помощью выполнил отделку церкви. Так возникла в Тагиле школа живописи. Научный сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея О. Силюнова выявила в областном архиве новые документы, позволяющие восстановить некоторые звенья истории школы и жизненного пути ее первого руководителя Василия Ивановича Албычева (см. «Уральский следопыт», 1989, № 6).

Некоторые исследователи считают, что хранящиеся в Эрмитаже тагильские подносы с сюжетной росписью выполнены Албычевым и его учениками.

Какое-то время Н. Н. Демидов не терял интереса к Выйской живописной школе и в 1819 году утвердил ее новый состав, закупил в Париже статуи и бюсты, в 13 ящиках отправил их в Тагил. И вдруг в июне 1820-го настроение заводовладельца внезапно изменилось, и контора получила приказ: «Живописное училище далее за неимением в нем надобности упразднить и бывших в нем учеников разместить по разным местам». Приходится согласиться с О. Силюновой: «Закрылось живописное заведение, бывшее по сути своей господской прихотью, данью моде. Особая милость иссякла».

«НАТУРАЛЬНЫЕ МЕХАНИКИ». Демидовым везло на талантливых людей. Но и заводовладельцы умели поощрять таланты. Огромную пользу заводам принесли труды механиков Черепановых, создателей первого русского паровоза и многих паровых машин. Их была целая династия.

«Сколько позволяют силы ума моего, стараюсь неослабно заводить машины для пользы заводов и для облегчения сил трудящихся». С такими мыслями Ефим Черепанов трудился на демидовских заводах, обеспечивая их техническое оснащение. Заводовладельцы понимали «пользу заводов», но совсем не имели в виду «облегчение сил трудящихся». Если был выгоднее ручной дешевый труд, машины сразу отменялись. Вот почему оба черепановских паровоза, построенные в 1834—1835 годах, не использовались ни Выйским заводом, ни медным рудником.

Образования Ефим Черепанов фактически никакого не имел, учился «при доме». Из этих «университетов» вышли все «натуральные механики» Черепановы: сам Ефим, его брат Алексей, которому Н. Н. Демидов в 1813 году поручил строительство «провошнных фабрик», сын Ефима — Мирон,

первый помощник в создании паровых машин и паровоза, племянник Аммос, создатель «парового слона» — трактора, перевозящего тяжести с Нижнетагильского на Верхнесалдинский завод.

Николай Никитич, казалось бы, вполне понимал выгоды машинного труда. «Сравнения нет, делать какую-либо вещь машиною или руками: в последнем случае не только обойдется дороже, но еще время много теряется», — писал он в одном из писем Е. А. Черепанову. Но хозяин был непоследователен, понимал лишь немедленную выгоду. Ставка на крепостной труд оставалась для него главной. В качестве владетельного крепостника Николай Никитич во многом тормозил и ограничивал то, что замышлял в переоборудовании заводов как предприниматель, стремящийся обогнать «соседственных заводчиков».

Крепостных интеллигентов он рассматривал как свою личную собственность и предпочитал своих специалистов держать в крепостном состоянии. Он скрупулезно высчитывал издержки на подготовку специалистов. Они слагались из расходов на образование, командировки на другие заводы и за границу. Так, талантливый металлург Фотий Ильич Швецов, получивший разностороннее образование за границей, стоил, по оценке Демидова, 25 тыс. руб. Мастер Алексей Черепанов — меньше, но много выше суммы в 6 тыс. руб., предлагаемой Черепановым за выкуп из крепостного состояния.

Даже признавая у Швецова талант и интерес к делу, Николай Никитич глумился над мечтой молодого человека получить вольную. «Он воображает, что его в Москве экзаменуют и через оное он получит отпускную», — писал самодовольно Демидов Черепанову. — Пусть себя льстит тщетною надеждою. Баженов и покойный его товарищ, кажется, Арефьев, могли бы быть приняты академиками (в Академию художеств — Н. М.), но как я на оное не был согласен, то остались в моем владении». Хозяин имел в виду Якова

Арефьева и Павла Баженова, учившихся живописи в Риме, а затем в Петербургской академии художеств. Они преподавали в Нижнетагильском училище живописи, потом остались на заводе, выполняя разные поручения.

ПОСЛАННИК ВО ФЛОРЕНЦИИ. В 1810 году Николай Никитич был назначен русским посланником во Флоренцию, столице Тосканского княжества. Аристократическая колония во Флоренции пополнилась колоритной фигурой уральского миллионера. Николай Никитич Демидов стал там владельцем князьком второй руки. Нанимаемое им палаццо Серристоры у моста Делла Грацио представляло собой пеструю смесь публичного музея с домом русского вельможи прошлого века. Тут обретались французские секретари, итальянские комиссионеры, уральские конторщики, приживалки, воспитанницы и в дополнение ко всему — французская водевильная труппа в полном составе. В особняке Демидова привлекала внимание выставка малахитовых и других ценных вещей, а в саду — коллекция попугаев. То и другое было доступно флорентийским жителям. Французские спектакли давались дважды в неделю, а затем следовал бал. Самого хозяина, разбитого параличом, перевозили из комнаты в комнату в кресле на колесах.

Случалось, что Николай Никитич, просматривая отчеты со своих заводов, находил нужным вытребовать для личных объяснений кого-нибудь из уральских приказчиков. И тот, получив приказание, запрягал тройку и ехал к барину во Флоренцию.

На набережной реки Арно и сейчас есть площадь Демидовых, на которой возвышается большой мраморный памятник Николаю Никитичу, выполненный скульптором Лоренцо Бартолини. Центральная группа памятника, поднятая на высокий прямоугольный постамент, изображает Н. Н. Демидова в виде римского сенатора, который прижимает к груди сына, а женщина, символизирующая Признательность, преподносит ему лавровый венок. По углам постамент — четыре фигуры-аллегии: Природа, Искусство, Милосердие и Сибирь. Последняя держит на руках бога богатства Плутоса с мешком золота. Памятник создан по желанию сына посланника Анатолия Демидова и подарен городу Флоренции, где ценили благотворительность русского магната, щедрой рукой сыпавшего пожертвования на строительство приютов и на культурные цели.

ЗОЛОТО И ПЛАТИНА. Сенатский указ 1812 года «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды» от-

крыл широкую дорогу к золоту частной инициативе. Н. Н. Демидов шлет из-за границы распоряжения о приумножении приисков в дачах нижнетагильских заводов.

Огромный золотой урожай собрал в первые годы добычи предприимчивый заводчик. Только в 1823 году в Нижнетагильском горном округе открыли 12 приисков.

Платиносодержащие россыпи отыскали в 1825 году. Через год нашли первый платиновый самородок в 10 фунтов 54 золотника, который Демидов не замедлил принести в дар императору Николаю I, за что и удостоился богатой табакерки с портретом государя. Стремясь увеличить добычу золота и платины, Николай Никитич незадолго до кончины купил в Черниговской губернии не менее 8500 душ крестьян и распорядился перевезти их на уральские заводы.

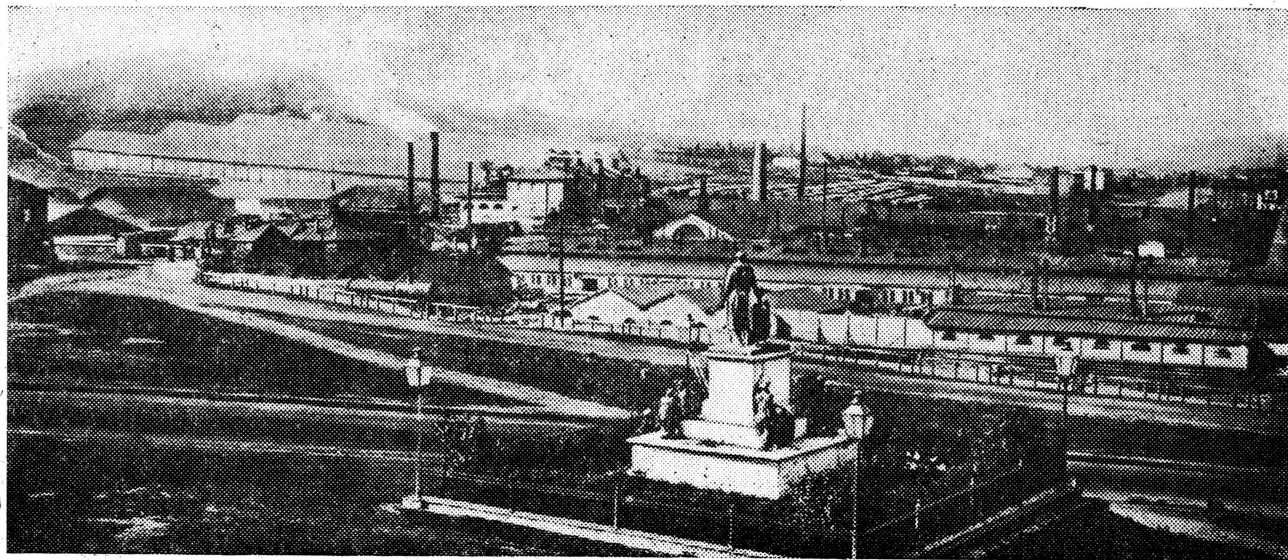
Николай Никитич скончался в 1828 году, похоронить себя завещал в Тагиле. Сын его Павел Николаевич построил здесь Выйско-Никольскую церковь, ставшую усыпальницей рода Демидовых. Тогда же в Тагиле, на заводской площади перед горным управлением, соорудили бронзовый памятник Н. Н. Демидову, отлитый в Париже. Теперь его нет.

Последние годы он жил особенно роскошно и, не жалея средств, покровительствовал ученым и художникам. Пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского приюта. В 1812 году собрал на собственные средства полк и сам его возглавил во время Бородинской битвы, за что получил благодарственное письмо от М. И. Кутузова. Подарил Московскому университету богатейшее собрание редкостей и тогда же построил в Петербурге четыре чугунных моста. Пожертвовал для инвалидов 100 тыс. руб., а по случаю наводнения в столице на раздачу беднейшим жителям — 50 тысяч. Во Флоренции он составил богатейшую картинную галерею; горожане были благодарны ему за детский приют и школу.

За счет успешного ведения дел на Урале, в Америке, Франции и других странах Н. Н. Демидов оставил своим наследникам имущества почти вдвое больше по сравнению с тем, что получил от отца сам. Сыновьям Павлу и Анатолию достались громадные владения, занимавшие обширную площадь в 6,7 тыс. кв. м. Кроме прочего, в наследство входило пять морских судов и коллекция драгоценных предметов стоимостью свыше миллиона рублей.

НА СНИМКАХ: Николай Никитич Демидов (с картины Тончи); Н. Н. Демидов в своем кабинете; памятник Н. Н. Демидову в Н. Тагиле. Снесен в 1918 году.

Фото для этого и всех предыдущих очерков Ивана КОВЕРДЫ.

Ольга БУХАРКИНА

ГОРОД У ГОРЫ БЛАГОДАТЬ

Детство — золотое, далекое... Чудной, туманной картиной встает оно перед мысленным взором, и так хорошо становится на душе от этого золотого тумана. Как бы ни была трудна судьба, сколько бы ни пережил человек, все равно найдет в воспоминаниях своего детства тепло, добро и светлую грусть. Они поддерживают и укрепляют его.

Мое детство неразрывно связано с бабушкой и ее рассказами. Мне, помнится, и представить-то было трудно, что бабушка тоже была когда-то маленькой девочкой. А ведь была же и жила тогда в небольшом уральском городе-заводе Кушве.

Бабушка рассказывала неторопливо и с подробностями. Кушва в ее историях являлась мне немного сказочной, очень уютной, и люди там жили совсем другие.

Теперь-то я знаю, что Кушва — вовсе не сказка.

В 1735 году вогул Степан Чумпин открыл месторождение железной руды на горе Благодать. Появился на реке Кушве железодельный завод, первая домна которого начала действовать в 1739 году. Ну, а коль скоро задымили заводские трубы, начали возникать по берегам реки, на холмах дома и домишки мастеровых и рабочих людей. А в 1740 году «была заложена усердием прихожан в Кушвинском заводе деревянная церковь, в честь святых и праведных Симеона и Анны Пророчицы». Возник церковный приход. В начале нашего века, согласно древней русской традиции, в Свято-Троицком кушвинском соборе была написана летопись городка-завода.

Жизнь кушвинская текла неспешно, события были здесь редки, но для кушвинцев — значительны. В 1865 году одолела засуха. Тяжко пришлось обывателям, ведь каждый

рабочий завода имел землю, покосы, держал скот. В 1872-м случился падеж скота, в 1895-м разгулялась огненная стихия. За полтора часа пожар слизнул десять домов, хотя обошлось, к счастью, без человеческих жертв.

Случались у кушвинцев маленькие радости: построили училище, открыли новую церковь, начала действовать железнодорожная станция Гороблагодатская, посетили Кушву епископ и губернатор... Однако мы попристальнее взглянем на Кушву начала XX века. Об этом времени слушала я рассказы бабушки, эту Кушву словно бы и сама помню.

В 1900 году числилось в Кушве 9 тыс. 520 жителей. Были женская гимназия, реальное училище, 4 начальных земских и одна церковно-приходская школы, а также библиотека и клуб. Лечили кушвинцев заводской госпиталь на 30 коек и земская больница. Для престарелых существовала богадельня, для сирот — детский приют. Высился в Кушве большой собор, стояла церковь на кладбище и еще одна — единоверческая.

Уютен и тих был завод-городок. Зеленые улочки спускались с холмов к реке, дома гляделись в пруд, а на пруду — лодки, которые по вечерам наполнялись гуляющей публикой: дамы в светлых платьях, мужчины в форменных тужурках горного ведомства. Летний ветерок разносил над водой пение и звуки мандолины.

Центральная улица Кушвы называлась Главная. Здесь располагалось управление Гороблагодатского горного округа, «столицей» которого Кушва стала в 1801 году. На этой же улице в доме заводского механика нашло приют реальное училище. Все магазины — тоже на Главной. Преусеивали тогда кушвы — Колод-

кин, Никитин, братья Горбашевы. Торговля была разнообразна и даже богата. В магазине Никитина, например, имелись погребки, в которых в любое время года продавались фрукты.

Вот в магазин, торгующий обувью, вошла дама, а с ней девочка-подросток. Ей нужны ботинки, причем обязательно черные, в гимназии строго следят за формой учениц. Моментально с полок снимается несколько пар на выбор, приказчик усаживает юную покупательницу, сам опускается на одно колено и примеряет ботинки. Девочке очень неловко, что взрослый мужчина стоит перед нею на коленях, и, раскрасневшись, гимназистка соглашается на первую же пару.

Очень заинтересованы были торговцы в покупателях. В магазине Колодкина, например, все товары были на копейку дешевле, чем у других. Купцы охотно давали товар в долг. Для этого достаточно было подойти к жене хозяина магазина, которая обычно сидела за кассой, назвать свое имя и адрес. Все записывалось в толстую книгу, ни паспорта, ни справок не требовалось.

Еще одна достопримечательность Главной улицы — дом богача М. Ф. Ушкова. Не столько дом замечателен, сколько хозяин. Он пожертвовал средства на Кушвинскую женскую гимназию, его же «иждивением» была воздвигнута церковь в честь Архистратига Михаила, которая так и называлась «Ушковская». В описываемое время Ушков был уже стар, но заслуги его помнили и ценили. В день именин в его дом являлись лучшие ученицы гимназии. Девочек встречали угощением: на расписных лаковых подносах подавали конфеты, орехи, изюм. Сам же старик выезжал в построенную на его капиталы церковь — важно катилась кушвинским улицам старинная, диковинная карета, удивляя прохожих.

Кушвинская женская гимназия начала свою деятельность в 1903 году. Здесь преимущественно учились дети заводских служащих, купцов, но были и дочери рабочих завода; принимали в гимназию и самых способных из сиротского приюта. Ученицы одного из классов, судя по архивному документу, по социальному положению были в основном детьми средних и мелких заводских служащих. У 8 человек отцы — квалифицированные рабочие завода, к торговому сословию принадлежало двое. Одна ученица была сиротой из приюта, другая — дочь солдата, погибшего в войне с Японией. Для них обучение и школьная форма — бесплатные.

За учение платили 16 рублей

в год. Упомянутыми льготами пользовались дети из бедных многодетных семей и приютские.

В гимназию поступали после окончания 3-годичной начальной школы в возрасте 9—10 лет и заканчивали 7 классов. В Кушвинской гимназии был еще 8-й класс — педагогический, здесь девушки изучали методику преподавания и по окончании могли служить «народными учительницами». Почти все заканчивали этот класс.

Учителей в гимназии по списку значилось 21 человек. Все они были людьми достаточно квалифицированными, многие — с высшим образованием. Начальница гимназии Наталия Ивановна Лейман окончила Пермскую женскую гимназию с золотой медалью (она очень ею гордилась — в торжественные дни прикалывала к платью). Наталия Ивановна была замечательный педагог и преподаватель математики, многие гимназистки в своей учительской работе брали с нее пример.

В гимназии преподавали математику, словесность, историю, химию, физику, географию, французский язык, рисование, рукоделие, пение и, конечно же, Закон Божий.

День начинался в 8 часов 45 минут утра. Девочки собирались в актовом зале, и 15 минут шла молитва. Затем все строились парами и расходились по классам. На уроке, кроме преподавателя, обязательно присутствовала классная дама. Учитель не отвлекался на поддержание дисциплины, не надрывался от крика, как теперешняя классная руководительница. Классная же дама объявляла, на какие спектакли артистов-любителей девочкам идти можно, а на какие нет, и в какой идти форме, в черных или белых фартуках, а потом всех проверяла, самолично присутствуя на представлении. Категорически запрещалось гимназисткам являться на маскарад, ежегодно проводившийся в клубе, хотя некоторые, самые отчаянные, все-таки приходили, скрываясь под масками от бдительной наставницы.

Обычно в день было 4 или 5 уроков, последний — рукоделие или пение. В большую перемену в коридоре на столе появлялся огромный пыхтящий самовар, приходила торговка с полной корзиной теплых, ароматных саяк и булочек. Гимназистки пили чай.

Нельзя обойти молчанием и детский приют. Он открылся в 1882 году в доме, подаренном купцом-золото-промышленником Д. И. Колчиным. Содержался приют, как гласит документ, «на суммы, пожертвованные добродетельными лицами, и частью на суммы, выдаваемые волостным правлением, и на разные другие источ-

ники». В приют поступали сироты не только из Кушвы, но и из близлежащих сел и деревень. В приюте работала мастерская, где мальчиков обучали плотницкому ремеслу, а девочек — рукоделию. Местные служащие охотно брали приютянок в горничные. Грамоте сироты обучались в начальных школах. В праздники кушвинцы несли в приют гостинцы: пироги, шаньги, лепешки, крендели. Скапливалось столько, что хватало на несколько дней. Автор кушвинской церковной летописи справедливо отмечал в своих прихожанах «участливость ко всем обездоленным в жизни и несчастным». Эти же «добродетельные лица» устраивали ежегодно в кушвинском клубе елку, все средства от проведения которой шли в пользу приюта.

В 1914 году Кушву посетили члены царской фамилии Елизавета Федоровна Романова и принцесса Виктория Баттенбергская с дочерью Луизой. Ученицы кушвинской гимназии сопровождали гостей ко всеобщей в Свято-Троицкий собор, выстроившись с полевыми цветами в руках от ворот церковной ограды до входа в собор. Предчувствовала ли в тот день Великая Княгиня, основательница Марфо-Мариинской обители, что неподалеку отсюда примет вскоре страшную смерть...

Много еще можно рассказывать о Кушве — о ее любительских спектаклях, об единственном на весь городок мотоцикле... Со страниц архивных документов и из рассказов бабушки встают, словно живые, кушвинские обыватели — седоусые заводские мастера, рабочие в фуражках и косоворотках, инженеры в форменных пальто, солидные купцы, тоненькие, длинноносые гимназистки, почтенные матери семейств и бойкие горничные. Это они вложили труд свой и душу в маленькую Кушву, оставив ее нам с надеждой и верой...

ПОЭЗИЯ

Федор СЕЛЯНИН

Двое немых
на трамвайной площадке.
Двое парней у толпы на виду.
Наверно, ругают плохие порядки,
Глухую толпу и слепую беду.

А пальцы их рук
незаметно мелькают
От черных бровей
до прикушенных губ.
Возможно,
они в этих жестах ругают
И тех, кто им дорог,
и тех, кто не люб.

Да, как все случилось, мой друг,
неизвестно,
Что трудной дорогой
пройдя невредим,
Порой остаюсь я,
веселый и честный,
Хотя говорящий, но тоже немый.

На тесной площадке
стоят они рядом,
Двое парней у толпы на виду.
Не надо, ребята,
браниться не надо.
Я тоже немой.
К вам на помощь иду.

Б. Л. Пастернаку

Мечта качалась на ветру;
Пурга в лесу зверела.
Стрела летела поутру.
Стрела летела поутру.
Стрела летела.

Мечта погреться шла к костру,
Но не успела.
Стрела летела поутру.
Стрела летела поутру.
Стрела летела.

А стая воронов вокруг
Мечты замерзшей села.
Стрела летела поутру.
Стрела летела поутру.
Стрела летела.

И я мечту, друг, не спасу,
Хотя и смелый.
Здесь стрелы кружатся в лесу.
А стрелы кружатся в лесу.
В тумане белом.

Дорогие друзья-читатели! Многоуважаемые авторы

«Уральского следопыта!»

В редакцию поступает огромное количество писем с различными вопросами, просьбами, советами и пожеланиями, а также рукописи заметок, очерков, стихов, рассказов, повестей и романов.

Еще год назад мы старались оперативно отвечать на Ваши послания и оценивать краткой либо развернутой рецензией каждую рукопись. Но сейчас для нас наступило сложное время. Редакторы отделов, наряду с читкой и оценкой рукописей, анализом писем читателей и самой главной для них работой — подготовкой к выпуску журнала в свет, вынуждены заниматься сложными для гуманитария подсчетами каждой копейки, затраченной на почтовые расходы и оплату труда рецензентов. Это приходится делать, ибо пересылка одного письма уже стоит 70 копеек, ру-
кописей, не принятых по разным причинам для публикации в «УС», денег нам не выделяют совсем.

Поэтому, как Вы понимаете, мы в затруднении...

Это вовсе не означает, что Ваши письма и новые рукописи нам не нужны. Наоборот, читая Ваши, в подавляющем большинстве добрые, умные, искренние послания, мы ощущаем, что работа редакционного коллектива не пропадает даром, что мы заняты нужным и полезным для людей делом, заряжаемся от Вас оптимизмом и надеждой, а если письма содержат здоровую критику и дельные советы, принимаем их и берем на вооружение. Мы рады также каждому новому интересному материалу, талантливым стихам и прозаическим произведениям, особенно новых, еще неизвестных миру авторов.

Что можно сделать в создавшемся положении, чтобы не потерять с Вами драгоценной для редакции связи? Выход один: вложить в письмо пустой конверт, написав на нем свой адрес. Авторы, которым дороги рукописи, не прошедшие редакционного отбора, смогут получить их, спла-

тив стоимость пересылки денежным переводом на имя зав. отделом писем Александры Дмитриевны Кононовой.

Надеемся, что Вы правильно поймете нас. Другого выхода просто нет.

И еще об одном — обидном для всех нас казусе. Уже в феврале, когда со всей неприглядной очевидностью встал вопрос о необходимости переноски, мы попытались подсчитать, во что она обойдется читателю. По нашим прикидкам выходило, что 6 руб. 50 коп. за один номер должны покрыть все предполагаемые расходы, о чем мы (каемса) и поспешили известить в 3-м номере журнала. Буквально через неделю стоимость услуг типографии увеличилась вдвое, и нам пришлось пересматривать свое решение.

Екатеринбургское отделение «Рос-связьинформа» в начале апреля ра-

зослало по всем крупным горбдам СНГ официальное извещение, где четко и ясно было указано, что пере-подписка на «УС» проводится с пятого номера, указало цену на 1, 3, 6 и 8 номеров. Общая сумма доплаты составила 60 руб. до конца года. Срок подписки до 1 июня. Но, вероятно, сейчас каждый начальник даже самого маленького почтового отделения имеет права министра связи и волен сам определять, с какого месяца и до какого срока проводить подписную кампанию. В одних городах и селениях подписывали, как и положено, с 5 номера, в других — только со второго полугодия.

Результат этой вопиющей неразберихи — лавина Ваших писем в редакцию с просьбами и требованиями выслать сдвоенный 5—6 номер. Мы вынуждены огорчить тех, кого заставили подписаться со второго полугодия, ибо тираж любого номера определяется по результатам подписки «Россвязьинформом». В розничную торговлю наш журнал поступает в

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету-журнал **73413**
(индекс издания)

«Уральский следопыт»
(наименование издания) Количество комплектов:

на 19 93 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

IV место литер на газету-журнал **73413**
(индекс издания)

«Уральский следопыт»
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.	

на 19 93 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Вниманию подписчиков «Библиотеки фантастики»

очень ограниченном количестве, поэтому, даже скупив их все, на что требуются наличные деньги, мы не сможем удовлетворить всех обиженных.

В утешение таким читателям: сдвоенный номер содержит только законченные произведения.

Еще раз приносим нашим читателям глубокие извинения за неразбериху в переподписке и благодарим за долготерпение и преданность «Уральскому следопыту».

Близится новая подписная кампания на первое полугодие 1993 г. Индекс нашего журнала в Каталоге Российской Федерации — 73413. Стоимость подписки на 1 месяц — 15 руб; на квартал — 45 руб; на полугодие — 90 руб. В эту цену не входит стоимость доставки журнала, которую устанавливает почта для каждого региона в отдельности.

По Вашим многочисленным просьбам помещаем в журнале именной абонемент на подписку.

До новых встреч!

Первый том — книга братьев Стругацких — готовится к выходу в свет. В августе начнется рассылка.

Многих подписчиков волновала судьба этой книги. Наверное, мы чуть запаздываем с объяснениями, но № 5-6 «Следопыта» был готов еще в марте, приходится отвечать на вопросы здесь, в № 7-м.

Чаще всего беспокоитесь вы, задаваясь вопросом: получен ли ваш денежный перевод? Говорим всем: получен. Каждого известить об этом мы просто не в состоянии, ведь вас более 70 тысяч.

Будет ли следующий том? Пока не можем сказать — точно так же, как любой из вас не может предсказать, во что обойдется ему кусок хлеба через месяц-другой. Будет жив «Следопыт» — постараемся продолжить «Библиотеку». А живет журнал лишь вашими стараниями...

Цена первого тома изменится,

подрстет на 8 (восемь) рублей. Наживаться на вас не собираемся, эта прибавка при нынешней гиперинфляции лишь позволит нам не остаться совсем без штанов. Заранее посылайте доплату не надо. Доплатите на почте при получении книги наложенным платежом. Сумма доплаты будет разной в разных областях — в зависимости от дальности пересылки.

Изменился и внешний вид книги. Извините, но мягкая, под целлофаном, цветная обложка — это максимум того, что мы смогли за 28 рублей. Обещанный твердый переплет взвинтил бы сегодня цену книги до полусотни.

Многие спрашивают, почему сменился расчетный счет подписки? Нам пришлось сменить издателя. Все деньги первых подписчиков сохранены, а новая, продолженная подписка принята на новый счет. Так что никому не надо переводить 20 рублей еще раз.

В нескольких письмах утверждалось, что первый том «Библиотеки фантастики» уже вышел, еще в мае. Это ошибка. Наверное, спутали с первым томом серии «Забытый приключенческий роман», где мы выступаем лишь как составители. Составитель, кстати, не разделяет ответственности за опечатки, допущенные издателем. Но от его имени приносим читателям «Забытого романа» извинения и объясняем: издатель слишком доверился компьютеру, а оказалось, что и после умной машины необходимо пройти по тексту живым человеческим глазом. Что и сделано при подготовке книги Стругацких. Надеемся, вы убедитесь в этом сами. Приятного чтения!

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементах должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Урал — опорный край державы. Эта аксиома прочно вошла в наше сознание с периода Великой Отечественной войны, когда на Урале и в Сибири находилась практически вся оборонная промышленность страны. Но, строго говоря, понятие тыла тогда было справедливо далеко не для всего уральского меридиана. Ведь на Крайнем Севере обстановка 1942—1944 годов мало походила на тыловую: побережье Карского моря, остров Вайгач, Новая Земля и даже арктический архипелаг Земля Франца-Иосифа превратились в театр боевых действий с хорошо подготовленным противником.

Правда, эта страничка нашей военной истории теперь мало кому известна, хотя никогда и не относилась к закрытым темам. И, по известным причинам, вряд ли стоит удивляться однобокости наших представлений о той эпохе. Если все хорошо знают о совершенном в августе 1942 года неудавшемся нападении немецкого тяжелого крейсера «Адмирал Шеер» на порт Диксон, это вовсе не означает, что фашистская Германия не проводила в советском секторе Арктики более успешных операций. Ведь глубокий рейд «Адмирала Шеера» через Карское море — лишь один из многих эпизодов тех суровых лет, когда здесь шла самая настоящая война, когда враг напал на наши корабли, суда и полярные станции, когда здесь гибли наши люди...

Увы, рекордные перелеты и легендарные плавания 30-х годов, хотя и имели определенную научную ценность, но, прежде всего, являлись данью нашему знаменитому «социалистическому рапортизму». Практическое же использование этих достижений для обеспечения безопасности северных рубежей Родины оказалось минимальным. Именно тут следует искать истинные корни многолетнего забвения еще одного из этапов боевой истории нашей страны. Но разве виноваты в этом моряки и полярники, обеспечивавшие в лихую военную пору бесперебойную перевозку стратегических грузов на Крайнем Севере? Разве не имеем мы право забыть тех, кто беззаветно трудился и погиб на своем боевом посту, защищая от врага Советскую Арктику?

Германия, в отличие от нас, готовилась к войне в Арктике тщательно и заблаговременно. Еще в 1931 году дирижабль «Граф Цеппелин» совершил перелет по маршруту: Архангельск — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — Диксон — мыс Желания на Новой Земле — остров Колгуев — Архангельск. Во время перелета с борта дирижабля «в научных целях» проводилась тщательная фотосъемка территории Советской Арктики; данные которой впоследствии использовались авиацией и подводными лодками фашистской Германии. Уже после Великой Отечественной войны стало известно, что для создания тайных разведаромов и баз для отстоя подводных лодок немцами использовались необитаемые районы нашей территории: остров Вардропер в шхерах Минина, залив Волчий в архипелаге Норденшельда, бухта Слободская в Енисейском заливе, мыс Спорый Наволок и другие участки северо-восточного побережья Новой Земли. Даже в бухте Нагурского на Земле Франца-Иосифа на протяжении всей войны действовала тщательно засекреченная база немецкой разведки. Сведения об этих районах были получены

Германией именно после перелета дирижабля «Граф Цеппелин».

А в 1940 году, меньше чем за год до начала войны с Советским Союзом, по Северному морскому пути был осуществлен переход немецкого вспомогательного крейсера «Комет», замаскированного под транспортное судно. Благодаря этому переходу разведка Германии получила важную дополнительную информацию об особенностях плавания в наших арктических морях.

Не исключено, что в период подготовки к войне с СССР немецкая разведка проводила и другие засекре-

В «тылу», на Крайнем Севере

Дмитрий ТИУНОВ

ченные операции в советском секторе Арктики. По крайней мере в 1940 году, после оккупации территории Норвегии, возможности для совершения подобных акций значительно расширились. Ведь даже во время войны, при регулярных полетах самолетов нашей авиаразведки и патрулирования надводных кораблей, немецкие подводные лодки постоянно проникали в Карское море, а уже упоминавшийся «Адмирал Шеер» прошел незамеченным почти до пролива Вилькицкого. Подобные факты в довоенный период нигде не зафиксированы, но навигации 1942—1944 годов в акватории Карского моря показали, что авиация и флот фашистской Германии были прекрасно подготовлены к пиратским действиям в наших арктических водах.

Уже с самых первых дней войны фашистская авиация начала выполнять разведывательные полеты в районе Новой Земли, островов Колгуев и Вайгач. Всего с июня до октября было отмечено тридцать семь таких полетов, некоторые самолеты обстреливали населенные пункты, корабли и суда, сбрасывая бомбы. С июля 1941 года немецкие корабли и самолеты начали постановку мин в новоземельских проливах, в это же время в восточной части Баренцева моря стали появляться подводные лодки противника.

Но все-таки навигация 1941 года проходила здесь относительно спокойно, поскольку в первое военное лето командование фашистской Германии еще рассчитывало на быструю победу над советскими войсками. Это позволило достаточно оперативно провести необходимые организационные перемены в службах Северного морского пути и в частях Северного флота.

С началом войны все маяки в Арктике перешли на новый режим работы, а полярные станции стали вести наблюдения в интересах флота. В целях повышения скрытности переходов транспортных судов Карское море (как и Баренцево) было объявлено зоной радиомолчания. Эта огромная территория вошла в оперативную зону Беломорской флотилии, а учитывая, что с началом военных действий стала реальной угроза высадки вражеских десантов и диверсионных групп, 30 июля 1941 года для обороны новоземельских проливов, портов и полярных станций был сформирован Северный отряд Беломорской флотилии. Че-

тыре сторожевых корабля этого отряда в конце августа прибыли в становище Хабарово (пролив Югорский Шар).

В состав отряда вошла также вторая авиагруппа из шестнадцати самолетов полярной авиации различных типов. Командиру Северного отряда оперативно были подчинены девять полярных станций на Новой Земле, островах Вайгач и Белый, игравших роль постов наблюдения и связи. Кроме того, до окончания навигации 1941 года в новоземельских проливах и в проливе Югорский Шар были развернуты береговые батареи. Базируясь в Югорском Шаре и Амдерме, корабли Северного отряда Беломорской флотилии периодически несли дозорную службу в проливах, проводили осмотр побережья, конвоировали отдельные транспорты. Самолеты отряда с взлетных площадок Нарьян-Мара и Амдермы выполнили в течение первого года войны пятьдесят три разведывательных вылета.

Но начиная с 1942 года обстановка в районе резко изменилась, так как фашистский флот и авиация действовали уже на всей акватории Карского моря вплоть до западного входа в пролив Вилькицкого. Почти безнаказанно подлодки противника совершали нападения на наши корабли и суда, обстреливали полярные станции, ставили мины в проливах и на подходах к портам. Каждую навигацию в Карском море находилось, одновременно до пяти-шести фашистских лодок, действовавших как поодиночке, так и группами, применявших тактику «волчьих стай». Авиация тоже опиралась на подводников. Уже в июле немецкие разведывательные самолеты начинали полеты в районе мыса Желания, определяя момент освобождения берегов Новой Земли ото льда. Затем с помощью подводных лодок или гидросамолетов в безлюдных местах северо-восточного побережья архипелага организовывались тайные пункты дозаправки и посадочные площадки. Таким образом для авиации противника обеспечивалась возможность действий на всей акватории Карского моря, где вражеские самолеты выполняли задачи дальней разведки, обстреливали наши суда и полярные станции, проводили минные постановки с воздуха. Даже в проливе Вилькицкого (на долготе Братска!) 20 июля 1943 года мотобот «Мурманец» был обстрелян фашистским самолетом-разведчиком.

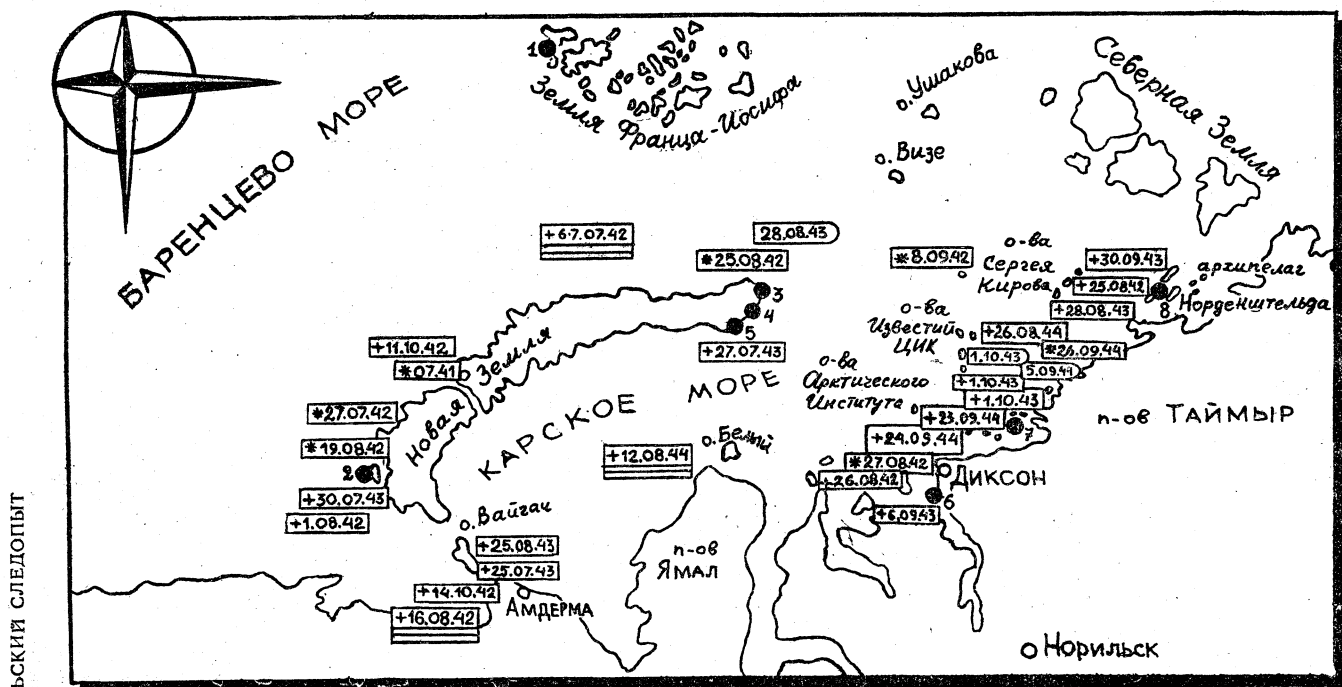
Учитывая такую сложную оперативную обстановку, 18 августа 1942 года в Губе Белушьяй была сформирована Новоземельская военно-морская база, которой был придан один из отрядов Беломорской флотилии в составе 15-ти боевых единиц (сторожевые корабли, катера, тральщики). Кроме того, отряд был усилен эскадрилей истребителей и шестью самолетами морской разведки. В 1943 году в Диксоне был сформирован еще один отдельный отряд, преобразованный в 1944 году в Карскую военно-морскую базу. В ее состав вошли три дивизиона сторожевых кораблей, тральщиков и катеров, а также артиллерийский дивизион береговой и зенитной артиллерии и смешанный авиаполк.

Корабли и авиация Северного отряда Беломорской флотилии делали все возможное и невозможное, стараясь обеспечить максимальную безопасность наших протяженных арктических коммуникаций. Они конвоировали караваны судов и отдельные транспорты, отражая при этом атаки немецких подводных лодок и авиации. Потери фашистов в этом районе составили три подводные лодки: две в 1943 году — у мыса Желания на Новой Земле и у островов Известий ЦИК, и одна в 1944 году, в районе островов Мона у побережья Таймыра.

Но наши потери были велики, несмотря на все принимаемые меры, что очень наглядно подтверждает приведенная здесь карта. На ней указаны места гибели кораблей и судов, помещены данные о нападениях на полярные станции. Эта карта лучше любых слов убеждает в том, что здесь действительно был самый настоящий фронт, а не тыл. Слишком многих тружеников Советской Арктики подстерегал здесь коварный враг, укрывшись в тумане полярного неба или затаившись в студеной тишине арктических вод. Слишком высокую цену заплатили здесь сотни моряков и полярников, отдавшие за Родину самое дорогое — жизнь...

+ места гибели кораблей и судов:

6—7.07.42 — на подходе к Новой Земле торпедированы шедшие поодиночке союзные транспорты «Алькоа Рейнджер», «Олопана», «Хатльбюри» из состава печально известного каравана PQ-17. Погибла значительная часть экипажей и военных команд.

1.08.42 — пароход «Крестьянин», шедший без охраны из Нарьян-Мара в Губу Белушью, торпедирован немецкой подводной лодкой. Уцелевшая часть команды более двух суток шла на веслах к Новой Земле.

16.08.42 — буксирный пароход «Комплекс» и две баржи у острова Матвеева сооплены артиллерийским огнем подводной лодки. Поврежденный буксирный пароход «Комсомолец» выбросился на мель. Плававшие в холодной воде люди расстреливались с подводной лодки в упор. Погибло 305 человек.

25.08.42 — ледокольный пароход «Александр Сибиряков» в районе острова Белухи расстрелян артиллерийским огнем тяжелого крейсера «Адмирал Шеер». Из 104 человек команды и очередной смены шедших на Северную Землю зимовщиков спаслось 18 человек (17 — взято в плен на «Адмирал Шеер», еще один снят гидросамолетом с острова Белухи 28.09.42).

26.08.42 — лесовоз «Куйбышев» на подходе к Енисейскому заливу торпедирован подводной лодкой. Погибла вся команда, шлюпка с телами двух членов экипажа была обнаружена позднее на острове Сибирякова.

11.10.42 — дозорный корабль «Муссон» подорвался на mine у западного входа в пролив Маточкин Шар. Погибло 25 человек. Мины выставлены 27.08.42 немецкой подводной лодкой.

14.10.42 — транспорт «Щорс», шедший из Карского моря в Губу Белушью, подорвался на mine при выходе из пролива Югорский Шар. Мины выставлены 13.10.42 подводной лодкой.

25.07.43 — тральщик, участвовавший в конвоировании каравана речных судов, подорвался на mine в проливе Югорский Шар. Погибло 10 человек, раненные доставлены в становище Хабарово.

27.07.43 — гидрографическое судно «Академик Шокальский» в районе мыса Спорый Наволок потоплено артиллерийским огнем подводной лодки, в воде и на льду расстреляна часть экипажа. 28.07.43 (уже на берегу Новой Земли) обстреляны лодкой вторично. После пешего перехода в залив Благополучия 2.08.43 уцелевшие члены экипажа были вывезены мотоботом «Полярник». Из 27 человек спасено 15.

30.07.43 — тральщик, шедший к Новой Земле в составе конвоя БА-12, торпедирован немецкой подводной лодкой на подходе к Губе Белушьей.

25.08.43 — спасательное судно «Шквал» подорвалось сразу на двух минах в восточной части пролива Югорский Шар. Погибла вся команда, 41 человек.

28.08.43 — транспорт «Диксон» торпедирован немецкой подводной лодкой юго-восточнее островов Мона. Экипаж и пассажиры спасены кораблями охраны: сторожевиком и тральщиком.

6.09.43 — транспорт «Тбилиси» подорвался на mine на пути из Дудинки в Диксон. Мины в Енисейском заливе выставлены немецкой подводной лодкой.

30.09.43 — пароход «Архангельск», шедший в Диксон в составе каравана ВА-18, торпедирован в 60 милях западнее архипелага Норденшельда подводной лодкой У-960. Из 42 человек подобрано с воды только 29.

1.10.43 — пароход «Сергей Киров» из того же каравана торпедирован у островов Арктического Института немецкой подводной лодкой. Часть команды погибла, спасено 27 человек.

1.10.43 — тральщик, участвовавший в конвоировании каравана ВА-18, торпедирован подводной лодкой в районе островов Арктического Института.

12.08.43 — транспорт «Марина Раскова» и два тральщика (почти весь состав шедшего в Диксон каравана БД-5) торпедированы немецкой подводной лодкой в 80 милях западнее острова Белого. Лодка впервые в условиях Арктики применила малозумящие электроторпеды. Поисково-спасательные работы проводились в штормовом море до 23-го августа с привлечением к ним 11-ти боевых

единиц (гидросамолеты, тральщики, катера). Из 354 человек пассажиров и команды «Марины Расковой» (из них 116 женщин и более 20 детей) спасено лишь 145.

26.08.44 — гидрографическое судно «Норд» в районе шхер Минина расстреляно артиллерийским огнем подводной лодки. Значительная часть команды погибла (кроме четверых, взятых в плен).

23.09.44 — сторожевой корабль, участвовавший в конвоировании каравана ВД-1, торпедирован подводной лодкой в районе острова Кравкова. Вся команда погибла.

24.09.44 — тральщик, шедший в Диксон вдоль северо-западных берегов Таймыра, торпедирован двумя торпедами подводной лодки. Погибло 38 человек. Оставшиеся 46 человек спаслись на катере и понтоне, высадившись на островах Подкова и Скотт-Гансена, где погибло еще двое. Через несколько дней уцелевшие члены экипажа были сняты с островов тральщиками и катером.

Примечание: для большей наглядности приведенных данных нелишним будет напомнить, что даже в разгар лета средняя температура воды в Карском море составляет плюс 5—6 градусов, а более «ласковое» Баренцево море теплее всего лишь на 2 градуса. Такая вода буквально за считанные минуты высасывает из человека жизнь и погибнуть от общего переохлаждения организма можно значительно быстрее, чем истечь кровью из ран.

*** нападения на полярные станции:**

Июль 41 — налеты авиации на радиостанцию в проливе Маточкин Шар.

Июль 42 — самолет обстрелял радиостанцию в Губе Белушьей.

27.07.42 — полярная станция «Малые Кармакулы» и находившиеся в бухте гидросамолеты обстреляны артиллерией подводной лодки. Один из гидросамолетов уничтожен.

Конец июля 42 — полярная станция «Малые Кармакулы» и детская промысловая экспедиция, занимавшаяся сбором на птичьих базарах яиц кайры, обстреляны с самолета.

19.08.42 — попытка нападения на Губу Белушью подводных лодок (отбиты артиллерийским огнем дозора тральщиков).

25.08.42 — полярная станция «Мыс Желания» обстреляна артиллерией подводной лодки У-255.

27.08.42 — полярная станция, порт Диксон и находящиеся в бухте корабли обстреляны артиллерией тяжелого крейсера «Адмирал Шеер». Атака отбита артиллерией береговой обороны порта и сторожевого корабля «Дежнев». По плану операции «Вундерланд» («Страна чудес») с крейсера планировалась высадка десанта (180 человек) и полное разрушение порта.

8.09.42 — полярная станция «Остров Уединения» обстреляна артиллерийским огнем подводной лодки.

26.09.44 — полярная станция «Мыс Стерлегова» сожжена десантом, высадившимся с двух немецких подводных лодок. Десант захватил в плен шестерых полярников, их судьба неизвестна.

● — секретные базы немецкой разведки, пункты дозаправки авиации и отстоя подводных лодок:

1 — бухта Нагурского, пролив Кембридж, Земля Александры в архипелаге Земля Франца-Иосифа.

2 — остров Междушарский в архипелаге Новая Земля.

3—5 — северо-восточное побережье архипелага Новая Земля (мыс Спорый Наволок, мыс Пинегина, мыс Константина и др.).

6 — бухта Слободская в Енисейском заливе.

7 — остров Вардропер в шхерах Минина.

8 — залив Волчий в архипелаге Норденшельда.

Рисунок
Сергея Малышева

Читателю опытному, эрудированному, имя Георгия Гачева, конечно же, знакомо. Знакомы теоретические книги о литературе и эстетике, знакомы работы, исследующие национальные образы мира, знакомы культурологические исследования.

Мы предлагаем новые отрывки из «Жизнемыслей», дневника Г. Гачева, который он ведет на протяжении нескольких десятилетий и с частями которого читатели могли уже познакомиться по другим изданиям.

Жанр своего дневника Георгий Гачев определил так: «...тот труд — философия быта как бытия».

Георгий ГАЧЕВ

ЖИЗНЕМЫСЛИ

Радость — дверь в Истину

5.IV.67. Хорошо, раздевшись до тельняшки, на солнце и снегу телодвигаться и чувствовать, как тебя отовсюду: от волн ветра, от многогласия птиц, через блеск и тень, через ноздри, — бытие мыслями обвеивает, и сам ты — просто мембрана, приемник, чьим голосом они, переведенные с какого-то языка, на человеческом внятно глаголить начинают. Вон она борьба миров: святости снега и черноземности жизни — распростерта у ног... Мои деревья уже все до корней открылись, снег спал в котловину — ему уже отселе не выбраться: не потечь вместе с полевыми снегами куда-нибудь в даль, к морю и воле, — нет, ему одна дорога, — в глубину, в прорву. Но зато: он отверстие в утробу земную и пробивает: образует зрак озера, и в нем — что я вижу! — мои деревья обращенные, перевернутые теснятся — сумрачные, тусклые, зеленоватые, бесцветные: их потусторонние прообразы мерцают. Так вот он, «тот свет» — наяву!

Собачка — шенок черненький — пробежала, над телогрейкой моей, на снег брошенной, ногу задрала и брызнула. Рассмеялись с хозяином: это она, как возвышение увидит, — поливает.

Пока хватит. Затраву дал — вот тема сегодняшнего умозрения, данная пока не как мысль, а как настроение. Теперь начнем въедаться и попробуем реализовать ее как мысль.

Мысль, которую вчера, в пустой день (хлопот) все вспоминал и старался не расплескать и с которой проснулся сегодня — это: что радость — не просто самое приятное для нашего существа состояние: безразличное, в общем, для познания. Нет, радость есть познавательная позиция, определенная точка (какая «точка», когда тут целый материк!) зрения. Она добывает нам то знание о бытии, которое не откроется, когда мы в тоске или страдании, в ожидании или в воспоминании: в последних Истина — «естина выступает не сама по себе, а в облики цели (когда мы в состоянии ожидания будущей радости) или причины (когда вспоминаем во дни печали — прошлые радости, как Данте сказал). А то, что есть настоящее (подлинное, не мнимое), — открывается человеку в том состоянии, когда он полностью присутствует в настоящем мгновении (Фауст: «Остановись, мгновение! Прекрасно ты,

продлись, стой!»), а такое состояние есть радость, счастье.

Между тем почему-то распространилось в человечестве мнение, что для истины, чтоб добыть ее, надо пострадать: через страдание лишь открывается свет и суть, а когда человек в счастье — он туп для истины, ровно ничего не постигает. Уже с библейского мифа о грехопадении провозглашено расхождение познания и счастья: добыв себе познание, люди тем самым отлучились от блаженства. И пошло далее рассечение бытия на жизнь и познание — как полярные друг другу, и стали сетовать, что «древо познания не есть древо жизни», и что «горек плод познания», и что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познание, умножает скорбь» (Экклезиаст), и что «суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет» (Гёте) и т. п.

Нет, конечно, и в страдании открываются человеку особые стороны бытия: опыт, например, есть «пытка» — и исследуемой вещи, и меня... Но я другой вопрос задаю: если я сейчас не страдаю, не вперен в копеечку и смерть и не могу пронизать мыслью, добывать знание с помощью страдания, а, напротив, переполнен жизненностью, во мне хлещет и переливается радость, и чувю, что мне разверзнутся горизонты, так ясно начинает прозреваться многое, и части бытия начинают сплетаться в такие причудливые хороводы, — что это — чепуха? Нет в этом истины? Вот этого высокомерного третирования, пренебрежения мысли-радости я сейчас, в нынешней зоне моей жизни, принять не могу и хочу оспорить.

Сказано, что мудрость дает человеку счастье. Ну, а счастье — дает ли оно мудрость, добывает ли знание истины?

Так что о познавательном равноправии (по крайней мере) счастья со страданием я хочу заявить.

Высшее же счастье, зенит нашей жизни — и это универсальное и самое простое, очевидное и архиумное, и естественному человеку, — в свадьбе — сведении, соединении, соитии меня со всем, что и происходит через соитие со своей половиной, тем самым — исчезновение чувства особенности, половинчатости себя и бытия. Тогда лишь устанавливается сквозь нас ритм Единого целого, его пульсация...

Плетень

19.V.67. Вчера — так вообще занялся психотерапией, трудом физическим: начал делать на балконе плетень. У всех загорожено фанерой или пластиком, а у меня — гол и открыт. И вдруг идея: в саду прореживают деревья и обрезают ветви — и полно прутьев я узрел во время утренних поклонений. А вчера вижу — их вывозить и жечь стали. Тогда я спешно стал набирать прутья и две большие охапки-вязанки домой приволок. Когда нес вторую — за мной следом мужчина прямо к двери нашей поднялся, встал и вопрошает: «Это для чего вы?» Объясняю. «А то люди волнуются, из ЖЭКа меня послали. Я — общественник, знаю Вас. Вы человек культурный, но люди волнуются: зачем это человек из сада прутья несет — не засорил бы мусоропровод?..» Долго еще я объяснял свое намерение, успокаивал, но тот все с недоверием поглядывал...

Вообще у нас то, что не случалось, не видано, — сразу мыслится как не положенное и заведомо запрещенное, хотя никто распоряжений на этот счет не знает.

Но вот начал делать плетень на балконе — и отовсюду заинтересованные наблюдатели и вопросы: «У Вас там строительство?» — и всем любопытно, и весело, и очень понравилось: «Гляди-ка, как хорошо! Ни у кого так нет! Прямо как в деревне!»

Вот и «живи незаметно!»

Два принципа я имею сейчас для руководства в жизни: «Будь верен себе» (своей «дхарме», как именуют в Индии свой путь, свою планиду) и «Живи незаметно!» Но они, к сожалению, часто сталкиваются. В самом деле: нашел я свой образ волосяного покрова на голове: никак не стричь бороду и усы, никакой формы им не придавать, но и не очень чтоб зарослешь, — это тоже жанр. А так, как из лесу, месяц не брившись, из геологической экспедиции будто вышел. Волосы на голове — черные, усы — рыжие, а борода седая. Весело и пестро — как природа мне положила... Однако слишком заметно: не дает жить незаметно, чтоб без излишних цепляний и внешних контактов тихо делать свое, внутренне присущее дело мышления.

То же и плетень: нужен был быть создан именно я, чтоб кому-то в громадном многомиллионном городе пришла идея ограду балкону сделать как деревенский плетень. Но опять же бросился этим в глаза и привлек внимание, и приставать стал пристальный интерес приставучих соседей.

Однако и здесь очевидно проступило мое призвание: развивать в людях способность воображения — чтобы то, что кажется невозможно, чудно и никто подумать бы не мог, что это вероятно, — открывалось бы как естественное, очевидное и само собой разумеющееся, так что как же мы сами раньше не догадались, что так можно и хорошо?!.. Это я и делаю и в писаниях своих, и в образе жизни. ...Еще поплету немного.

А какое приятное занятие! Как вязание, наверное: не помнишь, как время проходит, и — ни одной мысли, главное, заметил я: мозг занят тем, как протягивать эту хвостину, как приладить, чтобы зазора не было...

Оправдание Жизни?..

18.VII.67. Отвозил Св. с ребеночком к ее родителям в Дубну, гулял по городу и дивился: вот хорошо построен-

ный город для жизни возле работы! И все эти 50—70 тысяч людей, эти аптеки, женщины на велосипедах, пивной бар, молочная кухня, красота домов, тишина среди дерев, спрятавшийся райисполком — все это для того, чтобы несколько умов колдовали у синхрофазотрона, и сколько жизни вокруг них возросло!

Или наоборот! То, что здесь раскинут синхрофазотрон и мыслят несколько голов, — есть предлог и оправдание для того, чтобы могла развестись просто жизнь: чтобы вот ребята с гитарой вокруг девочек вились, чтоб младенчики посапывали, чтоб люди семейно копошились — свою вечную возню и песню затевали?

Ибо жизнь сама по себе в нашем сознании не ценится, а нуждается в оправдании. И как В. Соловьев-философ писал «Оправдание Добра», — так и нашему, больно учено-идейному веку «Оправдание Жизни» представить надо...

Дед — для внука?..

Св.: Родителей надо поставить на место, хоть насильно, чтоб они поняли, что отныне их жизнь имеет смысл лишь постольку, поскольку служит пьедесталом для ребеночка.

Я: Но ведь они же и их жизни — сами по себе ценность! И разве сторонился, затихал старейшина в роде, чтобы — не дай бог! — своим разговором с соседом не разбудить младенца? И верно: старейшина — ствол рода, и сколько нужно было расходов бытия, чтоб его, этот сосуд, извзять! А младенцы что? — как грибы перли.

И вообще за ребеночка стали цепляться лишь в последние отчаянные времена: и в литературе он с XVIII в., а особенно в двадцатом завершает надежду, дает выход в будущее, возможность-шанс еще им разок вдохнуть, свою жизнь им переиграть — соломинка утопающему...

Литература —

от пониженного давления

7.IX.67. Чувствую себя, как Король Лир, что роздал королевство и остался ни при чем, так что его лишь — степь да гроза остались; открытый космос втягивает и призывает, но ведь это притяжение бытия через смерть и на смерть (недаром после степи и бури Лир обезумел и умер): там ведь жить нельзя — разряжено. А здесь — слишком сгущенно давление жизни: города, семей, отношений, психологий — не вынести.

Вон и с медицинской точки зрения у меня — пониженное давление: 115 и 65 (вчера закрывать бюллетень ходил). Правда, не чувствую от этого вреда. Хотя — постоянная удрученность, угнетенность духа, тяготица и невеселье — с этим, верно, связаны. Недостаточно внутреннего тонуса, чтобы, выпрямившись, противостоять прессу городского общежития. В деревне легче: отношений меньше, воздух легче, и моего внутреннего давления и огня (давление же — это напор крови, взвивание языка пламени) хватает, чтобы, распрямив грудь и подняв голову, жить.

Обступленный негодующими дочерьми, Гонерильей и Реганой, вдруг в том ползунке, что позавчера по полу в штанишках непомерных елозила за книжкой — пососать, взвидел Корделию — «сердечную»: вырастет — простит, поймет, защитит от укусов упреков, хотя и у ней ко мне

счет изначальный: в животе пренебреженной матери вынашиваться ей пришлось...

Что же такое тогда мое мышление и писание при пониженном-то давлении? Как я это чувствую?

Мне мыслить и писать нужно, так как облегчает жизнь, снимает горечь, раздражение, освобождает от накли и гнета — и дышать легче становится и веселее. Значит, роль тяги играет, что помогает подниматься яламени (-кровообращению) в печи моего тела: иначе в закрытом помещении общежития задохнулся бы — не чужь я через тягу связь с открытым пространством бытия. Если бы давление было нормально, я бы и был так приспособлен к городу и подкупольному существованию, что чувствовал бы себя в нем довольно, при себе и самодостаточно. Тогда и мысль моя была бы сугубо социальна, расщудочна, практична, без завихрений (что тягой в трубе создается). Но не могу я в курной избе и бане по-черному города и цивилизации: мне тягу подай, отверстие и выход в чистый воздух и небо.

Труба играет человеком...

Но раз я так создан, значит, можно полагать, что и такое существование, как мое, тоже для чего-нибудь нужно. А очевидно, мой сосуд как раз и приспособлен для того, чтобы быть посредником между городом и бытием через природу, между помещением и пространством через трубу — и я сам в трубе и гнезюсь: удобнее всего мне на сквозняке располагаться, так что когда завывает что-то через трубу в домах добрых людей в осеннюю или зимнюю пору и напоминает им об открытом космосе, его лютой свободе, и одних манит за порог, а других заставляя ет плотнее прижиматься к телу друг друга в уюте жилья-жизни, — это я говорю, мой голос или сущностное со мною существо... Но ведь и сам я, что в трубу все-таки залез из космоса, не вынес его, открытого, — к жилью забю тнусь, поближе к людям, как сверчок запечный свернуться: живу в трубе, как их ворчун, но и без них не могу.

Резидент бытия ~ в быте

Итак, я — обоюдный шпион: общежитию докладываю о бытии, бытию доношу об общежитии, служа в обеих разведках и службах разузнавания; от обеих и награду и тычки получаю, но поддерживают пока мое существование, так как сознают, что обеим сторонам такой лазутчик, как я, необходим, хотя и в курсе того, что я непрерывно одну предаю для другой. В доме города я — уши стены, но для людей мое внимание безвредно: я же не органам власти о них доношу, а органам бытия: ветру, полю, лесу, небу, белому свету и его подручному заместителю — безлике бумаги, ибо бумага — прирученное небо — с овчинку.

И, пожалуй, точно: тот труд — философия быта как бытия, что я затеял, — как раз с позиций такого Асмодея запечно-трубного сочинения может быть, ибо, как Хромой бес у Лесажа открывает крыши и стены и приподнимает черепушки человекoв, в них заглядывая, и все проветривая на открытом бытии, и из него взирая, — так и мое зрение должно в быте, его вещах и формах прозревать бытийственное содержание, чтоб они могли узнавать друг друга:

вещи — в идеях, идеи — в вещах, культура — в натуре, природные же порождения — в творениях труда и созданных людского искусства; влечения души, помыслы и поведение психеи — в языке листвы и мечтах травы, в порывах ветра — вон как, к примеру, только что свой сосуд и состав своей психеи я узнал в трубе печной, в явлении тяги и поддувала.

Хватит. Давай ускоряй городские дела, чтоб высоводиться — выгородиться и вдеревениться.

В семейной жизни

все слова ~ междометия

9.X.67. И глаголы, и существительные, и даже целые предложения надо понимать не по логическому смыслу (только), но как мелодию и сложный извилистый выкрик души, вот и прошлый раз, когда я сказал, что я «не гость, а хозяин», а Св., расставив руки в боки, обрушила каскад юридических фраз: «мы совершенно чужие люди», «ты мне отвратителен», и «вместе жить не будем», и «начинаю развод», и «не надейся: это мое последнее слово — понял?!»; а я: «разводов не будет», «этого детского лепета не понимаю: ты раздражена,» — произносилась вроде логические фразы со смыслом, но то все — всплески душевного кипения, которое нанизывает на себя первые попавшиеся слова и в них трубит себя. Конечно, не даром именно за эти слова цепляется внутренняя магма: сродство здесь есть. Но и разница — как между трансцендентным и трансцендентальным, т. е. между глубинным существом, что в нас обитает, — и нашим именем, профессией, годом рождения и смерти, — словом, анкетой, суммой признаков нашего социального облика.

Магма пышет, и летится, и расплавляет, и цепляет, и движет, и извергает попадающиеся на пути камни — окостенения слов, формул и мыслей изреченных. А когда она растеклась — остались камни, и кажется: они — ее истинное и последнее слово, тогда как наоборот: по расположению и путям камней надо реконструировать изменчивую лавину и силу, субстанцию, что их самих расшвыривала и чему они подчинены. Но мы цепляемся за пронесенные слова, чувствуем свои обязательства перед ними, — и гордыня побуждает настаивать на своих словах, — и вот начинается подверстыванье жизни под слова.

А нигде это так нелепо, как в семейной жизни, где существует густейший контекст, помимословесное действованье, жизнь и понимание — когда без слов или с полуслова понимают друг друга. Конечно, в обществе, на работе, в суде, где не знают нас и нет или слаб контекст, становится абсолютно важен текст наших высказываний и слов, которые принимаются не за полслова, а за полное: за чистую монету. И там слово ответственно за имеющиеся установившиеся отношения.

Слова плывут в семейной жизни, как листья, бревна над рекой — ее молчаливым мощотелым существованием и мыслью; и сшибка бревен на поверхности не по их воле происходит и не их, бревен, мысль выражает, но волнения страсти, ее каскады и перепады.

Малое правит большим

26.X.67. Глянул в окно: как видение свободы — белая корова на солнечной осенней желто-зелени. А я тут, загля-

ченный, в клетушке квартиры, где беспомощный Димка, препорученный мне на несколько дней, копошится, поте-ряв где-то ручку. Вот на это променял деревню, воздух, небо и природу. И ясно, за что город и жизнь держит наше гладкое, обтекаемое существо; за этот крючок, что на теле, и за сердце и темную, нутряную привязанность человека к человеку — родному, т. е. тоже в конечном счете к крючку сводимому.

...Нет, не пойду его ругать и наказывать: так он зол на себя, на свою рассеянность, а то сразу я дам переключение его злости — на меня злоотвод, и тогда зло опредметится для него во мне.

Вчера я его просил: выпусти меня из тюрьмы, куда ты меня всадил. Из-за тебя, твоей беспомощности, никуда: ни утром, ни вечером — из дома выйти не могу. Ну да: малое правит большим: он — князек-королек, палач, а взрослый — скотина рослая.

Но это и для понимания растения плодотворно.

Для чего махина его: ствол и мясистость яблока? Для маленького семечка. Семя правительнее, чем ствол, осмысленнее, ибо оно, малое, всю идею растения воплощает, а ствол, большое, — лишь часть непонятную и тупую. А ведь кажется он важным, ибо большой и выросший — вымахал детина.

Побег

Итак, растение, выходит, — есть отрицание идеи роста, величины и большого: надсмешание над ней! Ибо чем больше — тем дальше от истины и самоценности. Семя — ценно само по себе. Ствол же с кроной — уже лишь подставка для плода и семени. Рост — будто убежание от истины, как и жизнь — будто криволиченье в мареве заблуждений, чтоб их исчерпать, мнимости, и понять простое, что дано в рождении и смерти, — истину.

То есть, рост и жизнь = убежание, побег от того, что есть (от истины и сущности). Но ценны именно как побег, т. е. движение и увеличение. Именно в этом их нужность Бытию, а не в истине. Ибо истина есть, пребывает, есть неподвижность и саморавность бытия. А ему скучно с этим, с самим собой. Потому и дорого отпадение, превратная воля и убежание от истины, побег — в рост и жизнь.

Недаром растение прозябающее так точно-философично названо: «п побег»: стебелек бежит от семени и корней. И рост = паническое бегство, и чем разветвленное и пышнее — тем более раскинулся горох на тысячи дорог: да, растение и дерево = дождь, ливень и град — только снизу вверх, брызги шампанского, фонтан. Бежит его плоть — как огонь, язык пламени от средоточия жара убегает: от самой от себя у-бе-гу...

Вчера Димка меня стал допытывать: откуда человек? — и свел к вопросу: ну а как в первый раз появилось то, что живет, что (само) двигается? Недаром жизнь он свел к движению.

Я ответил: говорят — от обезьяны. — А обезьяна? — От животного. — А животное? — От рыбы. — А рыба? — От шарика: полурастения-полуживотного. — А этот шарик? — Из капли воды. — А капля воды?

Тут я застрял.

...Да ведь и Кант ничего лучше не придумал, чем жизнь = движение.

Ну да: живое — побег, отталкивание, в отличие от движения через притяжение, что — в камне...

«И зачем мы ели жаб?»

24.8.85. Вспомнился мне сегодня по нашему поводу один весьма философический болгарский народный анекдот.

Два крестьянина шли на базар продавать коров. На дорогу выскочила жаба. Говорит один: «Если съешь жабу — отдам тебе свою корову». Подумал второй: выгодно ему показалось. Съел жабу — и тот отдал ему свою корову. Идут дальше. Еще жаба выскочила на дорогу. Говорит бескоровный владельцу уже двух коров: «А если съем жабу, вернешь мне мою корову?» — «Идет». Съел первый — получил назад свою корову. Идут дальше. Задумались, взглянули друг на друга — и «Зачо сме яли жабите?» — «И зачем мы ели жаб?» — сказали.

И в самом деле: ведь то же самое теперь, как и вначале было: идут, как шли раньше, — каждый со своей коровой. Так зачем же мучились: столько тошноты, зла и стыда приняли, евши жаб, раз все вернулось к прежнему?..

Так и мы шутили: сколько усилий, спешки, чтоб выехать из города в деревню, машину за десятку, нервы, потом ссорились, мирились, два раза уезжали и возвращались — и вернулись к статусу кво вроде?..

Но потом уж, когда повеселели мы, рассудил я:

— Нет, не напрасно ели жаб — и эти два крестьянина, и мы: совсем не то же самое состояние теперь и у них, и у нас: с опытом знания зла и стыда и в себе, и в каждом, — и прощение, помудрение. Углубление понятия о жизни, о человеке, о себе — и опыт зла и отрицания, грехопадения и воскресения. Тут: «да — нет — да». И «да» после «нет», с совершением зла и добра и ведением о них, — совсем иное, чем первичное просто «да», бездумное и наивное. Оно теперь завоевано превозможением и борьбой-усилием. Так реприза повторяет в симфонии экспозицию — но после диссонансов разработки.

Деревом изошла душа

и пред-стала

18.8.90. Гляжу в окно. Там — Липа огромная полощется всею тканью-статью-ветвью-листвою на фоне серебряного неба осеннего с солнечной стороны — вся проветренная, просолнечная! Каждый фибр-листик-нерв дерева трепещет, отзывчив... Ну не образ ли это Психеи = души, того, что внутри нас и невидимо, — и вот развернуто во вне?!

Тонка ткань, летуча, легка — не то что толща туловища тела животного, п(л)отного, увесистого... Капризна, неуловима листва на ветру — ее нрав и глагол, как и душа наша, — неисповедима.

Не Дерево, а — Светотень воплощенная, игристая. Как настроения души — его переливания и мерцания. Шелест — лепет невинный, простодушный...

Рисунок
Сергея Малышева

Михаил
НАЙДИЧ

До свидания

Степь родная, Полтавщина,
все же
уделила и ты мне внимание.
Час прощальный — морозом по коже;
с детством встретился.

И — до свидания.
Не до скорого, как говорится,
а, по крайности, так... через годы...
Вот и острыми крыльями птица
разрезает шатер небосвода.
Что же делать,

привычно противясь
тяге к этому доброму краю,
рву с усилием давнюю привязь,
но привязанность — вот.

Оставляю.

* * *

Ветер утренний резок и зол,
гонит к западу тучек стада.
Непривычность покинутых сел,
дом как дом, а внутри — пустота.

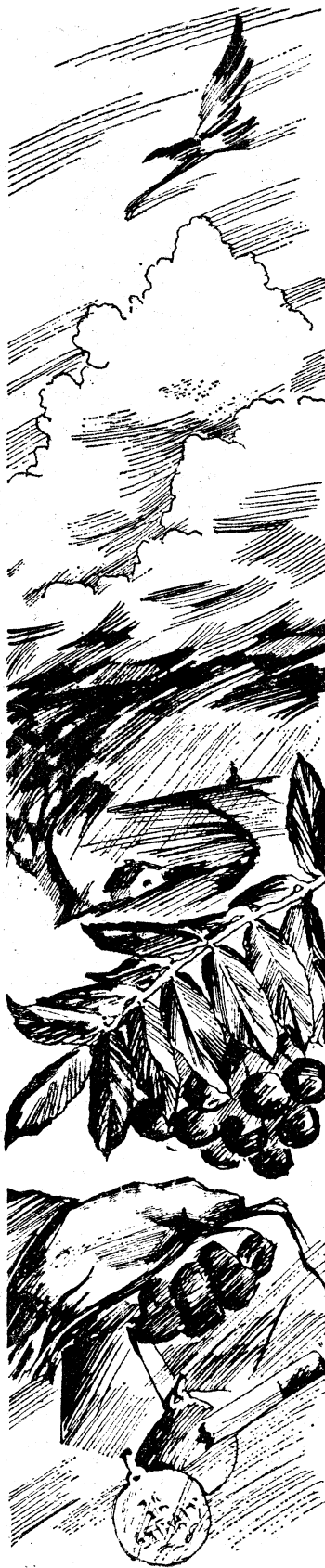
Дождь неожиданный сильней
да сильней,
ветер вновь натянул провода.
Есть где спрятаться здесь от дождей,
а от мыслей, от мыслей —
куда?..

* * *

Облака заскользили на нартах,
под собою оставили лес —
и уже обнажается фартук,
синий фартук холодных небес.

Относился ли он? Входит в моду ль
всем прогнозам лихим вопреки?
А пониже чуть-чуть, чуть поодаль —
там стальная полоска реки.

Озадаченно выпучив брюхо
и означив земной поворот,
ровно в полночь луна-молoduха
перейдет ее медленно вброд.

Владимир
СИБИРЕВ

* * *

Мне помнится
Пожар лесной,
Когда бросалось в синь речную
Зверье
Всей братией честной,
Рознь пересилив племенную.
С волками плыли русаки,
В соседстве с белой —
Росомаха.
Глаза их, словно поплавки,
Держались в ряд
На нитке страха.
Уже я видел это...
Где?
И вспомнил —
Шла колонна пленных.
Согбенный генерал СД
За резервистом брел смиренно.
Как в смутном сне.
Почти впритык.
Когда один сбивался с шага,—
И у другого в тот же миг
Пустая вздрагивала фляга.
Зрачки утоплены в очках.
Уже ни звания, ни чина.
И, словно пепел, на щеках
Десятидневная щетина.

Практикум по истории

Нет, не в угаре наважденья,
Необъяснимого пока,
В припадке самоутвержденья
Подростки

били старика.
Он отказал им в сигарете,
Поскольку некурящим был.
К тому ж за Сталина в ответе —
Ишь, железяки нацепил!
...Исполнив «долг» свой,
Дали тягу.
Старик остался недвижим.
И две медали «За отвагу»
В пыли валялись
Рядом с ним.

Тени

Стоит солнцу вспыхнуть над
светелкой,

Тень рябины на пол упадет,
И хоть напряжнится метелкой,
Пола все равно не подметет.
В знойный полдень
Выдвинется туча,
Проползет, как полосатый кит.
И хоть с виду
Тень ее могуча,
Ни хлебов, ни роц
Не напоит.
Словом, тень всегда пребудет тенью,
Бестелесной и безгласной...
Но,
Пребивая долго в ней,
К затмению
Исподволь прийти немудрено.

АНГРАВ-М

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ Д. ЛИТВИНОВА

*Человек не должен терпеть того,
чего он боится*

Г. К. Честертон

1.

Спускаясь по пандусу космобиота, доставившего меня с «Цереры», я издали увидел под прозрачным козырьком навеса невысокого человека в сандалиях и в непомерно длинном плаще. Влажная духота заставила меня расстегнуть воротничок мундира, но человек в плаще меньше всего внимания обращал на духоту. Похоже, его больше заботил возможный ливень.

Это Лин, решил я.

В Управлении мне сказали: Аллофс, нам нужен активный и знающий человек. Активный и знающий, с непредвзятым мнением, не склонный к внешнему проявлению чувств, постоянно и самостоятельно ищущий. (Подтекст: ты нам изрядно надоел на Земле). Отправившись на планету Несс, есть такая морская планета, не самая удобная, зато из тех, что претендует на роль будущей Большой Базы. Для выхода в дальний Космос такая база необходима. В принципе вопрос решен. Но только в принципе. Там, на Несс, есть сложность, поэтому летишь ты. (Подтекст: нам хочется отдохнуть от тебя, Аллофс). Голос и Воронка — вот на что следует обратить особое внимание. Прислушавшись к Лину, он главный разработчик Большой Базы, он родился и вырос на Несс. Времени у тебя в обрез, укладывайся к возвращению «Цереры», иначе просидишь на Несс еще полгода. Лин обещает тебе условия для работы и связь с Землей. Связь, конечно, не постоянную. Пятиминутный сеанс стоит всей твоей командировки.

Я кивнул.

Ответственность... Полномочия... Без Большой Базы на Несс мы как хромой с биноклем: видим далеко, допрыгать до цели не можем... Твоя виза на документах, Аллофс, чрезвычайно важна. Если ты убедишься, что выводы Лина и его сотрудников верны, мы получаем Большую Базу, а Несс входит в кольцо развитых миров. Будь внимателен.

Я кивнул.

А теперь я спускался по пандусу, и Лин приветливо протягивал навстречу маленькие руки. Его желтоватое лицо с резкими скулами казалось выточенным из кости и все равно невероятно подвижным: улыбки сменяли друг друга, как фазы луны. И он не скрывал любопытства: инспектор Управления не каждый день появляется в заброшенных уголках. Серо-стальной мундир, высокие башмаки на толстой подошве, пожалуй, на Несс я буду бросаться в глаза. Я оказался выше Лина на две головы.

— Аллофс! Вы Отто Аллофс! — Лин произнес мое имя чуть ли не с торжеством. Он даже оглянулся, хотя на площадке никого не было. — Несс приветствует своего друга. Мы ведь друзья, Аллофс? — Я с трудом уклонился от его объятий. — Я уверен, что мы подружиться. Обязательно подружимся. Большое дело сблизает, Аллофс.

— Инспектор Аллофс, — поправил я.

— Вот именно, — моя поправка ничуть его не смущала. — Вы попали на Несс не в худшее время, сезон ливней практически закончился. До возвращения «Цереры» вы увидите Деяниру, Южный архипелаг, Морской водопад...

— ...Воронку.

Лин изумленно хмыкнул:

— Разумеется. И Воронку. Воронку даже прежде

всего,— сбить его с толку было невозможно.— В некотором смысле, Аллофс, вы будете решать ее судьбу.— Похоже, он не собирался обращаться ко мне по форме.— Несс — провинция, не будем скрывать. Но любая провинция имеет свои особенности. Клянусь, Несс — одна из тех, что заслуживают лучшего, Аллофс.

— Инспектор Аллофс,— терпеливо поправил я, но Лин снова не обратил внимания на поправку.

2

Пока машина разворачивалась на поле космопорта, способного принимать только боты, я успел рассмотреть мрачную громаду хребта Ю, отгородившего долину от океана. Мертвые вершины тонули в пелене сплошных облаков, закрывших наглухо звезду Толиман, сестру нашего Солнца. Пусть далекую, пусть очень даже далекую, но сестру.

Серый, томительный, душный день. От каждого камня, от темной стальной полосы дороги, рассекающей каменистую долину, несло жаром.

— Здесь всегда так?

— Мы и это исправим! — Лин торжествующе улыбнулся.— Деянира маленький город, мы сделаем ее столицей. Ведь так?

— Возможно.

— Так. Именно так, Аллофс. Мне можно верить,— сообщил он доверительно.— Мы ведь не случайно пригласили именно вас...— Лин явно лукавил. Вряд ли они приглашали кого-то конкретно. Просто инспектора Управления, так точнее.— Мы наслышаны о вас. Мы знаем, что вы работали на спутниках Юпитера, кажется, на Европе.

Что-то обо мне они и впрямь знали.

— Мы все это изменим, Аллофс.

— Инспектор Аллофс.

— Вот именно,— Лин засмеялся.— Мы все здесь изменим. Несс — планета будущего. Мы забудем о Воронке, мы забудем о Голосе. Мы построим мир, которым можно гордиться. Мы станем законным звеном целой цепи миров. Правда?

Обернувшись, он одарил меня серией ослепительных улыбок. Его и без того узкие глаза превратились в щелочки, на желтоватых щеках обозначились ямочки.

— Впрочем, к делу,— он улыбнулся.— Каждый новый человек, тем более официальный представитель Земли, вызывает на Несс вполне понятный интерес. С вами многие хотели бы увидеться. Мы составили предварительный список. Суньте руку в карман кресла.

Пластиковый листок... Они все еще пользуются магнитной печатью... Каждая буквочка, каждый знак отдельно... В этом было что-то старомодное и трогательное.

— Встречи обязательны? — Даже на первый взгляд список выглядел длинновато.

— Все нет,— Лин опять улыбнулся.— Обязательны встречи со специалистами. Остальные на ваше усмотрение.

Я кивнул.

Имена ни о чем мне не говорили, я вчитывался в краткий комментарий.

В общем, понятно... Сотрудники гравислужб, расчетники, строители, члены Совета, служба приливов...

Краем глаза я умудрился следить за однообразным пейзажем. Выжженные голые камни, серые, беспорядочные. Ни одного живого пятна, зажатая отрогами долина выглядела мертвой. Впрочем, она и была мертвой. Ледяные вершины... Я невольно повел плечом. На льды я посмотрелся на Европе...

К черту Европу!

Полицейское управление, геофизики, служба контрольных постов, психиатрический центр, транспортники...

Даже обязательный список был некроток. Интересно, где Лин будет собирать этих людей? Несс —

планета морская, колонисты разбросаны по мелким архипелагам. Уединенные высокие острова, облизанные чудовищными приливами, порождаемыми тремя лунами Несс. Кое-где рожицы каламитов. Понятно, на Несс своя таксономия, каламиты — жаргон, бытовое обозначение. Так их прозвали по некоторому сходству с растениями, покрывавшими земную сушу много миллионов лет назад. Дело не в названии. Каламиты — жизнь. Пусть примитивная, но жизнь, а Положение о Космосе не позволяет людям вторгаться в неземную жизнь активно. Вот почему Деянира, единственный город планеты, упрятана в мертвой долине. Каламиты не могут перебраться через хребет Ю, летающим рыбам тоже его не одолеть.

— Половина списка не прокомментирована.

— Правильно,— Лин, обернувшись, одарил меня за сообразительность одной из лучших своих улыбок.— Мы не могли отказать им в возможности встретиться с вами, но решаете вы, Аллофс.

— Лейстер, Мумин и Хан...

— Артисты цирка,— улыбнулся Лин.

— Простите, они имеют какое-нибудь отношение к Воронке?

— Вряд ли. Но они могли слышать Голос.

— Доктор Алемао...

— Экзобиолог,— Лин обернулся.— Интересуется всеми формами жизни, даже такими редкими и экзотичными, как инспектор Управления.

Я не поддержал тон, взятый Лином:

— Какое отношение доктор Алемао имеет к Большой Базе?

— Думаю, никакого,— Лин был в восторге.— Но поговорить с человеком всегда полезно. Сами увидите.

— Оставим артистов и доктора Алемао в резерве,— пробормотал я.— Переизбыток встреч — потеря времени.

— Это так,— Лин лучезарно улыбнулся. Он даже поощрительно мне кивнул.

— Зоран Вулич, художник...— я уже не скрывал удивления.

— Что вы хотите? «Церера» приходит два раза в год. Мы живем на отшибе. Каждому хочется увидеть человека с Земли. Почему бы вам не познакомиться с работами Вулича?

— Они имеют отношение к Воронке?

— Если говорить серьезно,— Лин улыбнулся,— у нас нет ничего, что не имело бы к ней отношения.

— Бетт Юрген, профессия не указана...

— Бетт Юрген...— Лин ответил с крошечной заминкой. Совсем крошечная, но заминка была.— Синоптик...— Он опять замаялся.— Сейчас, кажется, без работы... Это следует уточнить... Подруга художника Оргелла, слышали о таком? — Он вздохнул чуть ли не с облегчением: — Нет? Немудрено. Несс далеко от Земли. Что вы там о нас знаете?

Похоже, он ждал ответа. Я не ответил.

— Скорее всего, Бетт будет просить о помощи. Она рвется на Землю. Некоторые формальности мешают этому.

— Но при чем здесь я? — Вопрос прозвучал суше, чем следовало, но я был раздражен.— Разве такие вопросы решает не Совет?

— Конечно, Совет, Отти.

— Тогда избавьте меня от этого.

— Ваше право,— Лин восхищенно улыбнулся. И восхищенно вскинул руки над головой:

— Деянира!

3

Столица Несс ничем не поражала воображения.

Типичный колониальный стиль: невысокие просторные здания, иногда с колоннадой, громоздкие башни непонятного назначения, бульвары, украшенные посадками каламитов — безлистных, голых, в шрамах от от-

павших черенков, в клубах воздушных корней. Я с уважением вспомнил Положение о Космосе. Если этот документ позволяет оберегать даже столь неприятные виды, значит, сами мы чего-то стоим.

— Приехали, Отти,— Лин сиял.— Я просил не встречать нас. Инспектору Управления не нужна помпа, правда? — Он весело прищурился.— Прошу вас, Отти. У нас не тот уют, что на Земле, но с этим придется мириться. Насчет уюта он скромничал.

Трехкомнатный номер отеля почти всеми окнами выходил на далекую громаду хребта Ю, придавленную облаками. Спальня, гостиная, кабинет с селекторами внутренней и планетной связи, на специальной полке листы планетографических карт, даже книги, среди которых я сразу отметил три редкостных томика Ж. Лоти в ярких желтых переплетах — «Введение в природу Несс», кажется, с дополнениями.

— Тебе нравится, Отти?

Я сухо кивнул. Мне нравилось. Но это вовсе не значило, что мы непременно должны переходить на ты. Мне хотелось остаться одному — ионный душ, чашка кофе...

— Вот, Отти, то, что мы оставим потомкам.

Пожалуй, впервые его торжественность оказалась более или менее уместной. Всю заднюю стенку кабинета занимал вид будущего космопорта.

Большая База...

Летное поле выглядело приподнятым над долиной, даже хребет Ю как бы потерял значительность.

— Мне показалось, хребет тут выше.

— И ты не ошибся, Отти,— поздравил меня Лин.— Мы перекроем Воронку стяллитовым куполом, а сверху набросим грунтовую подушку, метров триста, не тоньше. На это и уйдет часть хребта. Неплохо придумано? — Лин сиял.— Это не просто космопорт, Отти. Это наше будущее. Нельзя топтаться на месте, это всегда ведет к деградации.— Он странно взглянул на меня: — Об этом следует думать и землянам.

Вид будущего космопорта привел Лина в какое-то необычное состояние. Я молчал, ожидая: сам он вынырнет из эйфории или ему придется помочь?

Он вынырнул сам:

— Связь с Землей контролируется диспетчером, но для вас, Отти, выделен специальный канал. Не думайте о расходах. Вы работаете не только на Несс, вы работаете на все человечество.

Будто подтверждая сказанное Лином, экран внутренней связи вспыхнул. Мы одновременно повернулись к экрану, но никого на нем не увидели. Если кто-то и смотрел на нас, он делал это, не входя в поле зрения. Я удивленно перевел взгляд на Лина.

— О вашем появлении знают, Отти... Кажется, вы уже популярны.

— Если бы! — женский голос прозвучал резко. Говорящая так и не появилась на экране, поразительная бестактность.— Дело не в популярности. Я сама решила на это.

Лин улыбнулся, но голос его посуровел:

— Почему вы не обратились в Совет?

Он явно знал, с кем разговаривает. Женский голос ответил чуть ли не презрительно:

— Я обращалась. Лин, вы знаете это. Я знаю все, что вы можете мне ответить. Будет жаль, если инспектор не услышит другую сторону. Вы слышите, инспектор? На Несс есть люди, не разделяющие взглядов Совета. И таких людей больше, чем думает Лин. Спросите его, инспектор, почему выслан на Землю художник Оргелл? Да еще в сопровождении полицейского... Если ответ вас удивит, не поленитесь найти меня. Мое имя Бетт Юрген.

Экран погас.

Лин, улыбаясь, развел руками:

— На Земле такое выглядит верхом бестактности, верно, Отти?

— Аллофс,— поправил я.

— Вот именно! — Лин был неподражаем.— А мы называем это провинциализмом. Выход один: Большая База, включение в кольцо развитых миров. Ничто не действует на мораль так вдохновляюще, как ощущение подлинной общности. Впрочем, ощущение изоляции действует тоже. У человека, оторванного от себе подобных, меняется мировоззрение, привычки, у него меняются даже голос и походка. Мы — колонисты. Мы оторваны от землян.

— Кто этот Оргелл? — спросил я.— Художник? Я правильно понял Бетт Юрген: он выслан?

— Совершенно правильно, Отти,— Лин шумно радовался логике моих умозаключений.— Этот человек выслан на Землю.

— В сопровождении полицейского?

— В сопровождении полицейского.

— Но почему?

Лин помедлил. Впервые он отвечал без улыбки:

— Этот Оргелл... Он ходил к Воронке.

— За это высылают?

Несколько мгновений Лин молчал, потом опять улыбнулся. Его улыбка ширилась, глаза совсем сузились, на желтоватых щеках проступили ямочки — не человек, а пересахаренный пудинг. Я был уверен, он отделается очередной шуткой, но Лин, не убирая улыбку, ответил:

— Да, Отти, высылают... Тех, кто остался живым.

4

Я поужинал прямо в номере, решив не спускаться в ресторан, где новый человек не мог не вызвать незлой интереса. Когда на столе появился кофе (автоматика работала на редкость быстро и эффективно), я догадался включить канал С. И не ошибся. Новости Несс касались и моей персоны.

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ СОВЕТА. БОЛЬШАЯ БАЗА — ПРОБЛЕМ НЕТ? ДЕЛО ИНСПЕКТОРА АЛЛОФСА — ПОСТАВИТЬ ПОСЛЕДНЮЮ ТОЧКУ?

Я так не думал.

ВЕРНЫЕ ЛИВНИ НАД ЮЖНЫМ АРХИПЕЛАГОМ. СМОЖЕТ ЛИ ДЕЯНИРА КОМПЕНСИРОВАТЬ УБЫТКИ? ОЗНАЧАЕТ ЛИ ПОЯВЛЕНИЕ НА НЕСС ИНСПЕКТОРА УПРАВЛЕНИЯ ПОМОЩЬ ЗЕМЛИ?

Я так не думал.

ЕСЛИ НЕСС ОПЛАЧИВАЕТ ВОЯЖ ИНСПЕКТОРА АЛЛОФСА, ПОЧЕМУ БЫ ЕМУ НЕ СМЕНИТЬ БАШМАКИ?

Я усмехнулся. Намек был достаточно прозрачен. Каждая служба плодит свои мифы. Где бы ни находился инспектор Управления, ступать он должен по Земле. Многие считают, что толстая подошва наших башмаков впрямь прослоена шепотью земного грунта.

СЧИТАЕТ ЛИ ИНСПЕКТОР АЛЛОФС, ЧТО НЕСС ДОСТОЙНА ВОЙТИ В ЦЕПЬ РАЗВИТЫХ МИРОВ?

Почему бы и нет?

Я отключил связь, принял душ и подошел к окну, чтобы задернуть портьеру.

Смеркалось.

С удивлением я обнаружил, что окно распахнуто и я уже несколько часов обхожусь без кондиционера. Кажется, колонистам есть смысл бороться за свою морскую планету...

Где-то далеко, возможно, на подошве хребта Ю медленно ходил длинный и узкий луч прожектора. Время от времени он вставал вертикально, тогда свет, отраженный от облаков, сгущался в волшебный туманный шар. Ни одна из трех лун Несс пока не пробилась сквозь облачный покров, зато влажная духота дня сменялась удивительной прохладой.

Да, над Европой не было облаков. Только чудовищная сфера Юпитера и оранжевый глаз Большого пятна... С каким отчаянием смотрел на меня Бент С. в переходе станции. Гляциолог, которому грозила высылка с Европы... Никто этого не хотел, сам Бент С. особенно. Давняя теория: теплопроводность льда не-

высока, под его массажи может консервироваться тепло еще не полностью остывших недр Европы, а значит, есть смысл поискать простейшую жизнь там, где льды находятся в жидкой фазе,— эта теория весьма занимала и Бента С. И воду он там нашел. Не жизнь, но воду. Правда, и ему, и его напарнику находка обошлась дорого.

Почему я это вспомнил?

Я всматривался в ночную мглу. Там плясало уже несколько прожекторных лучей. Что они ищут?... «Спросите, почему выслан на Землю художник Оргелл...» Я спросил. Лин ничего не скрывал: этот Оргелл ходил к Воронке. За это высылают? Ну да: «Тех, кто остался живым».

Ну да, усмехнулся я. Мертвеца никуда не вышлешь. Жаль, что Управление бросает инспекторов на задание, не информируя их о деле подробно. Только общие очертания, все остальное зависит от тебя. Если определить цель, это может влиять на твои решения.

С каким отчаянием смотрел на меня Бент С. Его напарник — Уве Хорст — погиб. Если честно, им обоим не повезло: Уве Хорст потерял жизнь, Бент С. может потерять будущее. Но Бент С. хотя бы жив, а Уве Хорст ни на что не может рассчитывать. Он погиб. Он ушел навсегда. Его уже никогда не будет.

Никогда...

Что значит никогда?

Я невольно повел плечом. Я не любил вспоминать случившегося на Европе. Никогда это и есть никогда. Если ты погиб, тебя уже никогда не будет.

Что значит погиб?

Станный вопрос...

Тебя растерло ледяной лавиной или размазало взрывом по базальтовой стене, ты сгорел в смердящем острове разбившейся реактивной машины или вывалился из лопнувшего скафандра в пространство. У тебя остановилось дыхание, раскрошились ребра, ты истек кровью. Вот ты и погиб, вот ты и ушел, чтобы никогда и никуда не вернуться.

Я отчетливо увидел отвесные стены ледяных ущелий Европы. Тысячи радуг, спящих цветных зайчиков — оптику приходилось затемнять. Ни хребтов, ни метеоритных кратеров, ни даже просто всхолмлений — Европа ошлифована как бильярдный шар, только трещины бесчисленных ущелий оживляют ее. Великолепная школа для исследователя. В подобной школе постигаешь все. Кроме бессмертия.

Что значит бессмертие? Бессмертию можно научиться?

Если бы...

Я снова повел плечом, отгоняя воспоминания.

Бессмертия не существует. Несуществующему нельзя научиться. Бент С. узнал об этом, потеряв напарника. Он, кажется, считал его близким другом. Может быть, было бы лучше, считай он Уве Хорста врагом.

Что значит — врагом?

Я вздохнул.

Где-то над хребтом размыло ветром облачный покров, я увидел кусок черного неба, высеребристого звездами. Не так уж, в принципе, я далек от Солнца. Созвездия, висящие над Несс, ничуть не изменили своих очертаний, только зигзаг Кассиопеи удлинился, опять же за счет Солнца.

С каким отчаянием смотрел на меня Бент С. Он знал, выручить его могут только я. Он меня ненавидел: я интуитивно догадывался о том, о чем не догадывались другие. Он надеялся только на меня: кто другой мог ему помочь? Не Уве же Хорст. Он, Уве Хорст, давно был мертв. И подозреваю, останься он жив, Бент С. не побегал бы к нему за помощью.

Уве Хорст провалился в озеро чистой переохлажденной воды. Они нашли воду, но они ее не увидели, а тележка Хорста стояла метрах в тридцати от них. Инструкция запрещает обгонять тележку Хансена

даже на шаг, но Бент С. и Уве Хорст привыкли к ледяному царству; работая на Европе второй год, они разуверились в существовании чистой воды. Они шли, переговариваясь, по дну невероятно глубокого ущелья, точнее, по трещине, разбившей ледник. Если бы они катили перед собой тележку Хансена, стоило ее колесу коснуться воды, как все озеро моментально превратилось бы в линзу льда, по которому они и продолжали бы свое путешествие. Но вода была столь прозрачна, а глаза гляциологов так утомлены ледяными радугами, что Уве Хорст мгновенно провалился в чудовищную ловушку. Похоже, он не достиг дна. Скорость кристаллизации оказалась слишком высокой. Но меня на Европе интересовали другие вопросы: Хорста раздавило сразу? Хорст мог жить какое-то время, пока был цел скафандр? Хорст мог успеть сказать что-то Бенту С.? Ведь связь не была отключена, они могли какое-то время переговариваться... Что мог сказать Уве Хорст своему товарищу?

Только слепцы отрицают волю случая. Единственная известная в исследованном секторе Космоса саванна Лакки, собственно говоря, единый, распространяющийся на всю планету растительный организм, была сожжена при посадке «Кассиопа». Кто мог предположить, что водянистые на вид, волнующиеся стебли уагуа вспыхивают и сгорают с фантастической скоростью?.. Теоретически допускалось существование переохлажденных озер на Европе, но кто мог предполагать, что однажды два опытных гляциолога оставят за спиной тележку Хансена и, не торопясь, пройдутся по ущелью, как по школьному катку?

Бент С. остался жив. Конечно, ему пришлось начинать жизнь заново. Он был списан на Землю и списан навсегда.

Что значит навсегда? Разве бывает как-то иначе?

А черт его знает. Так устроено природой. Все разрушается. Рано или поздно все разрушается. Может быть, мы и найдем секрет бессмертия, только он не поможет ни саванне Лакки, ни Уве Хорсту. Существует определенный биологический механизм, он работает, он не может однажды не дать сбоя.

Прожектора вдали, наконец, успокоились. Только один встал вертикально и сиял, как маяк.

Надо лечь, подумал я. Надо выспаться, привести себя в порядок. Бессмысленно торчать у окна, задавая себе дурацкие вопросы.

Вопросы...

Ледяной холодок тронул мне спину.

Это я их задавал? Я что, не знаю, как погибает человек? Я что, всерьез расспрашиваю себя о бессмертии?

А кто же еще?

Подожди, сказал я себе. Не нервничай. Успокойся. Конечно, ты знаешь, что бессмертия не существует, и тебе не надо рассказывать, что такое взрыв и как человека размазывает по базальтовой стене, — но ведь ты спрашивал! Это твои вопросы! Что значит никогда?.. Что значит погиб? Что значит бессмертия? Бессмертию можно научиться?.. Что значит враги?.. Что значит навсегда? Разве бывает как-то иначе?.. И что-то еще еще столь же абстрактное. Это же ты спрашивал!

Нет, понял я, тревожно прислушиваясь к самому себе. Это не я спрашивал. Эти вопросы приходили извне. Их не я задавал. Скорее всего, я подвергся атаке Голоса.

«На Несс есть сложности, — сказали мне в Управлении, — Голос и Воронка — вот на что следует обратить особое внимание...»

В некотором смысле мне повезло — если, конечно, это и есть Голос; можно прожить на Несс пятьдесят лет и ни разу его не услышать. Но однажды это произойдет. Может произойти — если повезет. Ты живешь, как все, занят обыкновенными быденными делами, ты всего лишь один из многих, но однажды ты вдруг

задумываешься. Тебя ни с того ни с сего начинают занимать вопросы смерти и бессмертия, вечности и конца, и от вопросов этих не отмахнуться. Это они владеют тобой, а не ты ими.

Так это и есть Голос?

Я включил свет и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Ничего во мне не изменилось, да и не могло измениться. Голос прозвучал, внес смятение в душу и исчез, чтобы, наверное, вновь скоро вернуться... Но чего, собственно, он хотел? Я ведь не отвечал всерьез. Да и как ответить всерьез на вопрос: можно ли научиться бессмертию?

Почему Голос исчез так быстро? Я сам его спугнул? Так бывает? Или я ему показался неинтересным?

Я, наконец, лег.

Сон не шел.

Я прислушивался к шорохам (кажется, накрапывал дождь), прислушивался к самому себе (в душе тоже дождило). Эта Бетт Юрген сразу потребовала от меня многого. «На Несс есть люди, не разделяющие взглядов Совета...» Что она имела в виду? Будущую Базу? Но кому может быть не по сердцу самый эффективный путь развития? «Если ответ вас удивит...»

Если честно, пока меня удивили вопросы.

5

Завтракать я спустился в ресторан.

Как ни странно, он был пуст.

Длинный уютный зал оканчивался высокой аркой. Барельефы на стенах посвящались открытию и заселению планеты Несс: первые корабли (я таких никогда не видел), портреты героев, имена которых мне ничего не говорили. На фоне звезд и туманностей проступал силуэт громадного кентавра. Реализм изображения несколько смягчался странным цветом: его невозможно было определить, мне даже показалось, что он медленно, но постоянно меняется.

Под аркой, замыкающей зал, на специальном возвышении тихонько поворачивался большой глобус, умело освещенный изнутри. Он был непривычной формы — весь в плоских гранях. Таких планетных форм, естественно, не бывает, тем не менее, это была планета Несс, выполненная в проекции Фуллера. Именно такая проекция позволяет выдерживать истинный масштаб. Разглядывая глобус, я впервые по-настоящему понял, как необычна планета, как много на этой Несс чистой воды. Язычки и рассеянные точки архипелагов и одиночных островов тонули во всеобщей голубизне. Благодаря барельефам я уже знал, как это все может выглядеть на самом деле: обломки суши, изгрызенные чудовищными приливами, покрытые кое-где шапками каламитов. Я невольно посочувствовал сотрудникам соответствующих служб: как при трех лунах Несс они умудряются строить точные приливные таблицы? Не торопясь, я попробовал нечто вроде спагетти. Вкус сносный.

Бледные мягкие нити таяли на языке. Похоже на свежий сыр. Интересно бы узнать, чем меня кормят, но с автоматикой не очень-то поговоришь. Я обрадовался, увидев посетителя.

Он был очень уверен в тебе. Усат, коротко пострижен, спортивен. Глаза голубые, как поверхность глобуса, несколько скуающие. Он мог сесть, где угодно, но выбрал мой столик:

— Позвольте?

Судя по тону, отказывать ему было нельзя.

Я кивнул.

С какой стати отказывать? На блюде передо мной как раз появилось нечто белое, пухлое.

— Это оmlет?

— Рыбы у нас летают, но яиц не кладут, — усмехнулся мой визави. — Это и не водоросли. И не коренья, как тоже можно подумать. Всего лишь рыба-сон. Пробуйте, пробуйте, не бойтесь... Мое имя Рикард... Нра-

вится? Ну вот... Зато выглядит рыба-сон ужасно. Плоская, как пустой мешок, вся в складках, вся какая-то мятая, неопрятная, а в глазах прямо-таки человеческая тоска. Правда, об уме умолчу, с этой стороны рыба-сон унылое существо. Зато очень и очень не советую хватать ее голыми руками. На Несс это всем известно, но вы можете не знать. Вы ведь инспектор Аллофс? Вас тут здорово ждали. — Он запил рыбу-сон каким-то белым непрозрачным напитком. — У каждого свое, но вас здорово ждали.

— Что-то я никого не вижу, — пробормотал я. — Такое впечатление, что Деянира пуста.

— Верное замечание. Деянира почти пуста. Все, кто мог, улетели на Южный архипелаг. Веерные ливни всегда приносят много бед.

— Вкусно, — оценил я рыбу-сон и взглянул на Рикарда. — Он мне чем-то понравился. Может, независимостью. Даже куртка на нем была расстегнута до пояса и, кстати, слабо фосфоресцировала. Наверное, в ночи она пылает, как костер, подумал я. И спросил: — Ваша куртка, она из водорослей?

— На этот раз угадали, — Рикард снисходительно кивнул. — Океан наш кормилец. Он же и одевает нас. Достаточно взглянуть на этот барельеф, и вы увидите, что все на Несс связано с океаном.

— Кто это сделал?

— Что именно?

— Барельеф.

— А-а-а, барельеф... Вулич... Зоран Вулич, художник... Он знает в этом толк. Он побывал чуть ли не на всех островах...

— Вы, наверное, тоже?

— С чего вы взяли? — удивился Рикард. — Я видел Морской водопад, видел Воронку, мне этого достаточно. Какая разница, — покосился он на меня, — смотреть на закат с вершины одинокого острова, отодвигая рукой ветку каламита, или смотреть на него из окна? К тому же, на островах душно, — добавил он неодобрительно.

— Никакой разницы? — усмехнулся я.

— Никакой. — Рикард был тверд. Он мне все больше нравился. — Уверю вас. Острова похожи друг на друга, как близнецы, а океан везде одинаков.

— Везде?

— Абсолютно везде. К счастью, мои занятия не требуют активных перемещений в пространстве.

— Что-нибудь связано с...

— Не угадаете, — он опять снисходительно усмехнулся. — Я палеонтолог.

— Но ведь окаменелости не сосредоточены только в окрестностях Деяниры.

— Конечно. Южный архипелаг тут даст сто очков вперед. Там мощные толщи осадочных пород, а под Деянирой почти все метаморфизовано. Впрочем, любая жизнь смертна, там или здесь какой-то след от нее остается. Палеонтолог никогда не останется без работы.

— Кто же ищет для вас окаменелости?

— Землекоп, — ответил Рикард с завидным спокойствием.

— Это человек?

— Нет. Специализированный робот. Это я так его назвал — Землекоп. Он беспредельно трудолюбив, может лазить по самым крутым обнажениям. Образцы, найденные им, я получаю с каким-нибудь полуплутным судном или вертолетом. У Землекопа редкостная программа, я убил на нее три года. Кроме того, в любой момент я могу связываться с Землекопом напрямую, ничто не может помешать нашему общению. Единственное, чего он боится — веерных ливней. К сожалению, они только что прошли по Южному архипелагу.

— Что они из себя представляют?

— Ураганы, идущие цепочкой — один за другим. Так они и накатываются на архипелаг, с периодичностью в семь, в восемь, иногда в пятнадцать часов.

Только что остров был бурым от каламитов, а вот поднялась волна — и остров лыс, как в первый час рождения.

— Как же восстанавливаются каламиты?

— Их спорами забиты все течения.

— Я чувствую, ваш Землекоп редкостное создание.

— Он и стоил мне немало, — Рикард самоуверенно улыбнулся. — Это штучное, очень дорогое производство.

— Почему убытки, нанесенные островам, компенсирует Деянира?

— А кто это должен делать? — Рикард даже отложил двузубую вилочку. — Земля далеко.

— Наверное, ждете не дожидетесь Большой Базы? — Я спросил об этом, вспомнив слова Бетт Юрген о людях, не разделяющих мнение Совета.

— Еще был — Рикард выпятил подбородок. — Большая База — это шаг в будущее, это новая ступень. Пока же мы топчемся на месте. Дай бог успеть залатать то, что рвется. А что-нибудь у нас постоянно рвется. Или разрушается. Нам не хватает сил и людей. Чтобы отправить самые интересные образцы на Землю, я вынужден выкладывать все свое состояние. Дальше так жить нельзя.

— А есть такие, кому не по душе идея Большой Базы?

— Конечно, — он взглянул на меня не без иронии. — Почему им не быть? Это даже хорошо, что они есть: можно принимать более взвешенные решения.

— Чем же они мотивируют свое неприятие?

Рикард насторожился:

— Как это чем?

— Вот я и спрашиваю...

— Воронкой, понятно. Проблема как на ладони: есть феномен. Скажем так, достаточно опасный феномен. С ним связаны некоторые другие, тоже не поддающиеся толкованиям. Но ведь на феномен можно смотреть не только как на источник опасности, можно еще рассматривать его и как чудо. «Чудо! Чудо!» — передразнил он чей-то, видимо, весьма популярный голос. — Здесь важно вовремя понять, есть ли для всех нас какая-то разница в том, что крутится Воронка под стилизованным колпаком в вечных сумерках или так же вечно она крутится под лучами сумрачного солнца Толиман? Я лично за проект Лина. Я хочу жить не ради чуда, а ради человечества. Для любителей чуда, в конце концов, можно построить действующую модель в натуральную величину... — Рикард удрученно хмыкнул: — Правда, это уже не будет чудом. — И выругался: — Угораздило Воронку оказаться в том единственном уголке, где на Несс возможно строительство космопорта!.. Но я не думаю, чтобы кто-то всерьез попытался оставить нас без Большой Базы. Чудеса чудесами, но каждый знает, истинных чудес только два...

— Вселенная и Человек, — улыбнулся я. Этот Рикард мне нравился. — Вы неплохо знаете старых философов.

Рикард самодовольно усмехнулся:

— Вы низко меня оцениваете. Старых философов я знаю лучше, чем молодой инспектор Управления. И о чуде я заговорил лишь по одной причине: если поставить человека в определенные обстоятельства, он сам способен на любое чудо.

— Пожалуй...

Рикард с любопытством уставился на меня. Глаза у него блестящие:

— Лин должен вас бояться. В принципе, инспекторы Управления должны бояться все, но Лин особенно.

— Почему?

— Вы молоды. Вы думаете о будущем, в том числе и о собственном будущем, а значит, будете рыть землю всеми копытами. Вы тут у нас весь огород перепашете, я прямо чувствую это. Только не забудьте, инспектор Аллофс, у наших проблем несколько сторон, тут нельзя действовать с налету. Не стану утверждать,

что вам будут лгать, тем более лгать преднамеренно, но ведь существует ложь такая тонкая, что и тени ни на кого и никогда не бросит... Вы поняли меня?

— Нет.

Он разочарованно уткнулся в свое блюдо:

— Жаль.

Мне тоже было жаль. Я так и сказал ему. Мое дело проверить документацию, взглянуть на проблему со стороны, еще раз оценить преимущества предлагаемого проекта.

— Вряд ли вы остановитесь на этом, — недоверчиво, даже высокомерно ответил Рикард. — Это не только Лин, это даже я чувствую.

— Инспектор обязан контролировать выполнение Положения о Космосе.

— Да знаю я, знаю! — отмахнулся Рикард. — Поговорим о другом.

— О Воронке, — предложил я. — О Голосе.

Рикард опять уставился на меня с любопытством:

— А вы созрели?

— Почему для этого надо созревать? Существуют какие-нибудь запреты?

— О, нет. У нас нет никаких запретов. В этом отношении мы почти святые. Но чтобы говорить вслух о Воронке или о том же Голосе, надо набраться определенного мужества. Не говорят же у вас на Земле, в гостиную, ни с того ни с сего о какой-нибудь запущенной и неприятной болезни.

— А вы ее запустили?

— Не знаю, — вздохнул Рикард. По его глазам я видел, он действительно не знает.

Некоторое время мы ели молча.

— Вы знаете Оргелла? — спросил я.

— Оргелл? Художник?.. Знал. Не как человека, как художника. Одно время он подписывался под своими работами — Уве Хорст.

Я вздрогнул:

— Как вы сказали?

— Уве Хорст, — повторил Рикард. — Думаю, не самый удачный псевдоним, Оргелла это и сам понял. А почему вы переспрашиваете?

— Я знал человека с таким именем. Не здесь, не на Несс.

— Ну, это не Оргелл. Наш Оргелл родился на Несс и никогда не покидал планету. Может, у него были еще какие-нибудь псевдонимы. Не знаю. Честно говоря, я далек от искусства. В искусстве для меня много темного. Я люблю простые вещи — четкий рельеф, внятный голос, отчетливый запах. А этот Оргелл любил во все подпустить туман. Пишет хребет Ю, казалось бы, формы четкие, а все равно что-то там не сходится с действительностью, не совсем такое, как на самом деле...

— Но вы сказали, он неплохой художник.

— Разве я противоречу себе? Любой профессионал подтвердит: Оргелл — мастер. Но, по мне, в его работах слишком много тумана.

— Он рисовал Воронку?

— Не раз. Но тоже по-своему. Пересказать это невозможно, но вот представьте себе хребет Ю, довольно мрачное зрелище, правда?

Я кивнул.

— А у Оргелла сквозь массив, сквозь камни всегда что-то такое просвечивает... Эфирный, неземной свет... Мне трудно точно определить... Может, некий образ...

— Чей?

— Не знаю... — Рикард вздохнул. — Картину не перескажешь.

— А где можно увидеть работы Оргелла?

— В музее, наверное. Я давно там не был. Лет пять, не меньше.

На этот раз он замолчал надолго, видимо, составив первое обо мне впечатление. Не знаю, в мою ли пользу. Но мне Рикард определенно понравился.

Мне не хотелось уходить, не выжав его максимально.

— Послушайте, Рикард. Вы действительно не считаете Воронку чудом?

На этот раз он удивился по-настоящему:

— Вы что, ни разу не заглядывали в атлас Лайта?

Перелистайте его при случае. Там есть такая статья — «Анграва». Страниц семнадцать, не больше. Уверяю вас, не соскучитесь, хотя там много математики. Анграва — это аномалия. Гравитационная. Всего лишь. Как всякая аномалия, она, конечно, редка, но не уникальна, понимаете? То, что мы тут привыкли называть Воронкой, известно еще на пяти планетах, причем на одной из них Воронка крутится в океане. Но наша, пожалуй, эффективнее. Представьте: язва в скальных породах. Чудовищная, диаметром в милю, язва, в которой, как жернова, безостановочно, с никогда не меняющейся скоростью несутся камни, песок, клубы пыли... А механизм Воронки не объяснен. Не знаю, чем там занимаются гравитики и физики, но что-то не видно изящных, все объясняющих теорий. Воронка оконтурена скважинами, обнесена тройным кольцом специальных станций, ее ни на секунду не упускают из виду унифицированные зонды, а толку? — Рикард насмешливо хмыкнул. — Был тут один, все высчитывал, с какими мирами связана Воронка, если считать ее чем-то вроде направленной антенны? Оказалось, ни с какими. На линии возможного действия такой антенны нет никаких интересных планетных или звездных образований... Еще один мудрец объявил Воронку вечным двигателем. Ну и что? Возникли гипотезы и посмелее... Подищите, полистайте атлас Лайта, не пожалейте!... Но вот кто объяснит: почему, за счет чего Воронка работает?.. Вот вы, наверное, видели за свою жизнь массу самых разных воронок — на ручейке, на большой реке, наконец, в океанах, где они порождаются мощными течениями. Такие воронки могут существовать час, неделю, месяц. Они могут существовать годами, десятилетиями. Ну и что? Кто это назовет Чудом? Конечно, Воронка на Несс необычна: она, как язва, вьелась в скальный грунт, только на глазах человека она работает уже почти три века. Возможно, она и до нашего появления работала не меньше. Ну и что из этого? Впечатляющее зрелище, не спорю, сами увидите. Но чудо, на мой взгляд, должно быть штучным. Чудо не должно иметь аналогов. А Воронка, инспектор Аллофс, это всего лишь Анграва-VI. И он давным-давно, вместе с другими пятью, внесен в атлас Лайта. Разумно ли говорить о чуде?

6

ВОРОНКА ИЛИ БОЛЬШАЯ БАЗА? ИНСПЕКТОР АЛЛОФС, КОЛОНИСТЫ ЖДУТ ВАШИХ СЛОВ.

Именно так: ваших слов, а не решения. Впрочем, подразумевалось — слов, выгодных для Несс. В некотором смысле все это можно было назвать давлением, но я не обязан был прослушивать сводки ежедневных известий. Честно говоря, мне было не до них. Каждый день меня сверх меры накачивали деловой информацией: записи на пленках, информкristаллы, графики, расчеты, статистические выкладки... Я был рад перевернуть: Лин сообщил, что с утра мы летим к Воронке.

Мы только что закончили совещание с инженерами Группы перекрытий. Часть людей ушла, несколько человек, окружив Лина, обменивались впечатлениями. Их волновали последствия веерных ливней, пронесшихся над Южным архипелагом. Не знаю почему, я вспомнил первую ночь в Деянире. Мне хотелось отвлечься от цифр и выкладок. Я сказал:

— Лин, кажется, я слышал Голос.

Наступила гнетущая тишина. Все, кто еще находился в кабинете, вскинули головы и растерянно уставились на меня, будто я сморозил величайшую глупость. Джефф, проектировщик, даже покраснел. Именно он, заикаясь, переспросил:

— Что значит, слышали? Прямо сейчас?

— Две ночи назад...

Инженеры дружно встали. Неотложные дела появились вдруг сразу у всех. Они уже не глядели на меня, молча раскланивались и уходили. Мы остались вдвоем.

— Интересный Голос?

Лен вежливо улыбался, но на висках у него выступили капли пота. Не думаю, что он боялся меня, как считал Рикард, просто ему было не по себе. Сетка мелких морщин туго натянулась на скулах, глаза сузились.

Я пожал плечами:

— Если вы о вопросах... они показались мне... скажем так, общими... Бессмертие, вечность...

— Не надо об этом, — прервал меня Лин. — Я знаю, что там можно услышать. — Он смотрел на меня, как на мальчишку, признавшегося в предосудительных занятиях. — И вот что, Отти... Я не могу вас одергивать, но предложить совет вправду... У нас не принято говорить о подобных вещах вслух... Нет, нет! Никаких запретов!.. Есть служба здоровья, есть специализированные управления. В любое время туда можно обратиться, если вас что-то тревожит... Но чтобы так... В обществе... Для Несс это серьезнее, чем вы думаете.

Он помолчал, приходя в себя. Он, наконец, даже улыбнулся:

— Есть два мира, Отти, мир света и мир теней. О втором мы почти ничего не знаем, но мы живем и в нем. При свете многое забывается, это верно, но мир теней от того не исчезает. Оставьте Голос специалистам. Наше дело — Большая База. Она и есть тот свет, перед которым отступают тени. Очень многое сейчас зависит от нашего решения...

— И Голос? — не выдержал я.

Он усмехнулся. Не так уж он был слаб. Он спокойно сказал:

— И Голос.

7

Двухпалубный прогулочный вертолет поднимал почти сотню пассажиров. Лин и я поднялись на верхнюю палубу в специальный гостевой отсек, выдвинутый над круглым носом машины; пока мы преодолевали высокий трап, руку мне успели пожать десятка три колонистов. «Приветствуем вас, инспектор Аллофс!» «Приятной прогулки, инспектор Аллофс!» «Вам нравятся Несс, инспектор Аллофс?» Как я и ожидал, колонисты Несс, в среднем, оказались мельче землян, но живее. Их голоса звучали резко и быстро, они сновали между кресел, как муравьи. Даже взлет не притормозил их активности. Наверное, поэтому я сразу обратил внимание на одинокую женщину, устроившуюся в самом хвосте нижней палубы. Ничто не мешало мне наблюдать за ней: корпус вертолета оказался прозрачным.

— Взгляните, Лин, — сказал я негромко. — Помогите, за этой женщиной следят.

Лин удивленно взглянул на меня:

— Вы меня пугаете, Отти...

Но, похоже, его бесила не моя наблюдательность, а халатность спецслужб: любой с нашего места увидел бы коренастого человека в плаще и в сандалиях, незамётно поглядывающего на женщину. В отличие от многих вполне элегантных дам, на ней был пепельный балахон. Его длинные широкие рукава ниспадали ниже запястий.

Я не видел лица женщины, она стояла к нам спиной, но ее тайный спутник был нам открыт полностью. Чтобы не ставить Лина в неудобное положение, я отвернулся. Тем не менее происходящее меня интересовало:

— Это ваш человек, Лин?

— На Несс много служб, — как ни странно, голос

Лина прозвучал удовлетворенно.— Не все работают на меня, Отти. И если кто-то кажется вам сыщиком, это не обязательно так на самом деле. Ревнивый любовник, а?..

Я разозлился.

Но вертолет уже вышел к хребту Ю и медленно двигался вдоль безжизненных черных отрогов. Я невольно вспомнил ночную пляску прожекторов — наверное, где-то здесь располагался один из контрольных постов; пока я ничего не видел, кроме голых угольно-черных скал и чудовищной стены хребта, уходящей в низкую облачность.

С ледяного холодного перевала несло вниз, в долину, широкую полосу белого тумана. На взгляд он казался вязким, плотным, но мы легко пробили его тонкий слой.

Я обернулся. Колонисты интересовали меня больше, чем безжизненный хребет Ю.

Эти высокие голоса, особая живость... В отдаленных колониях, не имеющих достаточной связи с Землей, внутренние напряжения накапливаются достаточно быстро. Почти триста лет вне Земли, это немалое время. Если не включить их в общее кольцо, какие-то процессы могут стать необратимыми.

Большая База... Несс, как никакая другая планета, нуждалась в собственном крупном космопорте.

Лин, откинувшись в кресле, плотно закрыл глаза. Он давал мне понять, что его ничто сейчас не интересует, кроме Воронки.

Я усмехнулся.

Я прислушался к голосу гида.

Язык без костей — инструмент профессионала. Наш гид был настоящим профессионалом. Он говорил убедительно и заинтересованно, как сам Лин.

Большая База — ворота в будущее. Большая База — новая жизнь. Гид ничего не доказывал, он был убежден в правоте каждого сказанного им слова.

Не забывая приглядывать за подозрительным человечком в плаще и сандалиях, я слушал гида.

Ну да, Несс — планета для людей, ее параметры превосходят. Пусть поняли это не сразу, ничего страшного, в Космосе случалось и не такое. Пилоты «Зонда-V» приняли Несс за типичный сфероид Маклорена. Вращающееся тело с однородной плотностью и с одной осью симметрии, проходящей через полюса, показало им мало перспективным. Если на Несс и есть острова, они, несомненно, заливаются чудовищными приливами, вызываемыми влиянием трех лун...

Гид повторял общеизвестное, но я его слушал.

Это только злословят так: дальние колонии поставляют Земле неизвестные болезни, редкие ископаемые и непредвиденные хлопоты. На самом деле, чем больше колоний, чем дальше они располагаются, тем больше человечество узнает о Космосе...

Иногда кто-либо на нижней палубе вскидывал голову, пытаясь рассмотреть нас с Лином, только женщина у прозрачного борта стояла неподвижно. Она сама выделила себя из общей компании — и пепельным балахоном, и молчанием — и, кажется, не собиралась в нее вливаться.

Не собирался вливаться в общую компанию и маленький человечек в плаще и сандалиях.

А гид не умолкал.

Единственный крупный остров планеты, а также хребет Ю, нанес на планетографическую карту Нестор Рей, возглавлявший вторую экспедицию на Несс. Только этот безжизненный кусок суши, отрезанный от океана, отвечал необходимым пунктам Положения о Космосе. Собственно, отсюда и началась человеческая история Несс.

Гуманизм Положения о Космосе, усмехнулся я про себя, чаще всего направлен против нас самих. При любой опасности, обнаруживающейся в процессе Контакта с неизвестными ранее формами жизни, отступать должен именно Человек.

Мы отступаем даже перед кагамидами. Мы вьем свои гнезда в самых мрачных, в самых недоступных местах...

Я захохотался от увиденного внизу: вертолет вышел к Воронке.

Сразу смолкли все голоса.

Вечный двигатель...

Самый настоящий вечный двигатель. И сейчас, и сто, и триста лет назад Воронка выглядела одинаково. И сейчас, и сто, и триста лет назад никто не мог сказать, как и за счет чего она работает.

Язва...

Черная язва, поразившая, прогрызшая скальный склон хребта Ю. Каменный малыштрем, живая, вечно движущая воронка, в которой, под шлейфами сносимой ветром коричневатой пыли, безостановочно крутятся против часовой стрелки чудовищные массы камня и песка. Это движение столь стремительно, что в первый момент наблюдаешь лишь сверкающие концентрические круги, светящиеся ночью. Но, приглядевшись, можно увидеть взлетающие над шлейфами пыли многотонные мячи обкатанных валунов, вновь проваливающиеся вниз, в бездну — на низко и мерно рвущие невидимые чудовищные жернова.

Я оторопел.

Краем глаза я еще видел Лина, даже часть нижней палубы, черноволосую женщину, прижавшуюся к прозрачному борту, но главным было, конечно, это безостановочное движение, не умолкающий ни на секунду низкий утробный рев.

— Человек, летящий над Воронкой, как правило, чувствует переизбыток интеллектуальных сил...

Открытие, разумеется, сделал гид.

Лин открыл глаза и понимающе подмигнул мне. Ну? — спрашивал его взгляд. Ты ждал этого?

Я затруднился бы с ответом.

На фоне черного, тонущего в облачности хребта Ю Воронка особенно поражала. Она крутилась теперь прямо под нами. Ее рев оглушал. Ее скорость гипнотизировала.

На что это похоже?

На Большое пятно Юпитера?.. Не совсем... У того своя динамика, свой рисунок... Я слишком долго смотрел на него с ледников Европы, чтобы теперь не увидеть разницы.

Обернувшись, я неожиданно перехватил взгляд женщины, прижавшейся к прозрачному борту. Отвернувшись от Воронки, будто та пугала ее, женщина глядела прямо на меня. Правильное, очень привлекательное лицо, в широко раскрытых глазах надежда и ненависть.

Почему?

Я первый не выдержал, отвел взгляд. На Европе так смотрел на меня Бент С. У него были на то причины.

Вертолет миновал Воронку, и я опять услышал голос гида:

— Началось все с того...

Конечно, о чем ему говорить? Гид говорил о Воронке.

8

Началось все с того, что где-то на пятидесятом году освоения Несс на так называемой Губе, на чудовищном валу вздернутых, до блеска отшлифованных глыб, окружающих Воронку, был найден труп известного певца С., любимца деянской публики. Благодаря опубликованным отчетам, достаточно подробным, история эта дошла до Земли.

Тело С. лежало прямо на Губе. Оно было припорошено пылью, исцарапано, но глубоких ран на нем не обнаружили. Зато кости оказались перебитыми, раздавленными во многих местах, как можно сделать такое, эксперты объяснить не смогли.

Через какое-то время преступление (если речь шла все же о преступлении) повторилось. И не однажды. На Губе нашли заблудившуюся женщину (чудовищно искаленную), опытного альпиниста, трижды побывавшего на самых высоких точках хребта Ю (альпиниста, похоже, истязали особенно долго и изощренно), геофизика, до того длительное время работавшего вблизи от Воронки. Гипотезы, объясняющие суть дела повышенной суицидностью погибших, отпали после тщательного расследования; правда, одно время среди колонистов имела хождение версия, связанная с действием на человеческую психику трех лун Несс. Впрочем, загадочную гибель людей эта версия тоже не объясняла. Лунатик, конечно, может добраться до Воронки, тем более свалиться в нее, но каким образом тела вновь оказываются на каменном валу и как можно переломать все кости, практически не повредив наружные покровы?..

Примерно в те же годы колонисты впервые познакомились с Голосом.

Ты спокойно живешь, смеешься, огорчаешься, встречаешься с друзьями, ты активен, оживлен, оптимистичен, тебя увлекает твое дело, ты открыт для радостей жизни, и вдруг однажды, совершенно неожиданно для самого себя, ты открываешь в себе нечто не свое: некий Голос, задающий вопросы. Эти вопросы могут быть какими угодно, часто они кажутся нелепыми. Ты злишься, ты ошеломлен, ты пытаешься возражать, ты испуган. Такое состояние может тянуться день, неделю, месяц, у некоего Уиллера оно тянулось больше года, но может исчезнуть и сразу, и никогда больше не повториться.

Разумеется, не могли не появиться гипотезы, увязывающие воедино Воронку и Голос. Посетите музей Несс, вы найдете там много необычного! Инспектор Аллофс поможет нам избавиться от опасных чудес!

Гид задрал голову и профессионально похлопал. Вертолет заполнили рукоплескания.

Мы все надеемся, инспектор Аллофс поможет нам поразить лернейскую гидру!..

Снова рукоплескания.

Лернейская гидра...

Я повернулся к прозрачному борту, разглядывая мертвые склоны хребта. Я не имел права помахать ответно рукой или хотя бы подмигнуть Лину — после слов гида это выглядело бы как обещание.

Лернейская гидра...

Связаны ли как-то Голос и Воронка, мне пока было все равно. Совсем другое дело — жертвы. Жизнь человека бесценна. Любого человека, даже, скажем так, ограниченного... Геракл сумел победить бессмертную голову лернейской гидры, засыпав ее грудой камней, похоронив бессмертную голову под ними... Лин, борясь с Воронкой, выбрал тот же метод.

Я взглянул на Лина по-новому.

Он был невысок, раскос, укутан в свой тончайший, сегодня почти прозрачный плащ, прочно увязывающий его с колонистами; не знаю, какая кровь текла в его жилах, но, думаю, она не в малой степени была разбавлена китайской; Лин ничем не напоминал Геракла, он сладко смеялся, щури узкие глаза, и все равно он был Гераклом, посмевающим поднять руку на чудище...

Лин прав.

Если Воронка — чудо, даже чуду следует дать возможность отдохнуть. Если Воронка угрожает жизни людей, ее тем более надо чем-то прикрыть сверху. Лин нашел верное решение. Он устранял постоянный и повышенный источник опасности, он выводил Несс в кольцо развитых миров, он позволял человечеству сделать очередной шаг в Космос.

— Две ночи назад,— я извиняюще улынулся,—

в этой части хребта я видел лучи прожекторов. Это на постах? Здесь что-то случилось?

Я ожидал любого ответа, но не того, который последовал. Нахмурил брови, сжав скулы, Лин кивнул:

— Да, здесь искали человека. Он хотел пробраться к Воронке.

— Зачем?!

— Если бы мы знали...

— Значит, серия загадочных смертей, о которых говорил гид, не прервана?

Моя настойчивость тяготила Лина.

— Эти смерти, — сказал он, — прекратятся только тогда, когда мы наглухо перекроем Воронку.

9

А вертолет уже оставил Воронку далеко за кормой и, перевалив через хребет, шел к океану.

В разрывах туч проглядывало тусклое пятно звезды Толиман, размытое атмосферными вихрями. Внизу бесконечно тянулись коричневатые и бурые заросли каламитов, прихотливо расцвечивающие черный берег и никогда не спускающиеся низко к воде. На довольно приличной глубине просматривались затонувшие стволы каламитов, сорванные приливами и ураганами.

Я совершенно забыл про женщину в тонком пепельном балахоне и о человекке, следившем за нею. А в Деянире Лин и я сходили с вертолета последними.

«Эти смерти прекратятся только тогда, когда мы наглухо перекроем Воронку...»

Первое, что я сделал, оказавшись в уединении своего кабинета, заказал кофе и подключился к Большому Компьютеру. Меня интересовало все, связанное с гибелью людей в районе Воронки. Я от души сочувствовал Лину, я теперь отдавал ему должное. Он мог мне не нравиться, меня могла раздражать его преувеличенная вежливость, но решение — перекрыть Воронку — Лин нашел самое простое и верное.

Информация с Большого Компьютера поступила практически сразу. Она не оказалась очень обильной, однако я и не гнался за количеством.

Да, Воронка работала весьма методично. Случались годы, когда Деянира не теряла ни одного человека, но были и такие, когда счет жертв шел на десятки. После одного из таких пиков Воронку окружили специальными постами, но и они не всегда успевали контролировать происходящее. Складывалось впечатление, что колонистов тянет в опасную зону против их воли. Это обстоятельство подтвердила позже комиссия доктора Глена Хюссена; впрочем, отчет комиссии я просмотреть не мог, почему-то он находился на хранении в одном из научных центров Земли. Это меня удивило.

Внимание мое привлек случай с неким Уиллером, может быть, потому, что он был описан более подробно и, пусть не явно, но указывал на некую связь Голос — Воронка.

Уиллер, специалист по приливным течениям, чуть ли не постоянно слышал Голос. Суть вопросов, задаваемых ему, впрочем, не растолковывалась: к тому времени (сто тридцать лет назад) общественное мнение склонялось к мысли, что Голос — личное дело его услышавшего человека, и вовсе не обязательно делиться им с кем-то. Похоже, Голос Уиллеру весьма досаждал, хотя это не стало предметом специального анализа; примерно в то же время появились исследования психиатра Лики, утверждающие: так называемый Голос в действительности не является чьим-то голосом. Он — это наших собственных внутренних переживаний и размышлений. По тем материалам, что систематизировал Лики, получалось, будто пресловутый Голос способен задавать лишь самые общие вопросы, одинаково сложные и для взрослого и для ребенка. Случай с Уиллером, в общем, подтверждал умозаключения Лики. Уиллер не однажды жаловался друзьям,

что Голос доводит его до нервного истощения, но Уиллер всегда был человеком желчным и склонным к самоанализу. «Откуда мне знать, что такое смерть? — жаловался Уиллер друзьям. — Я и о жизни могу сказать немного». Подробнее он не распространялся, но было заметно, что он малость не в себе. Однажды появившись в Деянире у своего товарища техника З., Уиллер заявил, что он в одиночку идет к Воронке.

«Зачем?»

«Хочу с нею поговорить».

«С Воронкой?»

«Ну не с тобой же!»

«Но почему именно с Воронкой?»

Уиллер вовремя спохватился, отделившись шуткой. Но в тот же день (постов вокруг Воронки еще не было) Уиллера засекли патрульные вертолетчики. Они отчетливо видели, как он карабкался по Губе, а затем сорвался в Воронку. Они даже засняли этот момент. Пленка оказалась грязной, но компьютерная расшифровка подтвердила: в Воронку сорвался именно Уиллер. Спасательные работы не производились: кто и как полезет в каменный мальштрем?

А еще через день живой и невредимый Уиллер появился у своего приятеля. «Удалось тебе поговорить с Воронкой?» С Воронкой? Уиллер ничего не помнил. Да, он был на Губе, он с нее возвращается. Был ли он в Воронке? Что за чепуха!

Странная история: Большой Компьютер вновь отослал меня к отчету, хранящемуся на Земле. Туда же, кстати, был выслан Уиллер. До прояснения ситуации. Судя по тому, что Уиллер на Несс не вернулся, ситуация не прояснилась.

«За это высылают?» — вспомнил я. «Тех, кто остается в живых».

Уиллер и Оргелл... Я знал теперь двоих, ходивших к Воронке, а затем высланных на Землю...

Я повторил требование.

Большой Компьютер ответил: указанные отчеты хранятся на Земле.

В год Уиллера Воронка сняла обильную жатву. Погиб некто Пэдж (гидрографическая служба), Хьюм (коксохимик), Ирен Б. (наладчик серийных синтезаторов). Меня заинтересовало заключение одного из врачей. «Такое можно сделать (врач говорил о характере увечий), если хочешь внимательно, со знанием дела проследить весь ужасный процесс долгого и насильственного умерщвления...»

Воронку окружили кольцом постов, свободный доступ к ней был прекращен.

Гораздо позже стали достоянием гласности «Статистические выборки» доктора Глена Хюссена. Не отрицая возможности того, что Голос в самом деле может быть отражением наших собственных переживаний, он еще раз подчеркнул насильственность многих смертей. Этим самым он как бы связывал все же Голос с Воронкой.

Новый интерес к Воронке, предельно к тому времени изолированной, вспыхнул десять лет назад после истории с Людвигом. Очень опытный пилот, летавший в свое время по трассе Земля — Несс, Людвиг, выйдя в отставку, пожелал остаться на морской планете. Сюда же прибыла его единственная двадцатилетняя дочь, с которой он любил бродить по скалистым окрестностям Деяниры. Они считались уже опытными гороскопиделями, когда Людвиг объявил о своем решении подняться на Северный пик хребта Ю. Сообщение не вызвало особого интереса. Но через три дня тела Людвига и его дочери были найдены на Губе. Сталось тайной, как они могли пройти сквозь тройное кольцо постов. Но они прошли... Исследования криминалистов показали, что первой была убита дочь. Ее убили долго и необыкновенно жестоко. И все это время, судя по следам, сам Людвиг находился рядом. Он пообедал (один), он прибрал мусор и, видимо, отдыхал, сидя лицом к Воронке. Он не мог не видеть мучений дочери,

но не сделал ничего, чтобы ей помочь. А ведь во внутреннем кармане его куртки нашли лазерный пистолет.

За дочерью пришла очередь отца...

После истории с Людвигом Воронка была блокирована полностью, активизировались службы здоровья. Однако среди белого дня, застрелив двух помощников, ушел к Воронке полицейский Уинд. Его убили случайным выстрелом уже на Губе...

Я затребовал дело Оргелла.

Ответ оказался знакомым: с делом Оргелла, как и с самим художником, можно ознакомиться на Земле.

Отключив инфор, я задумался.

Услышу я снова Голос? Что он означает? Почему далеко не каждый, услышав Голос, торопится к Воронке? Почему не погиб Уиллер? Ошиблись вертолетчики? Но ведь велась съемка... Почему люди идут на верную смерть, что с ними происходит?

Лин прав: до поры до времени Воронку следует изолировать. По-настоящему изолировать, со всех сторон. Что же касается дел Уиллера и Оргелла, я опять подключился к Большому Компьютеру и затребовал с Земли оба дела.

В конце концов, я имел право на подобные траты.

10

ИНСПЕКТОР АЛЛОФС ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В ВОРОНКУ. КАКОЕ БУДУЩЕЕ ПРЕДУГОТОВИЛ НАМ ИНСПЕКТОР АЛЛОФС? ЧЛЕН СОВЕТА ЛИН ГОВОРИТ: ИНСПЕКТОР АЛЛОФС ОТНОСИТСЯ К ПРОБЛЕМАМ НЕСС ПОНИМАЮЩЕ.

В ресторане я с удовольствием подсел к Рикарду. Мы опять оказались с ним вдвоем.

— Рыбу-сон? Турбо?

— Что-нибудь новенькое.

— А я пристрастен в своих привязанностях,— не без самодовольства заметил Рикард.— Это помогает сохранять чувство уверенности.

— Вы в этом нуждаетесь?

— А вы нет?

Я пожал плечами.

— Впрочем, вы всего лишь гость,— неодобрительно сказал Рикард.— Придет «Церера», вы вернетесь на Землю... Нам оставаться...— Он взглянул на часы.— Сегодня, к сожалению, нам не придется поболтать, я спешу,— и уткнулся в свое блюдо.

— Скажите, Рикард, а вам совсем не жалко Воронку?— спросил я, разглядывая глобус, нежно светящийся под аркой.— Загадка ведь, тайна...— А ее придают стилизованным колпаком, завалят скальными породами, переключат сверху космолпортом... Ведь это надо долго.

— Скажите, инспектор Аллофс, а вам совсем не жалко колонистов?— в тон мне ответил Рикард.— Люди ведь, смертные... А Воронка будет работать, Голос звучать... Опять кто-то полезет через полицейские кордоны на верную смерть... Ведь это навсегда.

— Ладно,— усмехнулся я.— Квиты. Вы слышали что-нибудь об этой новой попытке пройти через посты?

— Конечно. На Несс нет секретов.

— Кто это был?

— А вот это пока неизвестно. Он сумел оторваться от полицейских, но его найдут. Он сам явится. Нельзя жить с адом в душе...— Рикард, помрачнев, взглянул на часы.— Я не очень мягкий человек, но я привык ценить себе подобных.

— Что будет с этим человеком, когда он отыщется?

Рикард рассмеялся:

— Ему повезло: вышлют на Землю, чтобы не повторять попыток. Некоторые не могут добиться такой поездки годами... Но не будем об этом,— отмахнулся он.— Вы увидели Воронку, она впечатляет. Теперь вы летите на Южный архипелаг. Разумно. Вид Морского водопада смягчит общее впечатление. Кстати, не при-

хватите ли вы на обратном пути образцы, собранные моим Землекопом?

— Где он работает?

— Я дам вам координаты,— Рикард встал. Пожимая мне руку, он закончил несколько загадочно:— Там и поговорим.

11

Я остался один.

Вулич, несомненно, был мастером, его барельефы привлекали внимание.

Откуда, кстати, это название — Несс?

Ну да, кентавр... Если поискать, на планете найдется много других имен. Скажем, Гилл или Иола. Конечно, Геракл...

Утро человечества, прячущееся в дымке веков.

Человек не может не таскать за собой свою собственную историю. Она позволяет ему сохранять чувство уверенности, как сказал бы Рикард. Правда, Несс не был человеком. Полу-человек, полуконь. Не следует думать, что кентавры просты и незлобивы: кентавр Несс, предложив Гераклу перевезти через реку его жену Деяниру, оказался не столь уж и бескорыстен. Если верить мифам, а чему еще верить, кровь играла в нем, как вино. Все равно чистым безумием было покушаться на честь Деяниры в присутствии великого героя. Геракл убил кентавра стрелой, пропитанной ядом лернейской гидры. Нессу хватило бы, наверное, и простой стрелы, но в мифах подобные переборы не редкость. Умирая, поверженный Несс успел шепнуть Деянире: «Он бросит тебя. Он уйдет от тебя. Я говорю о Геракле». И дал совет: «Вымочи в моей крови хитон Геракла. Если он посмеет бросить тебя, вручи ему этот хитон».

И умер.

Дальнейшее хорошо известно: Иола, дочь эхалийского царя Эврита, покорила сердце Геракла. Влюбленный герой всегда опасен: победив в стрельбе из лука всех соперников, Геракл заодно вырезал и семью Эврита. Он забыл об одной малости: Деянира все еще была рядом, и она не желала делить ложе с Иолой. Она вспомнила совет кентавра и послала Гераклу тот самый хитон. Наброшенный Гераклом, он прирос к его коже. Весьма неприятное ощущение, если великий герой, не выдержав мук, сам бросился в огонь. «Сам бросился в огонь...»

Я невольно повел плечом.

В человеке самой природой поставлены столь мощные ограничители, что их не так-то легко сорвать: броситься в огонь, в водопад, шагнуть в Воронку...

Но шагали в Воронку или падали случайно?

Тень упала на столики, и я поднял голову.

Женщину я узнал: это она стояла у прозрачного борта вертолета над Воронкой, и балахон был на ней тот же. А вот мужчина меня поразил.

Плечистый, медлительный, в расстегнутой бесформенной куртке, в шортах и в обязательных сандалиях, он еще чуть сутулился, наклоня вперед голую шишковатую голову, поросшую снизу чудовищно густой бордой. Не понять, чего в нем было больше: волос или голого черепа.

Я снова взглянул на женщину.

Удручающе красива. Но бледна. Глаза темные, пронзительные. Она и на вертолете смотрела на меня странно. Балахон висит до самого пола, очень тонок, но не прозрачен. Зачем ей перчатки? Ей холодно.

Я встал:

— Отто Аллофс. Инспектор.

— Зоран Вулич. Художник,— лысый бородач медлительно наклонил голую шишковатую голову.— Мою подругу зовут Бетт Юрген.

— Я догадался.

— Как вы могли догадаться?— вспыхнула Бетт.

— По голосу.

— Но я не сказала ни слова,— она перевела. беспомощный взгляд на Вулича.

Я пожал плечами.

— Почему вы вычеркнули меня из списка? — Похоже, Бетт не умела кривить душой. — Мне было нужно встретиться с вами.

— У меня нет на всех времени, — холодно напомнил я. — Я занят достаточно узкой проблемой. В принципе, мне хватает консультаций Лина.

Лицо Бетт Юрген перекосило от ненависти:

— «Узкой проблемой...» Еще бы!... Лин всегда дальновиден, как крыса!

В этот момент я не завидовал Лину: Бетт Юрген всего было отпущено сверх меры — и красоты, и ненависти, и обаяния, и издевки. Даже этот пепельный балахон ничуть ее не портит. Но перчатки...

— Вам холодно? — спросил я.

— Нет, — резко ответила Бетт и спрятала руки за спину. С непонятной мне ненавистью она всматривалась в меня, оценивала каждый мой жест. Потом чуть ли не через силу выдохнула: — Почему вы?

— Не понимаю.

— Почему вы? — выдохнула она с тоской и отчаянием. — Воронка существует много веков. Она существовала до вас, до меня, до этой крысы Лина. Она существовала до того, как Нестор Рей высадился на Несс. Потом Лин сказал: «Воронки больше не будет». Потом прилетели вы. Почему вы? — не понимала она. — Я слышала о вашем Управлении, но какое ему дело до Несс?

— Колонию Несс основали бывшие земляне, — напомнил я. — Неплохое место, но, согласитесь, у вас есть сложности. Наш долг помочь вам.

— Зоран, — беспомощно протянула Бетт, — почему они все такие?

Впрочем, голос ее тут же вновь наполнился пнево:

— Зоран, почему они всегда готовы лететь туда, где обнаруживается хотя бы намек на чудо? Зоран, почему они считают весь мир своим? Они же поденки. Они живут так мало, что не успевают осмыслить собственную жизнь. Почему же они считают весь мир своим?

— У нас есть некоторое право на это, — сухо возразил я, понимая, что Вулич, привычный к ее эскападам, вмешиваться не будет.

— Право? — Она задохнулась от возмущения. — Вы таскаетесь из одного края галактики в другой в своих тесных смердящих ящиках, и все, к чему вы прикасаетесь, приобретает вкус обыденности и скуки.

Вулич успокаивающе положил свою смуглую ладонь на тонкую руку Бетт, обтянутую перчаткой.

— Земля далеко, — вздохнул я. — Жаль, что наши корабли кажутся вам тесными и смердящими ящиками. Других у нас пока нет. Но когда-нибудь мы непременно поставим себе на службу что-нибудь более эстетичное.

— Но зачем? — спросила она все с тем же отчаянием. — Зачем вам все это?

— Одним потому, что они долго учились, другим потому, что они с детства мечтали увидеть иной мир, третьим потому, что они желают приумножить богатства Земли. Мало ли причин? — Я говорил только для того, чтобы успокоить Бетт. — Разве вам не хочется того же? Давно вы были на Земле?

— На Земле? — Бетт посмотрела на меня с недоумением. — Я никогда не была на Земле.

— Как? Совсем?

— Разумеется. Я родилась на Несс, — впервые за всю беседу Бетт улыбнулась. — Это моя планета. Мне здесь нравится. Что мне делать на вашей Земле?

— Но вы же не хотите, чтобы Несс затерялась где-то на забытой богом обочине?

— «На обочине!» — Она усмехнулась. — Обочины тоже бывают разные. Есть такие, куда никому и не

надо лезть, — она быстро обернулась и обвела глазами пустой зал, ждала кого-то или боялась. — Мне нужно поговорить с вами, Аллофс.

— Завтра, — сказал я. — Вечером после одиннадцати. Я буду свободен. Меня легко найти.

— Завтра? — Бетт непонимающе уставилась на меня, потом глаза ее помрачнели. — Ну да, у вас расписан каждый час. Ваше расписание известно каждому колонисту... Пусть завтра, — решила она и повторила с мрачной решимостью: — Завтра...

И пошла к выходу, удивительно прямая и легкая рядом с тяжелой сутулящейся фигурой Вулича.

12

— Вы наделены некой фундаментальностью, это хорошо, Отти, — одобрительно сказал Лин.

Он улыбнулся. Он был доволен.

Он сделал все, чтобы я был под завязку набит цифрами, схемами, графиками, расчетами.

— Я уверен, из вас выйдет настоящий инспектор, Отти. Инспектор самого высокого класса.

— Выйдет? — удивился я. — Я еще не настоящий?

— Почти, почти настоящий! Верьте мне, я хорошо чувствую подобные вещи! — Лин льстил грубовато, но верно. — Времени у тебя немного, но ты справишься. «Церера» подойдет через неделю, отчет я пошлю с тобой. Вот увидишь, года через два мы пригласим тебя на открытие космопорта.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Послезавтра я отправлю вас на Южный архипелаг. Нельзя уносить в памяти только Воронку... — Он устало откинулся на высокую спинку кресла. — Я прилечу чуть позже... Признаюсь, я люблю наши острова... — Он вдруг удивленно приподнял брови: — Почему вы ни разу не прогулялись по Деянире, Отти?

— У меня не было на это времени.

— Пожалуй, да, — он рассмеялся. — Но сегодня у тебя время есть. Я отпускаю тебя до десяти часов, занимайся, чем хочешь.

Жаль, он не сообщил этого раньше. Я мог бы назначить встречу с Бетт на сегодня... Но вслух я спросил:

— Где здесь музей?

— Правильно, Отти, — одобрил Лин мое решение. — Шагай прямо по аллее, мимо не пройдешь.

— Послушайте, Лин, а почему Оргелл выслан на Землю под присмотром полицейского?

— С чего вы взяли, что под присмотром? — Лин был здорово удивлен. — Они свидетели одного события, только этим и объясняется такая компания.

— Вот как?

— Оргелл дважды пытался пройти к Воронке. Мы не одобряем самоубийц. — Глаза Лина вспыхнули. — Закрывая Воронку, мы возвращаем Оргеллу родину. Родившиеся на Несс тяжело переживают разлуку с планетой. Даст бог, скоро мы всем гарантируем безопасность.

«Скоро мы всем гарантируем безопасность...»

Неплохо сказано.

Но я помнил и другие слова: «На Несс есть люди, не разделяющие взглядов Совета...» Что так рвется сообщить мне Бетт?

«На Несс есть люди, не разделяющие взглядов Совета...»

Неторопливо бредя под голыми каламитами, почти не дающими тени, я недоумевал: кто эти люди? Оргелл? Бетт? Вулич? Чего они хотят?

Ветер раскачивал ветви каламитов, они деревянно постукивали друг о друга. Лин был прав: я буквально уперся в мощную колоннаду высокого здания.

Прихрамывающий старик, морщинистый, благодушный, выступил мне навстречу:

— Я уж подумал, вы пройдете мимо.

— Так бывает?

— Не лучшее время для искусства,— вздохнул старик, враз теряя все свое благодушие.— Люди на островах, Деянира почти пуста. Скоро мы вообще начнем вымирать,— он неожиданно улыбнулся.— Если Земля не поможет нам.

— Вы меня знаете?

— Конечно. Я ведь смотрю канал С.

Он опять благодушно махнул рукой:

— Входите. Здесь есть на что поглядеть.

Как там говорил Рикард? «Я люблю простые вещи — четкий рельеф, внятный голос...»

Кивком я отпустил служителя.

Анфилада просторных, умело освещенных комнат. Именно комнат, не залов, я чувствовал себя почти как дома.

Я шел мимо суровых пейзажей с каламитами и без, мимо мирно фосфоресцирующих марин, освещенных двумя, а то и тремя лунами; за стеклом стеллажей таинственно поблескивали незнакомые минералы, загадочные изделия из горного стекла.

Я остановился у темного аквариума. Наверное, в нем никто не живет...

И вздрогнул.

Из темной воды надвигалась, наваливалась на меня круглая тень, напоминающая расплющенное человеческое лицо. Нас разделяли какие-то сантиметры. Я поежился: на блюде рыба-сон выглядела гораздо привлекательнее.

В одной из комнат я нашел обломок стабилизатора космолета «Зонд-V». Кажется, это на нем летал легендарный Нестор Рей, впрочем, я мог что-нибудь перепутать. Думаю, «ящики» в его время были гораздо более тесными и смердящими, чем могла представить себе Бетт Юрген, но Нестор Рей и его спутники добрались на них до звезды Толиман...

В портретной галерее я неожиданно наткнулся на портрет Уиллера.

Гладкая прическа, недовольное желчное лицо, характер у Уиллера, судя по всему, был несладкий. Неприятные, колючие глаза... Я даже засомневался, тот ли это Уиллер? Поддается ли такой человек какому-то там Голосу? Но нет, подпись подтверждала: специалист по приливным течениям Уиллер. Без всяких инициалов, возможно, тогда так было принято. Он прославился хитрой сеткой, позволяющей с большой точностью высчитывать высоту приливов.

Я покачал головой. Уиллера давно нет. Тень тени. И умер он не на Несс, на Земле. Музеи не знают времени.

Один из просторных залов, на этот раз залов, был целиком посвящен моделям Воронки.

Грубо говоря, это был, наверное, самый большой в мире музей вечных двигателей. Теоретически, конечно, вечных. Ни одна из моделей подолгу не работала. Я не стал терять на них время. Если механизм анграва за три века не берут специалисты, мне тут нечего делать.

Но стена меня заинтересовала.

На темном фоне вырисовывалось большое четырехугольное пятно, часть его занимала таблица со сложными расчетами. Но раньше здесь висело что-то другое. Может, картина больших размеров.

Оргелл не раз рисовал Воронку... Как сказал Рикард: «По-моему, он только этим и занимался...» Ему разрешили писать с натуры? Или он писал по памяти? И откуда он выкопал этот необычный псевдоним? Уве Хорст. Редкое совпадение...

Я шел мимо пестрых карт, картин, таблиц, мимо буровых колонок. Иногда взгляд вырывал из этого месива какое-то имя или строку из текста. Я видел снежную бурю на перевале Хадж, где каждая фигура была выписана в натуральную величину, видел апокалипсическую картину прибоя в сезон веерных ливней, наконец, Черное течение. Раз в несколько лет теплые воды Лингворта прорываются к холодным каменным

островам Арктос. На протяжении многих миль в океане гибнет планктон, рыба, вода становится мутной. Концентрация образующегося сероводорода такова, что днища судов, курсирующих вдоль цепи островов Арктос, чернеют... В том же зале я увидел и покорившую меня марину кисти некоего Парка: невероятные пирамиды белых кучевых облаков над низким закатным морем. Ничего, кроме облаков и моря. Первозданность. Еще одно подтверждение: планета морская.

Оргелл в музее никак не был представлен.

— У вас есть другие работы? — спросил я служителя, терпеливо поджидавшего меня на выходе.

— Конечно. Будь возможность, я организовал бы второй такой музей, и он оказался бы ничуть не скучнее. Нам катастрофически не хватает средств и рабочих рук.

Я пропустил его жалобу мимо ушей:

— Что самое интересное в запасниках?

— О, там много интересного. Скажем, Парк. Великий пейзажист. Часть его работ выставлена в галереях Земли... Интересны Стойческу и Илитор...

— А Оргелл?

— А-а-а, Оргелл... — Служитель выразительно развел руками. — Кому как... Если вы его поклонник, вам повезло — его работы отправлены на Землю...

— Но что-то же у вас осталось?

— Практически нет.

— Что значит практически?

Служитель замаялся:

— Наброски, этюды, ранние работы... Правда, ранние работы Оргелл — это совсем другой мир, робкий, наивный. Он и подписывался тогда иначе. Уве Хорст... Работы Хорста вовсе не работы Оргелла...

— Неужели на Несс не осталось зрелых работ художника?

— Ну, почему? Остались, наверное... — Служитель смотрел на меня растерянно, он даже отступил на шаг. — Обратитесь в Совет, они знают. Кстати, почему бы вам не поговорить с Лином?

— Действительно, — хмыкнул я.

Уходя, я был уверен: благодушный служитель непременно сообщит Лину о моем визите в музей.

13

Я ждал Бетт весь вечер.

Я просмотрел груды документов, я с головой ушел в мир цифр и схем. Со всех точек зрения проект Большой Базы выглядел безукоризненно. В нем даже было величие: заложить в фундамент Воронку!..

Что сообщит мне Бетт?

Почему сам я не слышу больше Голос? Оказался неинтересным собеседником? Бессознательно подавлял в себе эхо внутренних волнений?

Возможно.

Я ждал.

К полуночи обещали связь с Землей. Я жаждал увидеть дела Оргелла и Уиллера. При этом, странно, я жалел Бетт.

Неистовство лишь выдавало ее отчаянье. Человек, как правило, сам вызывает на себя напасти: сегодня ты не помог кому-то, завтра получаешь заслуженное; но с Бетт, я чувствовал, происходит что-то другое.

Несколько раз, выключив свет, я подходил к окну. Вдали еще слабо просматривались черные контуры хребта Ю.

Ни одного прожектора.

Ночь.

Что гонит этих несчастных к Воронке? Они ведь знают, что это смертельно опасно. Их может подстрелить в темноте неопытный полицейский, можно сломать ногу, свалиться с Губы... Неужели они не видели снимки трупов, найденных в районе Воронки?

Я видел. У Лина. Снимки впечатляли.

Что слышат эти несчастные? Что вообще надо

услышать такое, чтобы, бросив все, двинуться навстречу своей гибели?

Хитон кентавра Несса...

Эта Воронка как хитон, брошенный на планету. Познавший муки Голоса бросается не в огонь — в Воронку.

Лин прав: будущий космопорт — это не только выход в далекий Космос, не только связь с другими мирами, тесная, необходимая связь, это еще и надежная защита от неизвестного. Попробуй пробейся в Воронку, если она отгорожена от тебя трехсотметровой каменной подушкой и мощным стиалитовым коллаком!

Почему за Бетт следили? Что Бетт хочет мне сообщить?!

Я терпеливо ждал.

Время шло, хребет Ю растворился во тьме. Я стоял у окна и думал: никогда нельзя откладывать встречи. Особенно не назначенные... Мне следовало поговорить с Бетт сразу. Я не должен был вычеркивать ее из списка.

Поздние сожаления...

На городской площади пробили часы. Полночь. Ложиться? Какой смысл? В любой момент мог заработать информ... Стоять у окна?

Я включил канал С и замер.

Бетт не пришла, но я все же ее увидел.

Бетт Юрген шла по аллее под голыми, почти не дающими тени каламитами. На ней было короткое откровенное платье. Она обезоруживающе улыбалась. Никакого надрыва, никаких пепельных балахонов. Нормальная красивая женщина. Очень красивая женщина. Она кому-то помахала рукой.

Наверное, давняя съемка. Год? Два?

Я удивился, увидев рабочие титры. Такой живой, уверенной, полной сил Бетт выглядела всего три месяца назад.

Неужели три месяца могут так изменить человека?

Вспомни Бента С., сказал я себе. Его изменили часы.

Не надо о Европе...

Над застывшим изображением Бетт вспыхнула, пульсируя, литера Т — знак опасности и внимания.

Бетт Юрген, бывший синоптик с Южного архипелага, пододревалась в том, что двое суток назад пыталась тайно пройти к Воронке. Сообщение было сделано спокойно, без какого-либо нажима. Бетт ни в чем не упрекали. Посты заграждения помешали ей, Бетт ушла. Теперь Бетт срочно просили обратиться в Совет, в полицию, в любое из общественных Управлений.

Это всегда так? Для жителей Несс такое вовсе не сенсация?

Теперь было ясно, почему Бетт ходила в бесформенном пепельном балахоне, натягивала на руки перчатки. Наверное, прятала синяки, полученные под Воронкой. В ту ночь, вспомнил я, прожектора вдали были так красивы... Для меня... А для Бетт та ночь была наполнена ужасом...

Что сделают с Бетт Юрген, когда она появится в Совете или в полиции?

Ах, да, их высылают... «Тех, кто остался живым...»

Как ни странно, эта мысль чуть ли не обрадовала меня. Бетт могут выслать только на «Церере», а это мой рейс!

Я не успел понять причину такой странной радости, — включился рабочий инфор.

Я нехотя взглянул на экран.

14

Я увидел сад.

Самый настоящий яблоневый сад. Он был весь в цвету, в розовой и белой пене.

По саду, легко ступая по плоским камням, заме-

няющим дорожку, лукаво помаргивая бледными ресничками, даже подхихкивая на ходу, шел крепкий легонький старичок. Не знаю, сколько ему было лет, но держался он хорошо и щечки у него были на диво румяные. Двое мужчин, следовавшие за ним, явно представляли какую-то организацию. С близкими людьми старичок держался бы иначе.

Ничего желчного, взгляд лукав, не колюч — пребывание на Земле пошло Уиллеру на пользу.

Уиллер? Он жив?

Я остолбенело следил за происходящим на экране. Да нет, не может быть. Скорее всего, запись сделана много лет назад...

Я взглянул на титры. Да, давняя запись... При всем при том, в день съемки старичку Уиллеру стукнуло сто шестьдесят три года! Не малый возраст, а он прыгал себе по камешкам, подхихкивая над спутниками, щечки его пылали, как фонари.

Возможно ли это?

Я быстро расшифровал официальный комментарий. Сидней Уиллер. Специалист по приливным течениям. Автор «Сеток Уиллера» (сто девять выпусков). Постоянное место жительства: Земля, планета Несс, снова Земля.

Тот ли это Уиллер?

Тот, тот. Ошибки быть не может. Данные о рождении каждого человека вносятся в Общий Компьютер. Ты можешь жить, где угодно, работать под любыми именами, в нужный момент тебя легко идентифицируют. Никаких проблем.

Передо мной гулял по яблоневому саду Уиллер. Имя Сидней почему-то не шло к нему. В момент съемки ему действительно стукнуло сто шестьдесят три года, но, судя по комментарию, Уиллер и сегодня мог быть жив. Дата его смерти в комментарии отсутствовала.

Он что, бессмертный?

Я включил звук.

Вопрос: Беспокоит вас Голос? Здесь, на Земле?

Уиллер (лукаво, но и с насмешкой): Вы что! Знать о нем больше не знаю! И не хочу! (Со старческой значительностью): Никогда не слушайте чужих голосов.

Вопрос: Это был чужой Голос?

Уиллер (задиристо): А вы меня не сбивайте. Мне надоело. Он меня прямо преследовал.

Вопрос: Голос?

Уиллер: Ну да. О том и речь. Смотришь в окно, видишь дерево, а в голове: это что? Да дерево, скажешь себе. О чем тут спрашивать? Живешь, как придурак. Что это? Зачем это? Почему это? Я не энциклопедия! (Грозит пальцем): Я сразу понял, что-то со мной не то. Я весь пожелтел из-за этого Голоса. Я так и решил: пойду к Воронке.

Вопрос: Вы дошли до нее?

Уиллер: А что не дойти? Я был крепкий. Я и сейчас крепкий.

Вопрос: Что вы делали на Губе?

Уиллер (моргает белесыми ресничками, кажется, хитрит): А вы ничего такого не слышали?.. Тут по-разному говорят... Я на Земле хорошо подлечился.

Вопрос: Вы шли к Воронке с желанием самому задать какие-то вопросы?

Уиллер (со старческой убежденностью): Уж я бы ее переговорил! Я бы заставил ее попрыгать! Я бы ее не слушал. Я бы сам тыкал пальцем: а это что? а это зачем? почему камень?.. Она бы у меня сбежала с Несс!

Вопрос: Вы считаете, Воронка может менять положение?

Уиллер (недовольно): Ну что я, чокнулся? Может, она просто как передатчик? Вот бубнит и бубнит на нашей волне.

Вопрос: О чем вас спрашивал Голос? Это были сложные вопросы?

Уиллер (беспокойно): Кому как... Мне, может, сложней и не надо... Бубнит и бубнит...
Конец записи.

Даже внимательно прослушав комментарий, я не понял, побывал ли Уиллер в самой Воронке? Вертолетчики зафиксировали падение человека в Воронку, расшифровка компьютера подтвердила это. Но каким образом Уиллер мог выбраться из Воронки? Там отвесные трехсотметровые стены, а внизу глыбы базальтов перетирает в пыль. Почему Уиллер ничего не помнит из того, что могло происходить с ним в те часы? Он прекрасно помнит, как решил пойти к Воронке, он помнит, что взобрался на Губу... Потом возвращение в Деяниру: «Тоже вот так, как сейчас, по камням прыгал...» Он возмущаясь высылкой на Землю: «Что я такого совершил? Подумаешь, память отшибло...» Но и хихикал лукаво: «Лучше уж на Землю. Тут мне ничто не мешает».

«Как вы себя сейчас чувствуете?»

«Отлично. Вот врачи надоели. Я от них бегая. Заберусь в горы и живу там тихо год, другой. Пока там тебя отыщут...»

«А те вопросы, которые вам задавал Голос... Какой из вопросов понравился вам меньше всего?»

Уиллер как-то даже гнусовато хихикнул, его мышиные глазки живо зажглись. Помните басню про человека, который все искал правду? Этому человеку казалось: правда — она где-то рядом. Вот отойди за угол или заверни в переулочек, обязательно на нее наткнешься. Придурок, хихикнул Уиллер. Так вот и бродил по переулочкам, забираясь все дальше и дальше, в совсем уж плохие места, знаете, есть такие. Вот там его и встретили однажды. Трое. Вышли навстречу, закатали рукава: это ты тут правду искал?

Вопрос: Как понимать вашу притчу?

Уиллер (лукаво): Вот я и спрашиваю, как понимать ваши вопросы?

Он оказался должником, этот Уиллер.

Жизнь на Земле? Предпочитает жить подальше от центров. Любит горы, одиночество. Увлёкся садоводством. Память, связанная со случившимся на Несс, выборочна. Будто специально вырезан кусок...

Год смерти?

Год смерти Уиллера не был указан. Если инспектор Аллофс настаивает, запрос будет передан на Землю.

Я настаивал.

В конце концов, Совет не разорится. Я видел перед собой человека, судя по свидетельству очевидцев, побывавшего в Воронке и вернувшегося из нее. Это было невозможно, и я хотел знать, откуда пошла путаница. Еще я хотел знать, где, когда и при каких обстоятельствах окончательно оборвался жизненный путь старого лукавого специалиста по приливным течениям, оставившего на Несс неплюхую память о себе.

Запрос приняли.

Я вздохнул и включил вторую запись.

15

Художник Оргелл оказался человеком весьма заметным.

Во-первых, рост. Полицейский Берт Д., стоя рядом, казался ниже на голову. Во-вторых, Оргелл знал себе цену и держался соответственно. Наконец, он несколько не походил на человека, которого можно выставить с планеты. Однако он был выставлен с нее и на Землю летел в сопровождении полицейского.

Они прошли перед камерой: Оргелл снисходительно, полицейский Берт Д. со смущенной улыбкой, потом сели в плетеные кресла, вынесенные для них на террасу какой-то живописной усадьбы.

Вопрос: Оргелл, чем вы занимались на Несс?

Оргелл: Писал Воронку.

Вопрос: Именно так? Именно Воронку? Считаете, такая специализация возможна?

Оргелл (снисходительно): Да.

Вопрос: Вас не манили другие темы? Пейзаж, натурморт, ню. Мало ли что стоит перед глазами художника?

Оргелл: Когда-то я занимался этим. Давно и не очень удачно. С некоторых пор я перестал писать то, что маячит перед глазами.

Вопрос: Как вас понять?

Оргелл: Очень просто. Я пишу будущее. Пытаюсь передать ощущение от того, что нас может ожидать в будущем.

Наконец я увидел несколько работ Оргелла.

На первый взгляд, все они были похожи. Может быть, потому, что их объединял один мотив — хребет Ю. Чудовищная громада, еще более впечатляющая, чем наяву.

И свет. Странный рассеянный свет, некое эфирное сияние, пронизывающее толщу хребта...

Вопрос: Разве это Воронка?

Оргелл (снисходительно): В некотором смысле. Писать Воронку так, как мы пишем дерево или небо, ни к чему. Да у нас и не очень-то доберешься до Воронки, правда, Берти?

Полицейский удрученно кивнул. Наверняка он помнил больше, чем Оргелл. Это его и удручало.

Оргелл: Если говорить всерьез, натура никогда меня не интересовала. Если я даю очертания хребта Ю, это, скорее, привычка. Я мог бы обойтись и без очертаний. Фон может быть любым. В конце концов, хребет Ю выглядит таким только для нас и сегодня. Меня интересует его вид во времени. Понимаете? Живущий. Изменяющийся. Для меня вообще важнее всего ощущение изменяющегося мира. Возможно оного мира, если такое утверждение имеет смысл.

Вопрос: Пожалуйста, разъясните подробнее.

Оргелл (чуть раздраженно): Любая вещь, даже самая бездарная, оставляет в человеке определенное ощущение. Как правило, ощущение прошлого. Вот вы смотрите на портрет женщины. На портрете женщина прекрасна. В то же время она стоит рядом с вами. Ей гораздо больше лет, чем на портрете, ее красота увяла. Вы любуетесь не самой женщиной, а ее портретом, то есть вы любуетесь уже ушедшим. Но в то же время вы можете проводить взглядом другую женщину — юную, цветущую. Это ощущение настоящего, текущего сейчас... И лишь совершенно особое сознание, не обязательно художник, может уловить ощущение будущего, того, что еще не случилось. Скажем, написать женщину, которую ты еще не встретил, мир, который еще не случился...

Вопрос: Это возможно?

Оргелл: Почему же нет? Течение времени прихотливо. В душевной пустой оранжерее можно уловить аромат будущего цветка. Не случившееся всегда рядом с нами. Если ты его предугадываешь, почему же его не написать?

«Спасибо, Оргелл».

Я вздохнул: не очень богато. Как и Уиллер, Оргелл помнил все, что с ним происходило на Губе, и все, что с ним происходило позже. Но и все. Никаких деталей, касающихся Воронки.

Больше, чем Оргелл, меня заинтересовал полицейский.

Интересно, почему он в мундире? Они специально уговорили его появиться в таком виде перед камерой? Впрочем, неважно.

В отличие от Оргелла, Берт Д. помнил все, что ему пришлось увидеть и услышать. Он дежурил во внутренней полосе оцепления и сам непосредственно участвовал в операции. Жаль, беседовали с Бертом Д. наедине. Было бы любопытно увидеть реакцию Оргелла.

Вопрос: Вы видели все сами?

Берт Д.: Конечно, сам. Я все видел сам. Говорил он глуховато, но точно. У него был цепкий взгляд. Я будто сам увидел сумерки над Воронкой, размеренно перетирающей все, что в нее попадало. Слабое сияние чуть высвечивало поверхность Губы. Время от времени луч прожектора заставлял вспыхивать клубы пыли, праздничные отсветы ложились на отполированную поверхность Губы.

Первым ползущего между камней человека заметил именно он, Берт Д. Человек был крупный, прятаться ему было непросто, иногда открытое пространство он преодолевал прыжком или короткой перебежкой.

Дав сигнал напарникам, Берт Д. легко нагнал прячущегося человека. Они сцепились. Втроем полицейские справились все же с Оргеллом и доставили его на таможенку, так они в шутку называли свой пост, расположенный метрах в трехстах от Губы.

Я художник, заявил Оргелл в таможенку. Я пишу будущее, вы не вправе мне препятствовать.

Манера Оргелла выражать свои мысли не понравилась полицейским. У вас есть разрешение на посещение Воронки в ночное время? Ах, нет... Ну, тогда какие споры... Ваш долг внимательно вглядываться в то, что может пугать или отталкивать людей? Удивительно, долг полицейских заключается примерно в том же, только они выполняют его не тайком, а открыто. Что, кстати, собирались вы делать на Губе? У вас есть с собой карандаши, краски? Ах, вы не нуждаетесь в этом, вы рисуете по памяти, вам важно просто увидеть объект.. Отлично. Только зачем вы идете к Воронке ночью и без разрешения? Вы не нуждаетесь в разрешении? Извините, но это ошибка. И не надо говорить, что в полиции служат одни ослы. Мы приличные люди. Мы защищаем таких, как вы, от вас же самих.

На этом допрос (предварительный, разумеется) был закончен. Утром в Деяниру отправлялся колесный патруль, до утра Оргелла оставили в служебной пристройке, и он сразу завалился спать. Беготня по каменным россыпям дело нелегкое, объяснил Берт Д. А хватились Оргелла лишь под утро. Койка оказалась пустой, окно высажено. К чести полицейских, они практически не потеряли ни минуты. Берт Д. и два его напарника тут же вышли к Губе, в воздух были подняты дежурные вертолеты.

Полицейские увидели Оргелла уже на Губе. Он бежал по ее выпуклой отшлифованной, как зеркало, поверхности, скользя, оступаясь, но все же сохраняя равновесие. На оклики он не отвечал. Он просто бежал, будто намереваясь обогнуть Воронку по кругу. Было уже светло, очень душно. Полицейские видели каждое движение сумасшедшего художника. Еще лучше видели его сверху вертолетчики. Они засняли каждый его шаг и, разумеется, падение в Воронку. В отличие от истории с Уиллером, здесь запись оказалась качественной.

Вопрос: Вы все это видели сами?

Берт Д.: Да.

Вопрос: Поднявшись на Губу, установив, что Оргелла на ней действительно нет, вы вернулись в таможенку?

Берт Д.: Нет. По рации нам приказали покинуть Губу и занять под ней удобные наблюдательные позиции. Нам приказали внимательно следить за происходящим. Обычно ничего там не происходит, все остается таким же, каким и было, но приказ есть приказ. Я залег на плоском высоком камне метрах в сорока от Губы и видел всю ее поверхность и гладкий край, обрывающийся в Воронку. Очень хорошо видел. (Смущенно): У меня хорошее зрение.

Вопрос: Вы чего-то ждали?

Берт Д. (пожимает плечами): Нет, ничего не ждал. Я же знал, что этот сумасшедший ухнул в Воронку. Просто в таких случаях чувствуешь себя как-то неуютно.

Вопрос: Вы все трое находились рядом?

Берт Д.: Нет. Мы заняли три разных точки, примерно метрах в двадцати друг от друга.

Вопрос: Вы родились и выросли на Несс и, конечно, знаете о существовании Голоса. Как, по-вашему, этот Голос ведет людей к Воронке?

Берт Д.: Не мое это дело — думать о Голосе.

Вопрос: Разве полицейские не подвержены влиянию Голоса?

Берт Д.: Риск есть риск. Полицейские тоже люди. Мы проходим специальное тестирование. Если что-то тебя беспокоит, в наряд ты не попадешь. А то и вообще загремишь из полиции. Куда-нибудь на Южный архипелаг.

Вопрос: На островах Голос себя не проявляет?

Берт Д.: Всякое говорят. (Неуверенно): Я ничего такого точно не знаю... Обычно полицейских подбирают из крепких ребят.

Вопрос: Крепких физически?

Берт Д.: Ну да... И это... Психологически тоже...

Вопрос: Что произошло на Губе в восемь часов шестнадцать минут? Я правильно указываю время?

Берт Д.: Правильно. Я сам его отмечал. Я лежал на камне, они там теплые, и смотрел на Губу. Без всякой цели. Просто она блестит, а все блестящее привлекает внимание. Она даже серебрится, если на нее падает свет. Будь там трещины, я бы видел каждую. Я задумался... Знаете, когда устаешь, тянет в задумчивость... Вот вся Губа передо мной. Я еще подумал, какой у нее круглый край, там и зацепиться не за что... А потом что-то мелькнуло. Там, на Губе... Но не камень. Их иногда подбрасывают над Воронкой, но это сразу видно... Тут было что-то не то... Вроде как рука высунулась... Будто кто-то карабкался из Воронки. Но там же не за что ухватиться, все округлено и сглажено. Да и не может никто лезть из Воронки. Прошло несколько часов, как этот Оргелл ухнул вниз. Как в котел. Вертолетчики это точно видели, и мы видели. Оргелл никак не мог оттуда появиться, это исключено, но я увидел руку. А потом голову и голое плечо. А потом всего человека. Я даже подумал, мне чудится или я ненароком спятил, но мои напарники слева и справа закричали. Я еще подумал: лишь бы они не начали стрелять. В такой ситуации всякое может случиться.

Вопрос: Вам уже приходилось попадать в такую ситуацию?

Берт Д.: В такую? Что вы!.. Я испугался за напарников. Всегда ведь не за себя боишься. А этот Оргелл, я его узнал, я ведь присутствовал при первом допросе, посидел минуту на корточках и встав во весь рост. Вы видели, он здоровый парень. Он был совершенно голый и, кажется, в синяках. (Вздыхнул): Еще бы не в синяках... И он осматривался, будто забыл, куда ему надо двигаться. Сделал шаг, другой, а потом направился прямо ко мне. Не знаю, видел ли он меня, но направился он прямо ко мне. Я даже махнул ему и крикнул: «Оргелл, остановись!»

Вопрос: Вы хотели лучше рассмотреть его?

Берт Д.: Зачем? Я и так узнал его. Мне не понравилось, как он попер на меня. Слишком уж уверенно. А крикнул я, пожалуй, зря: Оргелл и не подумал остановиться, зато ребята справа и слева решили, что он на меня нападает. Первым выстрелил Стурк, потом Лакоши. Я впервые видел такое вблизи. Крупнокалиберная пуля разорвала Оргеллу плечо, еще две попали в центр живота. Ему просто разворотило весь живот. А удары оказались такими сильными, что Оргелл упал. Я думал, его опрокинет навзничь, но он упал лицом вниз. Я очень ясно видел его голые ноги и кровь там, где вышли пули, пробив его. Ужасно много крови. Когда ребята подбежали ко мне, я не стал пенять им. На таком, гляди, и сам сорвешься. Я сказал: «Спуститесь вниз и вызовите дежурного офицера. Я останусь при убитом».

Вопрос: Оргелл был убит?

Берт Д.: Обе раны в живот были смертельны. Я это знаю. Я даже не стал подходить к Оргеллу. Присел на корточки и даже не смотрел в его сторону. Мне было непонятно, как он мог вылезти из Воронки, там стены голые и отвесные. И если мы его сейчас убили, как он выжил, упав в Воронку? В общем, я ничего не понимал. Ну ладно, голый, но почему не откликнулся на мой голос? Я же четко ему сказал: «Оргелл, остановись!» В общем, я так и сидел на корточках, пока не вернулись мои напарники. С ними пришел дежурный офицер, зануда, мы всегда его не любили. Он остановился около меня, глянул, что мы там натворили, и сказал: «Плохо стреляете». Понятно, я воспринял это как упрек: не надо было убивать Оргелла. Ну да, мы были растеряны, нам было не по себе, ребята неправильно истолковали его действия, но убивать Оргелла не следовало. Правда, оказалось, дежурный офицер имел в виду нечто другое. Он ткнул пальцем в сторону убитого, и мы увидели, что труп... шевелится. Сперва этот дважды убитый приподнял голову, потом подтянул ноги, медленно встал. Его покачивало от слабости, он с трудом стоял, но на его голом животе мы не увидели ни одной царапины. Даже синяки и те куда-то подевались. А вот под ногами Оргелла было много крови. Он наступил в эту лужицу, и, когда пошел к нам, на плоских камнях, на которые он наступил, остались черные отпечатки. Мы никогда не любили дежурного офицера, вечно он придирался, но тут, надо сказать, он повел себя просто здорово. Мы готовы были схватиться за пистолеты, когда он сделал нам знак. «Оргелл! — крикнул он воскресшему трупу. — Почему вы разгуливаете тут голый?»

Вопрос: Оргелл ответил?

Берт Д.: Не сразу. Похоже, смысл вопроса не сразу дошел до него. Он даже переспросил непонимающе: «Голый?» И только потом раздраженно сказал: «Ну так дайте мне какую-нибудь одежду». Так мы и привели его в таможду.

16

«Спросите его, инспектор, почему выслан на Землю художник Оргелл? Да еще в сопровождении полицейского... Если ответ вас удивит, не поленитесь найти меня...»

Ответ меня удивил.

Шел второй час ночи, две луны то пробивались сквозь плотный облачный слой, то терялись в нем, и душная ночь вся была заполнена тьмой и таинственными сполохами. Невероятной тьмой и столь же невероятными сполохами. Я задернул портьеру и легонько нажал личный вызов Лина.

Удивительно, Лин не спал.

Он сидел за рабочим столом, разбирая груды странных длинных листочков. Оторвавшись от своего занятия, он рассеянно улыбнулся.

— Вы не спите?

— Кажется, нет,— Лин медленно всплывал из пучины раздумий.— Хотя и пора...

— Лин... Она еще не вернулась?

— Вы о Бетт, Отти?

— Да. О ней. Она появилась в Управление или в Совет?

— Нет, Отти. Бетт пока не с нами.

— Где она может быть?

— Скорее всего, на Южном архипелаге. Она прекрасно знает все острова. Уверен, завтра или послезавтра мы поговорим с нею. Может, даже на островах.

— За ней следили. Теперь вы не будете этого отрицать, Лин. Там, на прогулочном вертолете... Вы что, уже тогда в чем-то ее подозревали?

— Это вопрос к специальным службам, Отти. Что-то она потеряла под Губой, когда убегала от полицейских. Может, платок, может, сандалию. Не знаю.

Но что-то потеряла... Мы очень осторожны, Отти, когда речь идет о Воронке, но полиция, разумеется, всегда принимает меры.

— Лин, хотите посмотреть дела Уиллера и Оргелла?

Он улыбнулся:

— Я видел записи, о которых вы говорите.

— Лин, зачем они пошли к Воронке? Почему они к ней шли?

Я хотел, чтобы Лин понял: я имею в виду и Бетт.

— Они не умеют это объяснить, Отти.— Лин наклонил голову, щуря и без того узкие глаза.

— Почему вы не ознакомили меня с этими материалами сразу?

Он улыбнулся, скорее печально:

— Тогда вы еще не были к этому готовы, Отти. Вы могли подумать, принять это за некоторое давление. Вы могли решить, что нами движет только желание поскорее войти в кольцо развитых миров... А теперь вы сами дошли до многого... Воронка — это опасность. Таких, как Уиллер и Оргелл, всего двое. Остальные погибли. И погибли страшно... Мы действительно высылаем таких, как Уиллер и Оргелл, на Землю. Здесь, на Несс, они обречены. Они вновь и вновь будут повторять свои попытки, их невозможно остановить. Как невозможно сейчас остановить Бетт Юрген. В некотором смысле, ее судьба сейчас в ваших руках.

— То есть?

— Я имею в виду вашу визу... Чем быстрее мы перекроем Воронку, тем быстрее закончится это наваждение...

Я кивнул.

Лин прав. Это хорошо, что я добрался до всего сам. Мне не подсунили решение. Я могу судить достаточно объективно. Если воронка — чудо, без такого чуда можно прожить. Даже вообще лучше держаться от него в стороне.

— Послушайте, Лин. Как это все-таки происходит? Какой-то непреодолимый зов? Сдвиг в сознании? Это грозит всем или действует выборочно?

Лин улыбнулся. Было бы странно не увидеть его улыбку.

— Нет точной картины, Отти. Вот вы сказали мне, что слышали Голос. Вы продолжаете его слышать? — Он так и впился в меня глазами.— Нет? Ну и хорошо... Таких, как вы, к счастью, много. Вопросы, бессонная ночь. Потом голос отстает от таких, как вы... Будто вы не выдержали какого-то испытания или не уступили чему-то... Но почему? Мы не знаем этого... Впрочем, есть категория людей, особенно подверженных влиянию Голоса. В основном, это жители Деяниры, хотя зафиксировано несколько случаев на островах. Более того, однажды Голос был услышан техником «Цереры» на весьма немалом удалении от Несс.

— Эти люди обречены? Я имею в виду колонистов, особенно подверженных влиянию Голоса.

— Если их предоставить самим себе, то да. Но мы следим за каждым, вы в этом убедились, мы стараемся им помочь, оградить от Воронки...

— Что конкретно вы делаете?

— Проводим специальное тестирование, блокируем подходы к Воронке... Не так уж много, но, в общем, это дает определенные результаты.

— Но чтобы следить, надо знать, за кем именно следует следить... У вас, наверное, есть некий список?... Я замялся.— Ну, этих людей, кто подвержен Голосу, кто нуждается в конкретной защите...

— Конечно.

Я вспомнил вертолет и человека в плаще, незаметно присматривающего за Бетт. Черт возьми, она нашла в себе силы пролететь над Воронкой, после того, как ночью ее там чуть не подстрелили...

— Могу я ознакомиться с этим списком, Лин?

— Конечно.— Он что-то там переключил, и на

экране передо мной поплыли имена.— Вам хорошо видно? Список невелик, человек около двухсот, но это те люди, жизни которых грозит непосредственная опасность. Самое страшное, мы не знаем, кто из них решится пойти к Воронке уже сегодня, а кто будет ждать.

Со страхом и недоверием я всматривался в список. Что-то в нем чудилось мне знакомое, где-то виденное...

Доктор Алемао, экзобиолог... Лейстер, Мумин и Хан, артисты цирка... Зоран Вулич, художник... Стефан Рай, строитель... Улаф Тон, ихтиолог... Мубарак Мубарак, пилот... Бетт Юрген, синоптик...

— Лин, это похоже на список колонистов, добивавшихся встречи со мной.

Лин кивнул:

— Многие из них хотели поговорить с вами, Отти.

— Почему же они не настояли? Я бы их принял.

— Думаю, их успокоила обстановка. Они быстро поняли, что вы поддерживаете проект Большой Базы. Если не будет Воронки, уйдет страх.

Ежи Гароти, расчетчик... Ен Мунк, инженер... Иван Плучек, Ия Гарбо, сканнеры...

Я изумленно поднял брови.

Где-то двадцать вторым, ну, двадцать пятым, сразу после сканнеров Плучека и Гарбо, шло хорошо знакомое мне имя — Лин Е, архитектор, член Совета.

— Это вы, Лин?

Он просто кивнул, глядя на меня печально и понимающе.

Я встал и подошел к окну. Я не совсем верно видел мир Несс. Он оказался вовсе не таким простым, как можно было подумать. И Воронка сейчас не казалась мне чудом. Это я мог работать более или менее спокойно, а Бетт Юрген, Лин Е, доктор Алемао, Ен Мунк и многие-многие другие? Они жили под постоянным и чудовищным давлением. Они носили в себе невидимую бомбу, которая в любой момент могла взорваться. На их месте я бы давно потребовал перекрыть Воронку.

Я вернулся к экрану.

— Не смотри на меня так.— Лин уже взял себя в руки и улыбался своей сладкой, несколько приторной улыбкой.— Я не герой и не жертва. Я один из многих. И мы не теряем контроля над ситуацией. Сам видишь.

— Но, Лин! Так нельзя жить!

— Хорошо, что это говоришь именно ты, Отти... Пока Воронка открыта, мы все в опасности... Но ты же помнишь, как поступил Геракл с бессмертной головой гидры.— Лин торжествующе рассмеялся.— Он не стал хитрить, он не стал попусту размахивать мечом. Что меч перед бессмертием? Он завалил бессмертную голову камнями, так же поступим с Воронкой мы.

Он помолчал и вдруг спросил быстро:

— Мы ее забросаем, Отти?

На секунду я представил Лина дрожащим, ничего не понимающим, против своей воли ползущим ночью среди камней куда-то во тьму, навстречу низкому, несмолкающему реву Воронки, и мне стало страшно.

— Мы ее забросаем, Лин.

17

Там, на Европе, Бент С. почти три минуты разговаривал с Уве Хорстом. Разделенные ледяной броней, они не сразу потеряли связь, но скафандр Уве Хорста выдержал недолго.

О чем они говорили в течение трех почти бесконечных минут?

Бент С. молчал. Во всем остальном он был открыт,

даже откровенен, эти три минуты вбояли его в ужас.

Я спросил: вы боитесь меня?

Он ответил: нет. Теперь нет. Я боялся вас, увидев на экране. Мне показалось, у вас каменное лицо, вы меня не поймете. Вблизи вы совсем не такой.

Я спросил: вы считаете себя виновным в случившемся?

Он ответил: в равной мере с Уве.

Я спросил: он сам вам это сказал?

Бент С. опустил голову: это касается только нас двоих...

Только нас двоих...

Я вспомнил это, ведя вертолет над причудливыми островами Южного архипелага.

То абсолютно голые, облизанные до блеска соленой водой, то колючие от множества каламитов, они проходили подо мной в нежном мареве дня: я впервые видел на Несс чистое небо. Вдали, правда, оно было загромождено чудовищными пирамидами кучевых облаков, совсем как на полотне Парка, но надо мной оно нежно голубело — еще одна океанская чаша, опрокинута над миром.

Лин догнал меня на второй день.

Мы вместе летали к Морскому водопаду.

С гигантского уступа, образованного цепочкой базальтовых островов, выдавливаемый течением, падал вниз, почти на пятнадцатиметровую глубину, каскад прозрачной воды, оправленный черными берегами. Воздух дрожал. Слева и справа вспыхивали чудовищные цветные радуги.

— Полетишь со мной к Землекопу?

— Нет, у меня встречи. Я занятый человек.— Лин вовсе не хотел меня уколоть. Он даже поощрительно улыбнулся: — Я бы вообще предпочел, чтобы люди с Земли выбирали такие маршруты...

Он ничего не стал уточнять, но я понял: как всегда, он говорил о Воронке.

18

Остров, на котором трудился Землекоп Рикарда, оказался милях в трехстах от Морского водопада. Берега, исключая приливную зону, буйно заросли бурыми каламитами. Над ними вздымались мощные скалы, они-то, вероятно, и интересовали Рикарда.

Я сделал круг над островом: как разыскать в зарослях Землекопа?

И увидел его. Он стоял в центре большой голой поляны, подняв вверх все три руки.

Посадив вертолет, я отбросил боковой люк и вышел под душное небо Несс.

Мертвая тишина. Ее не нарушали ни птицы, ни цикады; неумолчный рокот наката, доносившийся снизу сквозь заросли, только подчеркивал тишину.

Вечная тишина...

Землекоп внешне напоминал горбатого громоздкого человека, хотя избыток конечностей, несомненно, портил впечатление. Он явно был рассчитан на тяжелый физический труд, но отличался невероятной ловкостью: чуть позже, взлетая, я видел, как он упорно полз вверх по почти вертикальной стене. Оптика была надежно упрятана под стилистовые козырьки; я вздрогнул, когда Землекоп сказал голосом Рикарда:

— Приветствую вас, инспектор Аллофс.

Скажи это сам Землекоп, я вполне мог бы обвинить его в амикошонстве, но разговаривал со мной, конечно, Рикард.

— Где вы сейчас? — поинтересовался я.

— В рабочем кабинете... Теперь вы оценили преимущества современного палеонтолога?

— Еще бы!

— Не разочарованы прогулкой?

— Нисколько.

— Я рад,— вполне искренне заметил Рикард, но не смог скрыть привычного самодовольства: — Я обе-

щал вам это... Кстати,— припомнил он.— Вы спрашивали, где можно увидеть картины этого Оргелла. Так вот, вам повезло: они почти все вывезены на Землю.

— Такая маленькая планетка — и так много загадок,— пробормотал я.

— Загадок? — удивился Рикард.— Вы преувеличиваете.

Все это время Землекоп стоял передо мной, нелепо растопырив металлические конечности, оптика тупо взирала на меня из-под стальных козырьков.

— Жизнь, в сущности, проста,— самодовольно заметил Рикард. Мне здорово мешало то, что я вижу не его, а эту неподвижную раскоряченную машину.— Вы, кстати, первый человек на этом острове. Землекоп не в счет. Куда бы вы ни пошли, вы увидите одно и то же: камень, каламиты, вода. Какие уж тайны. А если вы опять имеете в виду Воронку, уверен, и там ответ будет прост. Мы еще не доросли до ответа, мы еще не можем объяснить механизм Воронки, но, уверен, ответ и там будет предельно прост. Жаль, конечно, что мы можем его не услышать. Я имею в виду и себя, и вас. Но кто-то же докопается... Кто-то же докопается до ответа, Аллофс...— Он рассмеялся.— Вы не просматривали «Модели» Хакса? Нет? Зря... Этот Хакс придумал несколько невероятных теорий. Вся беда в том, что они сложны. Работай Воронка по принципу Хакса, она не сохранила бы свою динамику.

— Почему?

— Не будьте ленивы, инспектор. Загляните в «Модели». Я постоянно подталкиваю вас к этому. Впрочем...

Землекоп вдруг сделал шаг и остановился прямо передо мной... Я бы сказал, в опасной близости. Одна из его рук ловко скользнула в пластиковый мешок, подвязанный к поясу, и извлекла из него обломок породы, явно не вулканического происхождения.

— Взгляните внимательней,— услышал я голос Рикарда, он шел откуда-то из самых недр Землекопа.— Этой породе почти миллиард лет. Океан тогда выглядел несколько иначе, иной была и суша, но, как везде, все начиналось с простого... Вот эти крошечные образования... Видите?.. Они фоссилизированы, они окаменели много миллионов лет назад, но когда-то они были живыми, когда-то они были жизнью. Очень простой, с нашей точки зрения, даже примитивной, но жизнью, прачначалом всего, что сегодня существует на Несс... Единичная первичная жизнь под горячим дыханием звезд Толлиман! — Рикард, несомненно, не был лишен романтических чувств.— Но откуда взялись эти странные существа? Каким образом молекулы оформились в нечто такое, что со временем может подняться над самим собой, позволит жизни осознать самое себя?.. Вот где тайна, Аллофс. Истинная, вечная тайна!.. А загадки... Бог с ними, со всеми этими загадками. Уверен, все они дело времени. К тому же, причем тут вы? Почему вы?

Я замер.

Совсем недавно точно так меня спрашивала Бетт Юрген: почему вы?

— Да, да, почему вы, инспектор Аллофс? Вы появляетесь на Несс неожиданно, вы проводите тут месяц, может, другой, а мы на Несс всю жизнь. Понимаете, всю свою жизнь! Вы смотрите на происходящее достаточно поверхностно, не обижайтесь, а мы углубленно вникаем в процессы, текущие рядом, вникаем не месяц, а все три века. Почему же именно вам понадобилось так срочно разгадать загадки нашего мира?

— Разве я чего-то требую?

Патриоты, черт вас побери!

— Я знаю, о чем вы подумали,— самодовольно рассмеялся Рикард.— Никогда не желайте нам ничего такого, поскольку черта у нас заменяет Воронка. Это существенно. Вы согласны?

19

— Где ты научился водить эти машины?

Если Лин и льстил мне, то по делу: технику я знал.

— В Лоусон-парке. Обязательная практика.

Лин улыбнулся:

— Когда-нибудь на такой вопрос можно будет ответить: в Несс-парке. Неплохо звучит, правда?

Я кивнул, хотя манера Лина постоянно разделять землян и колонистов меня раздражала. Если всерьез, это и есть признак провинциальности.

— Три часа над океаном,— быстро подсчитал Лин.— Включай автопилот и заваливайся спать.

— Не хочу.

— Твое дело.

Лин долго пытался, устраиваясь поудобнее на раздвижных креслах. Салон был почти пуст, лишь в конце его, отгораживая нас от аварийного люка, лежали ящики, предназначенные для Рикарда. Землекоп действительно оказался весьма работоспособным.

Наконец Лин затих. Нагрузка последней недели дала себя знать: выглядел он устало. Впрочем, пара таблеток беллы, проглоченных им, гарантировала ему сон до самой Деяниры.

— Лин... Она еще не явилась?

— Ты о Бетт? — откликнулся Лин сонно.— Пока нет... Но явится, явится...

И добавил, засыпая:

— И хорошо бы, чтобы она явилась сама...

— Лин, почему Голос больше не пристает ко мне? Он не ответил.

Я обернулся. Лин спал, подтянув ноги, вид у него был измученный. И, в общем, завидовать ему не стоило. Это я знал.

С большой высоты был виден весь океан — переливающаяся смутно-голубая громада. Я не сразу понял, что за короткие тени испещряют его поверхность. Потом до меня дошло: это ободранные стволы каламитов. Их сорвало приливами. Обычно каламиты быстро тонут, нужно хорошее течение, чтобы отнести их так далеко от берега.

Лин прав, Рикард прав, Бетт права. Я всего лишь гость на этой морской планетке. Я наблюдатель со стороны, я не вхожу ни в какие списки. А они все живут под Голосом. Они имеют право смотреть на меня с некоторым превосходством, но и с завистью. Это ничем не может им помочь, но право они имеют. Не завирирую я документы, они, наверное, возненавидели бы меня...

И Бетт? И Бетт, конечно...

Я не знал, почему Бетт не верит Лину, но гадать не хотел. Расскажет сама. До возвращения на Землю, до посадки на «Цереру», даже до того, как мне придется визировать документы, я постараюсь увидеть Бетт. Она все расскажет. Подумать только, я принял ее чуть ли не за истеричку, а она...

Океан не может надоесть.

Я вел вертолет над смутно-голубыми плоскостями, кое-где взрытыми рябью — взлетали стаи летающих рыб; я натянул на глаза светозащитные очки — вдруг прорывались сквозь облачность лучи звезды Толлиман; мне хотелось длить и длить это удовольствие, но все, в конце концов, кончается — я вывел тяжелую машину прямо на южный обрыв хребта Ю. Я собирался еще раз (последний?) заглянуть сверху в Воронку. Разрешение получено было еще на архипелаге, об этом позаботился Лин. Но сам он, похоже, не испытывал удовольствия от нашего путешествия, потому, наверное, и накачался снотворным.

Грузные ледники лежали на склонах. Языки льда хитро закручивались, выпирали мрачными буграми, нависали над темными мертвыми долинами. Крикни, и глыбы льда покатаются вниз, все сметая на своем пути.

Кричать не понадобилось. Хватило рева турбин.

Я вдруг почувствовал: что-то там внизу изменилось. Чтобы понять, рассмотреть, я стащил с глаз свето-защитные очки.

Без очков пики выглядели прямо устрашающе. Их острые ледяные вершины угрожали мне, они отторгали меня от Несс. Они будто чувствовали: это и по моей воле часть их поднимет взрывом на воздух. Они этого не хотели. Они предпочитали стоять, как стояли. Они намекнули, на что способны, пустив по одному из ущелий лавину.

Чудовищная масса снегов, пенясь, пришла в движение, разбухла, ринулась вниз. Сперва безмолвная, дымная, все более и более набирающая скорость, лавина исторгла низкий рык, и я увидел, как над пенящейся дымной массой, словно мячики, начали подпрыгивать многотонные валуны.

Лавина не дурачилась. По узкому ущелью шла сама смерть.

Что значит смерть? Этому можно научиться?

Я усмехнулся. Спроси что-нибудь полегче...

— Ну, где ты там? — бормотал я, выводя вертолет на Воронку. — Где ты прячешь там свою бессмертную голову?

Небо над Воронкой оказалось на удивление чистым. И ни одной машины. Мне специально освободили все эшелоны.

Никогда не думал, что явление природы (а чем еще считать Воронку?) можно возненавидеть, но проклятия так и сыпались с моих губ. Янисколько не боялся разбудить Лина, он должен был спать точно до Деяниры. Где там этот Минотавр, пожирающий колонистов? Не пора ли заткнуть твою пасть камнями, накинуть на нее стииалитовый намордник?

Я был один и не стеснялся. Можно, наконец, выкричаться, отвести душу. Наверное, поэтому меня буквально обожгло ужасом, когда из-за моей спины до-неслось:

— Аллофс!

20

Окликнул меня не Лин.

Следовало обернуться. Я медлил.

— Аллофс! — Голос женский, твердый. — Задайте программу — круг над Воронкой, потом пересечение по большому диаметру. И включите автопилот.

Я, наконец, повернул голову.

У аварийного люка, в самом конце салона, стояла за ящиками с образцами Бетт. За эти несколько дней она похудела, смуглое лицо туго обтянуло кожей, но глаза горели так же неистово. И тот же пепельный широкий балахон облегал, скрывал ее шею, грудь, плечи, спускался по бедрам, ниспадал на ноги. А руки она по-прежнему прятала в тонких перчатках.

— Как вы сюда попали?

Вопрос прозвучал грубо, но Бетт его не услышала. Она была занята своими мыслями. Она сказала: — Вы похожи на Оргелла... Иногда...

Не знаю, что она хотела этим сказать, но меня вновь окатило волной ужаса:

— Я не Оргелл!

— Знаю... — Бетт глядела на меня, как на пустое место. В ней не было сейчас никаких чувств.

— Отойдите от люка, — попросил я. — Эта штука распаивается от простого нажатия. Раз уж вы здесь, устраивайтесь поудобнее.

И взглянул украдкой на Лина.

Лин ничем не мог мне помочь, он безмятежно спал и собирался спать до самой Деяниры.

Ее надо отвлечь, пришло мне в голову. Бетт, похоже, не в себе, ее следует отвлечь от ее мыслей. Ее надо спросить о чем-то таком, что привлекло бы ее внимание... Скажем, об Оргелле... Почему, в самом деле, увезли все его работы?... Или откуда у него такой псевдоним — Уве Хорст?... Сказать ей: я знал че-

ловека, носившего такое имя. Что это имя могло значить для Оргелла?

Я заговорил, но Бетт мне не ответила.

Медленно, очень медленно, не спуская с меня темных глаз, она стянула перчатки — сперва с левой руки, потом с правой. Меня пронзила волна боли и жалости, теперь я знал, почему она и в жару носила перчатки: ногти на ее тонких пальцах были разбиты, два или три совсем почернели.

Ну да, она ползла среди камней. Ночью. Одна. К Воронке.

Зачем?

Я молчал. Я не мог произнести ни слова.

А Бетт, помедлив, нашла изуродованными пальцами голубую кнопку магнитной молнии, где-то под самым подбородком, и резко потянула ее вниз.

Пепельный балахон, как мягкая раковина, распался на две части. Я не ожидал, что Бетт выпутается из него так быстро, но она выпуталась и тут же выпрямилась во весь рост.

Снова меня тронуло ледяной волной страха.

Она стояла в семи-восьми шагах от меня — вызывающе обнаженная, смуглая. Но теперь я знал, зачем она таскала свое нелепое пепельное одеяние: тугое сильное тело во многих местах было ссажено, покрыто синяками и кровоподтеками. Никогда я не видел ничего более устрашающего. Бетт была прекрасна, и она вселяла в меня истинный ужас.

— Что это за стриптиз? — спросил я грубо. Я жалел, что Лин спит. — Что вы задумали?

— Задайте программу и включите автопилот.

Голос Бетт не допускал возражений. Я и не стал возражать: задал программу и включил автопилот.

И вновь обернулся.

Бетт даже не сменила позы. Нагота ничуть ее не смущала. Она была столь роша, что ссадины и кровоподтеки лишь подчеркивали ее совершенство.

Июла... Или Исмена... Сколько их было в истории Несс?

Бетт думала о другом.

— Аллофс... Им было больно?

— Кому? — не понял я.

— Пэджу... Уиллеру... Людвигу и его дочери... Оргеллу...

— Откуда мне знать? Отойдите от люка.

Смогу я достать ее в прыжке? Нет, не получится... Через кресла со спящим Лином я перемахну, но там дальше ящики...

Бетт будто прочла мои мысли. Она улыбнулась.

Меня мороз продрал от этой улыбки. Я представить себе не мог, что может означать такая улыбка. Но я увидел: искалеченные пальцы Бетт легли на замок аварийного люка.

Я не успел даже крикнуть.

Бетт буквально выдернула из вертолета — вместе с оторвавшимся люком, он не рассчитан на такие нагрузки. Машину резко дернуло, завалило на правый борт, но автопилот сработал, он справился с неожиданной перегрузкой и вновь повел вертолет над ревушей, ворочающейся внизу Воронкой.

Вцепившись руками в кресло, я глянул за борт.

Ни Бетт, ни люка я не увидел, они уже исчезли под шлейфом коричневатой пыли, застлавшей весь южный сектор Воронки, но пепельный балахон еще крутился в воздухе, смешно взмахивая широкими длинными рукавами. Он требовал, он просил защиты.

— Что за черт? — услышал я сонный голос Лина. Толчок его все-таки разбудил. Он ничего не понимал, возясь на раскинутых креслах. По-моему, он даже меня не видел: — Отти, ты где?.. У нас что-то случилось?.. — Он протер, наконец, глаза: — У нас вырвало люк?

Я молчал.

Визг турбин, надсадный рев крутящейся под ногами Воронки рвали мне сердце. Я боялся за Лина,

Я не знал, как он себя поведет. Внизу сверкали сквозь пыль несущиеся круги вечного камнепада — против часовой стрелки, против часовой стрелки.. Я боялся за Лина. Ведь он тоже один из тех — из списка.

— Возьми на себя управление.— Я ухватил Лина за рукав куртки и чуть не силой перетащил на свое место. Теперь он не мог проскочить мимо меня.— Веди вертолет прямо на Деяниру. Я свяжусь с постами.

— Что это значит?— В раскосых глазах Лина все еще читалось только непонимание.

— Выполняй!

Наверное, он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он побледнел. До него что-то дошло. Он обеими руками вцепился в приборную панель:

— Здесь кто-то был?..

Я не стал утешать его. Я сказал:

— Кажется, Лин, мы ее убили...

24

Я знал, что Вулич придет.

Я не искал его. Он ничего мне не обещал. Но я знал, что он придет, а поэтому почти не покидал свой номер.

Канал С я включал редко. Сообщение о гибели Бетт Юрген прошло почти незаметно. Колонисты, конечно, склоняли мое имя, но совсем не по этому поводу. Инспектор Аллофс приносит Несс освобождение! Инспектор Аллофс визирует документы, а значит, вычеркивает Воронку из будущей истории Несс! Инспектор Аллофс превращает забытое богом место в Большую Базу!

Сам я так не считал, но меня превращали в героя.

Официальное торжество открывалось утром. Ритуал разрабатывала специальная комиссия. Я должен был выйти на балкон Совета и приветственно поднять руку над главной площадью Деяниры, забитой торжествующими колонистами. Но ни слова! Я сразу потребовал этого: ни слова! Подумав, мне пошли навстречу. В конце концов, настоящие герои всегда немногословны.

В дверь постучали.

Я ответил без всякого волнения, но не встал и даже не повернул голову. Прийти мог только Вулич. Это и был он. И мы молчали, пока он устраивался в кресле — пыхтя, отдуваясь, никак не объясняя своего появления.

Первым начал я:

— Скорее всего, она спряталась в машине где-то на островах. Странно. Как Бетт могла знать, где мы будем?

— Она знала.— Голос у Вулича был низкий и ровный.— Она перехватывала ваши радиопереговоры, Аллофс. Это был ее последний шанс. Не знаю... Если бы Лин не спал... Нет... Вы бы не смогли помешать Бетт...

— Но зачем?— вырвалось у меня. И тут же отмахнулся.— Как бы то ни было, я не спас ее...

— Выбросьте из головы мысли об убийстве, Аллофс. И не стройте из себя жертву. В этой истории нет жертв. И вы тут ни при чем. Бетт сама все решила и сделала. Сама! Вообще не надо говорить ни о смерти, ни об убийстве. Надеюсь, наступит такое время, когда вы будете не корить, а уважать себя за то, что не остановили Бетт.

— Уважать?

— Да,— подтвердил Вулич.— В конце концов, не кто-то, а вы помогли Бетт.

— Умереть...— пробормотал я.

— Забудьте об этом,— терпеливо повторил Вулич.— Как бы ни оборачивались обстоятельства, итог был предопределен. Вы не могли остановить Бетт, она

сделала свой выбор. Не все похожи на Лина. Лин страдает за все человечество, а Бетт за нас с вами. Конкретно за меня, за Оргелла. Страдать за конкретного человека всегда сложнее, чем за всех.

Вулич вздохнул. Он видел, я его не понимаю.

— Оргелл и Бетт тоже долго не понимали друг друга... Вы ведь знаете, есть люди, особенно расположенные чувствовать Голос... Склонен думать, приступы у Оргелла длились иногда месяцами. Он скрывал это, но я догадывался. Он чудовищно много работал. Он даже Бетт в такие периоды не пускал в мастерскую. Но я знаю, я сам слышал — он постоянно разговаривал сам с собой. Самые серьезные его работы написаны во время таких приступов, психологически это легко объясняется... Ты вкладываешь в труд все силы, получаешь не то, что ты задумал. Ты злишься. Ты начинаешь бормотать про себя. Потом замечаешь, это уже не просто бормотание... Ты пишешь хребет Ю, ты громозишь на полотне его черные отроги, а сквозь камень начинает что-то просвечивать... Какой-то кокон... Нежный эфирный кокон... Что за черт? Почему?... Тут взбесишься, правда? Ведь этот кокон явно нематериален, он вспышка света, не больше. Но он имеет очертания, свою динамику. И ты бормочешь, не понимая себя. Ты яростно переругиваешься с управляющим тобой невидимкой. Ты начинаешь осознавать, что известные тебе вершины искусства лишь какая-то ступень, вовсе не высшая. Ты начинаешь догадываться, что можно сделать еще один шаг вперед. Но как угадать, верно ли ты понял открывшееся тебе?... Представьте, вы находите на берегу моря ссохшийся неопределенный комок... Обезвоженный клочок каких-то волокон... Как ты, никогда не видавший медуз, никогда не слышавший об их существовании, поймешь, что твоя находка и есть медуза, только высушенная временем?... Однажды, разглядывая работы Оргелла, я спросил: что это? — и указал на просвечивающий сквозь камни эфирный кокон... Он ответил просто: не знаю...

— Думаете, такой сюжет был подсказан Оргеллу Голосом?

Вулич усмехнулся:

— А почему не Воронкой?

— Действительно... — пробормотал я, понимая всю бессмысленность своих вопросов.

— Почему не другим Разумом?..

Я резко поднял голову.

Нет, Вулич не смеялся надо мной. Он сидел, опустив голую шишковатую голову, спрятав руки в мощной бороде. Я только и видел это голое хранилище, вероятно, неплохого мозга.

— Почему не другим Разумом? — медленно повторил Вулич. Он тоже поднял голову. В его черных влажных глазах пряталась печаль. — Были и такие гипотезы...

— Гипотезы отчаянья, — сухо возразил я. — Когда нечего сказать, обращаются к другому Разуму. В чем он? В бессмысленном повторении одних и тех же вопросов?.. «Что значит никогда?.. Что значит погиб?.. Что значит навсегда? Разве бывает как-то иначе?..» — И сам поразился своей внезапной горячности.

— Вот как?.. Вы слышали такие вопросы? — в голосе Вулича прозвучало почти детское любопытство.

— Да, такие. А вы?

Вулич не ответил.

— Ну да, — усмехнулся я. — Вы же боитесь обсуждать такие вещи. Вы совсем помешались на этой вешей Воронке.

— На нашей? — Вулич почему-то прицепился именно к этому слову. — Она не наша, Аллофс. Нашего вообще ничего нет. Собственный организм и тот рано или поздно начинает давать сбой, выходит из подчинения. Наша Земля, наша Несс, наша Галактика... С чего вы взяли, что все это наше? Мы только говорим так. Да, конечно, мы можем при желании пога-

сить звезду Толиман, разнести на куски ненужную планетку, выставить пограничный маяк в созвездии Волопаса, но разве все это станет от этого действительно нашим? Наконец, мы Воронку можем перекрыть стилитовым колпаком, упрятать ее от глаз подальше. Ну и что? Она станет от этого нашей?

— Послушайте, Вулич... Все это философия двух удрученных людей... Я привык иметь дело с фактами. Просто с фактами. Меня убеждают лишь они. Не одна сотня колонистов нашла смерть на Губе, причем мучительную смерть. Почему?.. Некто Оргелла свалился прямо в Воронку, есть тому подтверждение, и все же выбрался из нее. Каким образом?.. В того же Оргелла несколько раз стреляли, разворотили ему весь живот, он был мертв, тому есть свидетели, и, тем не менее, убитый Оргелл вновь воскрес. Правда, он ничего не помнит, ничего не может рассказать. Почему?.. Наконец, Бетт Юрген... Разве она не знала, чем грозит падение в Воронку? Знала. Знала! Но это ее не остановило. Почему?

— Собственно говоря, те же вопросы мог бы задать вам я. — Вулич нехотя, через силу улыбнулся. — Бес сомнений вас еще не замучил.

— Вы о чем-то догадываетесь? — спросил я напрямик. — Не тяните. Что может стоять за всем этим?

— Но вы же сами подошли к ответу... Умер, но живет. Полна жизни, а ищет смерти. Чем объяснить это? — Он пожал круглыми тяжелыми плечами. — Почему, в конце концов, не другим Разумом?

— А почему не Воронкой?

— Воронкой?.. — Он взглянул изумленно. — Мы говорим об одном и том же, Аллофс. Вдумайтесь... Это длится веками... Каменный мальштрем никогда не стихает... Над ним билась лучшая физики, математики, механики мира, а он остается непознаваемым, и что мы имеем, кроме длиннейшей библиографии, всяческих каталогов, классификационных таблиц и отчетов, набитых заумной терминологией? Очередная гипотеза рождается и умирает. Очередная жертва рождается, растет, потом отправляется на Губу... Отсюда и неприятие, — добавил Вулич, помолчав. — Отсюда и протест, отторжение. Не знаем и не хотим знать! Станем умнее, разберемся! А пока закидать Воронку камнями! Тем более, причина на то есть: Воронка занимает единственно удобное для космопорта место. Мы сильно обижены на Воронку, и есть за что. Но если мы впрямь имеем дело с другим Разумом, разве на него можно обижаться, разве с ним можно сводить счеты?.. А ведь решение закидать Воронку камнями, пусть на неопределенное время, но убрать ее с глаз людских, и есть такая месть. Разве нет?

— Вы против возведения космопорта?

— Конечно! — вырвалось у Вулича.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Вы против. Таких, как вы, много?

— Это не имеет значения.

— С чего вы взяли? Речь идет о будущем развитии Несс, о ее месте в семье планет, о выходе человечества в дальний Космос.

— К новым загадкам... — Вулич неприятно поморщился. — А за нами останется шесть ангравов...

— Не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно мы обратимся к ним всерьез. Но для этого нам нужна и Большая База... Может, Воронке полезно будет поработать во тьме, под плитами космопорта. Раз мы ничего не можем объяснить, пусть пока хотя бы не мозолит глаза. По крайней мере, мы сохраним тех людей, которых могли потерять... — Я всерьез разозлился. — «Другой Разум!..» Разум не станет веками топтаться на одном месте. Разум подразумевает развитие. Зачем истинному Разуму повторять одни и те же вопросы?

— А может, он не торопится? — негромко спросил Вулич. — Может, у него свое представление о том, когда задавать вопрос, когда получать ответ? Может,

у него вообще свое представление о времени? Не отвергающее время, но трактующее его иначе... Нельзя же, в конце концов, все процессы сводить только к физико-химии. Может, этот Разум бесплотен, а Воронка лишь некий коловенный след, некое побочное свидетельство его существования. Может, данному Разуму абсолютно все равно, когда он получит ответ на свои вопросы: через сто лет или через три миллиона. А?.. Разве срок отпущенной человеку жизни — эталон? Может, перед этим Разумом мы действительно мотыльки, поденки, — Вулич явно вспомнил слова Бетт Юрген. — Начинаем жить бессмысленно, как личинки, потом взлетаем. Вот и вся жизнь. Всего ничего: оплодотвориться, оставить потомство... Будь вы на месте бесконечного бессмертного Разума, как бы вы смогли договориться с поденками?

— Разум сумел бы понять, что в некоторых случаях имеет смысл заниматься не отдельной особью, а всем видом.

— Вы научились разговаривать с муравейниками? — Вулич усмехнулся. — Впрочем, в целом вы мыслите правильно. Рано или поздно любой Разум должен догадаться о том, что произошло вам в голову. А какой-то, возможно, уже догадался...

— Что вы имеете в виду?

— Я бы предпочел, чтобы вы догадались сами. — Он спокойно взглянул мне в глаза. — Что, по-вашему, является самой характерной особенностью жизни?

— Смерть.

— Ну почему? — Вулич был явно раздосадован. — Почему не бессмертие? Может быть, бессмертие является самой характерной особенностью жизни. Может быть, жизнь появляется в самые первые минуты творения вместе с временем, пространством, материей и уходит из мира вместе с ним... Этот Разум, о котором мы говорим, он мог впервые встретиться со смертными видами. Понимаете, Аллофс, в первый! Он представления не имел прежде о смерти, его, конечно, заинтересовало это явление. Вспомните, сколько мушек-дрозофил, мышей, собак мы умучили, подбираясь к бессмертию и так и не найдя его. А для этого Разума не существует тайн бессмертия, напротив, он потрясен открытием смерти. Он ставит эксперименты на нас, он находит нас удобной формой для этого. Он же не догадывается, что, умирая, мы умираем навсегда.

— Убийство — это убийство.

— Но почему убийство? — Вулич даже наклонился ко мне. — Этот Разум исследует, он обеспокоен, он ищет. Как бы мучительно ни умирал человек в его экспериментах, не следует обвинять его в жестокости.

— Всею есть предел.

— Что за черт! — Вулич возмущился. — О каких пределах вы говорите? Очнитесь. Откройте глаза. Почему дело всегда в сотнях, а не в единицах?

Он напирал на меня, он требовал понимания, что-то уже и впрямь мелькало в моем мозгу. Некая догадка, некая тень догадки... Эти сотни жертв, а потом Уиллер... Снова сотни жертв, и Оргелл... В этой странной цепочке впрямь наблюдалась некая закономерность... Может, главное действительно не в тех сотнях, что погибли, а в тех двоих, что остались живыми?.. Почему они остались живыми?..

Я забыл о Вуличе.

Переключив инфор на рабочий канал, я потребовал:

— Пришли записи с Земли?

— Да.

Экран вспыхнул.

Каменная ограда, бедный и тесный двор, ящики с цветами, вдали чудовищная горная гряда с посеребренными Солнцем вершинами. Огненные капли медленно сползали с длинной сосульки и с тонким звоном, взрываясь радугами, падали в снег.

Человек в теплой куртке, удобно устроившийся на

скамеечке посреди двора, улыбнулся. Он смотрел прямо на меня. Он ничем не напоминал желчного старика с колючим сердитым взглядом, его круглые щечки румянились...

Уиллер?

Я потрясенно покачал головой. Запись, предоставленная мне, была сделана два месяца назад где-то в Гималаях. Уиллер продолжал жить. Бывший специалист по приливным течениям занимался теперь горным растениеводством.

— Уиллер... — Вулич тоже узнал старика. — Я догадывался об этом. Вы сделали мне замечательный подарок, инспектор. Ему сейчас, наверное...

— Да... Под двести лет... Не меньше... Живая история планеты Несс... Неужели Оргеллу уготовано что-то такое?

— Уверен, не только ему.

— О ком вы?

Вулич удовлетворенно и неторопливо улыбнулся. Так же удовлетворенно и неторопливо он сказал:

— Будьте же мужчиной, Аллофс. Я говорю о Бетт.

22

В дверь постучали.

— Войдите.

Это был Лин.

Увидев Вулича, он не убрал улыбку с тонких губ, просто она стала чуть обязательной.

Вулич встал:

— Мне пора. Надеюсь, мы еще увидимся с вами, инспектор.

Я кивнул, отпуская его. Лин откровенно обрадовался.

— Есть новости, Отти, — сообщил он, проводив взглядом художника. — Этот старик на Земле жив. Вы уже, наверное, знаете. Я об Уиллере. Там создана специальная комиссия, я посоветовал включить в нее вас. Я сразу увидел, что вы станете настоящим инспектором, Отти. Верный глаз, способность к анализу... «Церера» подойдет через три дня, Отти... Жаль, что нам придется расстаться. Я привык к вам.

Он говорил, он улыбался, он строил невероятные планы. Пора закидать камнями голову лернейской гидры. Пусть Воронка крутится в тишине, во тьме, в одиночестве. Пусть крутится, пока мы не поумнеем. Тогда мы вновь обратимся к ней. А пока все надежды на комиссию и на ученых Земли. Ведь можно как-то восстановить утерянную память, а? Уиллер и Оргелл! — о таком материале можно только мечтать. А к Воронке мы оставим пару проходов, вдруг понадобятся? Ты здорово нам помог, Отти, мы ее усмирим. Мы пришучим и гидру, и Минотавра. Иначе и не может быть. Будь иначе, это означало бы, что ничто на свете не окупается — ни страдания, ни подвиги. А ведь окупается, должно окупаться, правда, Отти? Мы ведь встречаемся, преодолев несколько десятков световых лет, не для того, чтобы просто выпить по чашке кофе...

— И для того, Лин.

Он прищурился:

— Как тебя понять, Отти?

— Вы слишком откровенно выталкиваете меня с Несс, Лин.

— Разве тебе не пора на Землю?

Ну да, подумал я с раздражением. На Европе меня тоже старались поскорее спровадить на Землю. Они, видите ли, ручались за гляциолога Бента С., они, видите ли, работали с ним, жили с ним, так давно жили, что знают все его слабости. Они не хотели расставаться с человеком, к которому привыкли. И где им искать замену? Земля пришлет им замену? После гибели Уве Хорста на Европе осталось тридцать шесть человек. Зачем снимать с планеты Бента С.? Он нужный человек. Он не совершит такой трагической ошибки дважды. Его опыт сейчас особенно пригодится на

ледяной Европе. Вот меня они сплавляли с удовольствием. Известно: где инспектор, там неприятности. Никому в голову не приходит, что афоризм этот вывернут наизнанку. Они все там, на Европе, верили Бенту С., ведь только я знал, что Бент С. почти три минуты разговаривал с Уве Хорстом, почти три минуты держал радиосвязь с практически иным миром. Это Бент С. мне сказал: «У вас каменное лицо. Так мне казалось... Но вблизи вы совсем другой... Вы ведь не снимете меня с Европы?.. Я не трус. Просто все произошло слишком неожиданно».

«Неожиданное всегда происходит неожиданно».

Бент С. хмуро промолчал.

«Скажите мне, Бент, честно, и только мне: где вы потеряли три минуты?»

Бент С. поблел.

Мы сидели с ним в переходном коридоре Базы, там было холодно, зато не было людей.

«Я просчитал каждый ваш шаг, Бент. Я трижды проводил с вами следственный эксперимент на месте трагедии. Думаю, вам нелегко было вновь и вновь толкать перед собой тележку Хансена, зная, что Уве Хорста больше нет и его не вернешь никакими экспериментами. Вы инстинктивно замедляли шаг, вы медлили. Вы имитировали случившееся, бежали к вертолету... Но всегда, во всех трех случаях получалось, что вы где-то теряете почти три минуты. Три минуты, Бент... При таких обстоятельствах это целая вечность...»

«Я мог поскользнуться... Упасть... Не помню... Пока поднимался...»

«Вы не падали, Бент?»

Он с мучительным выражением на лице уставился на меня:

«Кажется, я не падал».

«Вот именно, Бент. Скажите мне правду, и я оставлю вас на Европе. В принципе, это служебный проступок, но я оставляю вас на Европе, если буду знать, что вы способны говорить правду. Вы ведь хотите остаться на Европе?»

Бент С. кивнул.

«Ну так скажите правду».

«Зачем?» — негромко спросил он.

«Я хочу знать, на что вы способны, можно ли вам доверять?»

И Бент С. ответил:

«Я слышал Уве... Я разговаривал с Уве Хорстом... Почти три минуты его рация еще работала...»

«Что он сказал вам?»

Бент С. поднял на меня мрачные глаза:

«Я сказал вам больше, чем мог. Я ответил на ваши вопросы. Не требуйте от меня большего».

Он не заслуживал будущего, по крайней мере, на Европе. На него нельзя было полагаться. Я знал, какую вспышку раздражения вызовет мое решение на станции, но я списал Бента С. с Европы.

Что ж, каждый носит в себе собственную тайну. У одного это последние слова умирающего друга, которыми он никогда ни с кем не поделится, у другого Голос... И то, и другое требует всех сил.

Бетт Юрген...

Я понимал, почему Лин говорит все быстрее и вежливей... Большая База... Сталитовый колпак... Грунтовая подушка... Тяжелые корабли класса «Церера» и «Пассад» будут садиться на Несс в нескольких милях от Деяниры... Приток людей, техники... Потрясающие, вдохновляющие перспективы!

Я сжал зубы.

Мне орать хотелось, когда я хотя бы на секунду представлял себе вечную мертвую тьму, царящую под сталитовым колпаком. Я видел изуродованные пальцы Бетт с черными отбитыми ногтями. Я видел, как обнаженная, истерзанная, она карабкается на Губу, медленно бредет по ней, спотыкаясь, неуверенно вытянув перед собой руки.

Вечный мрак... Вечная жизнь... Вечное отсутствие

выхода... А всего в полумиле над головой мир радуг и красок, тяжелых кораблей, океанских ветров, людские голоса...

— Нет.

Лин вопросительно взглянул на меня:

— О чем ты?

— Я не могу завизировать документы.

— Ты с ума сошел...— Лин вкрадчиво улыбнулся.—

А мы? А я? А те, другие, из списка?.. Даже этот Вулич, к которому симпатий у меня меньше, чем к каламиту?.. Ты хочешь оставить нас беззащитными?.. А колонисты?.. Ты хочешь оставить нас на обочине, отнять у нас будущее?.. Не делай этого, Отти, тебя все проклянут. Тебя даже на Земле назовут предателем.

— Я не буду визировать документы, Лин. Считаю это моим официальным решением.

Он сморщился, как от внезапной зубной боли, и отступил на шаг. Потом еще на один. И так, задом, допятился до дверей, где, наконец, остановился.

— У вас впереди целая ночь, инспектор Аллофс,— негромко, незнакомым мне хриплым голосом сказал он.— Подумайте, как утром вас встретят колонисты. Ведь в любом случае вам придется выходить на балкон... А как могут встретить человека, отнимающего будущее у целой планеты?

И вежливо улыбувшись, вышел.

Я встал, подошел к окну.

Ночь была темная. Я не видел прожекторов. Это меня несколько ободрило. Если на постах спокойно, значит, никто не пытается тайно пройти к Воронке.

Бетт... Наверное, там, под колпаком, не будет настоящей тьмы... Но там не будет и настоящего света...

Я не был в обиде на Лина. Я его понимал.

Он ушел, но он оставил мне шанс.

В конце концов, еще целая ночь до того, как я выйду на балкон Совета, нависший над огромной, забитой людьми площадью Деяниры. В конце концов, еще от меня зависит, буду ли я встречен торжествующим ревом ликующих колонистов: «База!.. Большая База!»— или гнетущую тишину людского моря разорвет одиночный отчаянный выкрик: «Предатель!»— полностью уничтожающий меня в глазах колонистов Несс и еще неизвестно что несущий заблудившейся в вечности Бетт Юрген.

Многое еще зависело от меня.

Я усмехнулся. Не стоит преувеличивать...

И вздрогнул, услышав нежный звонок рабочего вызова.

Повернувшись, медленно, предчувствуя вовсе не самые лучшие новости, я включил инфор. За окном, я знал это, все еще было тихо, ни лун, ни прожекторов, но на экране вспыхивала, пульсировала кровавая литера Т—знак внимания и опасности. Почему-то именно она бросилась мне в глаза, и лишь после этого я увидел изображение.

Юлия
САДЧИКОВА,
г. Саратов

МОЖЕТ ЛИ ДЕВОЧКА ДРУЖИТЬ С МАЛЬЧИКОМ

И никакая любовь нас не разлучит.

А. Азимов. Хоровод

Какие могут быть поцелуи между
интеллигентными людьми!

А. и Б. Стругацкие.

За миллиард лет до конца света

Когда речь заходит о женских образах в искусстве, кажется наиболее естественным говорить о любви. Поэтому речь пойдет совсем о другом, ибо именно то, что наиболее естественно, менее всего поддается человеку». Речь пойдет о девочках, девушках и женщинах в произведениях братьев Стругацких — просто как о людях, чья жизнь далеко не исчерпывается любовью, вопреки сложившимся в искусстве стереотипам. Также надеюсь опровергнуть весьма распространенное мнение, будто в произведениях Стругацких нет запоминающихся женских образов. Это совсем не так. Просто они даны не изнутри, а снаружи, и это единственно верное решение. Как говорили сами авторы, выдумать можно что угодно, но не психологию, тем более женскую психологию. Стругацкие понимают ее великолепно (чего не скажешь о большинстве других авторов), но обращаются с нею очень тонко и деликатно, за что я как читательница безмерно им благодарна, и умеют порой всего несколькими штрихами изобразить героинь живыми людьми, а не схемами. Ниже я попытаюсь изложить свое предельно субъективное отношение к этим персонажам.

Раньше было принято спрашивать: «А ты бы пошел с ним в разведку?» В развитие этой традиции я формулирую другой критерий оценки: «А ты бы стала с ней дружить?» А любовь, в общем-то, дружбе не помеха. «В таком вот аспекте».

(«Это была преамбула, а теперь начнется амбула»).

Начинать принято со «Страны багровых туч» — с нее и начну, и буду придерживаться хронологии, пока она позволяет полнее выразить мою идею. «А когда она перестанет позволять, я ее нарушу».

Символично, что уже в первой повести даны два полярных образа: Вера Николаевна Василевская и Мария Сергеевна Юрковская. Это из них вышли все — такие разные — героини Стругацких.

Вера — «крылатая душа», влюбленный в свою работу человек, прекрасный товарищ. Их с Богданом странная любовь больше похожа на дружбу.

Достоинства Маши исчерпываются красивой внешностью. В «Стажерах» это уже законченная индивидуальность и прожигательница жизни, совсем не способная дружить.

Все остальные героини повестей «Путь на Амальтею», «Стажеры» и «Полдень, XXII век», кроме разве что Варечки, развивают традицию первого образа. А второй образ порождает галерею нищих духом истребительниц — обитательниц Страны Дураков из «Хищных вещей века».

Наиболее полно пагубное влияние на женскую душу индивидуализма и жажды наживы раскрывается на примере колоритнейшего образа Наины Киевны Горыныч из повести «Понедельник начинается в субботу». Следует заметить, что в сатирических произведениях вообще крайне редки герои и героини, с которыми можно дружить. Но и здесь есть исключение. В «Сказке о Тройке» есть эпизодический персонаж, вызывающий у меня огромную симпатию, истинно родственная душа. Это неизвестная поэтесса, создавшая великолепное четырехстрочие, в котором воплощена многовековая мудрость:

Ухажеру моему

Я говорю трехглазому

— Нам поцелуй ни к чему,

Мы братия по разуму.

(Остается загадкой, кто же имелся

здесь в виду. Из всех персонажей по числу глаз подходит только Двуглавый Юл из «Экспедиции в преисподнюю», тем более, что в тексте повести есть прямое указание на посещение им Земли в средние века...) Особенно тонко и по-настоящему интеллигентно это четырехстрочие выглядит при сопоставлении его с песней из «Далекой Радуги»:

Мне нужна жена, лучше или

хуже;

Лишь бы женщиной была,

женщиной без мужа.

Легко ощутимый контраст со всей наглядностью показывает разницу между женской и мужской психологией.

Взаимоотношения землян и инопланетян более подробно рассматриваются в «прогрессорском» цикле.

В «Попытке к бегству» — «нет женщин, нет умных бесед». Второе, очевидно, вытекает из первого. Зато есть весьма символическая деталь: судьба целой планеты зависит от того, любит девушка парня или просто хорошо к нему относится. Ведь Саула была открыта только потому, что Галка отказалась лететь на Пандору.

Повесть «Трудно быть богом» построена на противопоставлении Земли Арканару. На Земле остается Анка — дружище, верная соратница в молодецких забавах. Не случайно именно ее в финале вызывают для психологической поддержки. В Арканаре же дружить совершенно не с кем. Исключение составляет, конечно, Кира, но она — героиня идеальная. Хотя — вспомните баронессу. Если барон — хороший товарищ, почему бы благородной баронессе не быть хорошей подругой?

Трагические последствия, к которым приводит непонимание и недооценка дружбы между мужчиной и женщиной, с наибольшей выразительностью запечатлены в образе Нолу — рыбы из «Обитаемого острова». А в «Парне из преисподней»

есть одна точная деталь: вышла из комнаты жена Корнея — и словно темнее в комнате стало.

Нельзя обойти вниманием и «глуковский» цикл — повести «Малыш», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». У героини было трудное детство — возможно, этим объясняется отчасти ее сложное, противоречивое, а порой даже предосудительное поведение. Впрочем, она всегда остается верна себе и своим убеждениям, каковы бы они ни были.

В ряде произведений («Повесть о дружбе и недружбе», например, или «Второе нашествие марсиан») героини практически только упоминаются, но это сознательный прием, работающий на характеристику главного героя. В повести «За миллиард лет до конца света» героини выступают даже в роли стихии, а в «Хромой судьбе» женщины для главного героя имеют вообще лишь утилитарное значение. Но поскольку действие равно противодействию, в «Отягощенных злом» великолепная Саджах точно так же относится к мужчинам; образ же Ревекки восходит, скорее всего, к Наине Киевне Горыныч.

Огромно значение женских образов в «Улитке на склоне».

По поводу Управления достаточно заметить, что назначение нового директора всецело зависит от Алевтины, более того, именно ее можно считать фактическим директором.

С Лесом и Славными Подругами гораздо сложнее. Вообще термин «подруга» можно трактовать как «существо женского пола, состоящее с кем-либо в дружеских отношениях». Здесь сразу возникает множество вопросов. Во-первых, можно ли относить к женскому полу существо, размножающееся внеполовым путем? Во-вторых, можно ли считать Славных Подруг людьми? Но даже если мы примем эти допущения, остается главный вопрос: с кем же они состоят в дружеских отношениях?

Далее. Определение «славная» имеет два значения: во-первых, хорошая, приятная; во-вторых, известная, т. е. покрытая славой. Опять непонятно — с чьей точки зрения хорошая и какая о ней идет слава? Информации очень мало. Но даже по немногим известным фактам складывается впечатление, что Славным Подругам в свое время доставили массу неприятностей мужчины, чем и толкнули на столь решительный шаг. Ведь даже женскому терпению есть предел. Так что Славных Подруг безусловно можно понять, хотя и нельзя полностью оп-

равдать их методы. Мужчины — тоже люди, и среди них бывают хорошие. Нельзя же так: всех подряд, надо же как-то выборочно.

«Нечеловеческую» тему развивают и повести «Пикник на обочине», «Отель «У погибшего альпиниста». В первой — Мария Шухарт, она же Мартышка. Если при ее необычной внешности соседские дети все же играют с нею, значит, у девочки хороший характер.

А во второй повести — госпожа Мозес. Опять возникает принципиальный вопрос: можно ли считать робота женщиной? Но если рассматривать ее как поведенческую модель, надо признать, что она выглядит не менее ярко, чем Кайса. Впрочем, это же характеризует саму Кайсу.

И, конечно, вспоминается здесь совершенно бесподобное Чадо, образ огромного обаяния, не имеющий аналогов в литературе. К сожалению, ей не дает раскрыться полностью отсутствие сверстников, она одинока в этой толпе взрослых, где совершенно не с кем дружить, и душа ее останется спрятанной за зеркальными очками.

Развитие в современной литературе классических образов хорошо прослеживается на таких персонажах, как Сельма и Амалия из «Града обреченного». Они восходят еще к Сонечке Мармеладовой, естественно — с поправкой на XX век. При всей своей моральной неустойчивости эти героини вызывают глубокую симпатию и, пожалуй, являются наиболее положительными персонажами в романе.

Самой же большой удачей авторов следует считать Диану из «Гадких лебедей». Она прекрасна — и когда с материнской нежностью смотрит на Павла и Виктора, и когда обрушивает бутылку на голову врага. Она надежный товарищ. Не случайно они сразу сошлись с Ирмой. Впрочем, и Ирма — славная девочка и умеет дружить, потому что без дружбы не одолеть старый мир.

Возможно, мои мысли кому-то покажутся спорными. Как говорила в «Стажерах» Зина Шатрова: «Начнутся всякие укоризненные замечания, общие рассуждения о сущности женской природы...» Но тем и прекрасны героини Стругацких, что у каждой — своя натура и своя сущность, и они многое могут сказать о нас самих внимательному женскому, девичьему и девчоночьему глазу.

«АЭЛИТА»-91

В оценке читателей

По сложившейся уже традиции предложив читателям в декабрьском номере журнала оценить по пятибалльной системе нашу прошлогоднюю фантастику, приводим результаты опроса.

Усложнившиеся ли невероятно условия жизни тому виною (давненько неведомая нашему обществу в целом сверхзабоченность добыванием хлеба насущного, общий психологический настрой, отнюдь не способствующий ни размышлениям по поводу прочитанного, ни, по видимому, интенсивности самого чтения, совершенно уж безумно вздорожавшие услуги почтового ведомства...), но только и в самом конце апреля количество полученных нами открыток и писем с оценкой произведений, помещенных в «Аэлиты»-91, едва-едва перевалило за подторы сотни. Что ж, яора приывать довольствоваться тем, что имеем.

Как и в прошлые годы, среднего балла мы не выводили — ни для отдельных произведений, ни для «Аэлиты-91» в целом. Повторяем оглавление литературной части годового комплекта; в скобках после каждого названия дано общее количество оценок, а следом — разбивка по баллам: от «пятерки» до «единицы».

1. А. Балабуха. Распечатыватель сосудов (153: 35, 78, 32, 6, 2).

2. А. Чуманов. Ничто не ново — только мы (154: 17, 50, 53, 19, 15).

3. Г. Прашкевич. Ловля ветра (154: 23, 69, 45, 14, 3).

4. А. Етоев. Поучительный случай (153: 4, 33, 62, 29, 25).

5. В. Крапивин. Белый шарик Матроса Вильсона (155: 86, 47, 15, 4, 3).

6. А. Богданов. Праздник бессмертия (151: 11, 37, 59, 24, 20).

7. С. Георгиев. Дракон; Матер Лю (151: 18, 40, 40, 27, 26).

8. Т. Ветрова. Город, которому ничто не грозит (152: 1, 19, 68, 37, 27).

9. С. Слепынин. Сфера Разума (155: 50, 46, 36, 12, 11).

10. С. Другаль. Нимфа и лейтенант (153: 55, 51, 32, 6, 9).

11. Т. Груздева. Подкидыш (155: 17, 71, 47, 14, 6).

Андрей СТОКОЛОС

КТО ГОТОВИТ ПСИ- ОРУЖИЕ

Недавно судьба свела меня в аэропорту с интересным человеком. Сначала погода подвела, потом у авиаторов не оказалось керосина. Ожидая вылета, мы разговорились. С чисто житейских сетований и проблем разговор перешел на исследования в области психологии, на телевизионные сеансы психотерапевта Кашпировского. Неожиданно мой собеседник развил довольно нетрадиционные взгляды на эти вопросы. Результат оказался ошеломляющим: он показал, как некоторые ученые, опираясь на современные психологические познания и открытия в области психотроники, вышли на создание нового оружия, возможно, даже более опасного, чем ядерное, химическое и бактериологическое, к полному запрету которых человечество, кажется, приближается. Не потому ли запрещены и постепенно уничтожаются эти виды оружия, что они устарели и могут быть заменены более совершенным — психотронным? — пришла мне на ум вопрос, однако собеседник был так увлечен, что прерывать его казалось неудобным. А потом объявили посадку...

Прошло не так уж много времени, и рассуждения случайного знакомого вдруг начали получать подтверждения в сообщениях радио и газет. Я вспомнил о разговоре

в аэропорту и отыскал свои беглые записи после того, как узнал, что во время осады «Белого дома» генерал-полковник Кобец предупредил о возможности применения путчистами и армией психотронных генераторов. Немногие тогда поняли, в чем суть, но предположили, что речь, вероятно, идет о новейшем оружии. После путча встревоженные журналисты пытались докопаться до истины. В частности, «Комсомольская правда» сообщила, что психотронные генераторы — не «химия», а электронные приборы, способные на расстоянии управлять человеческим поведением. Газетчики выяснили, что подобная аппаратура уже применялась в народном хозяйстве для улучшения свойств материалов и сплавов, однако сенсационность подхода заключалась именно в использовании «генератора спинорного излучения».

Единого названия эффекта нет до сих пор. Кто-то называет это излучение микролептонным, кто-то говорит о торсионных и спинорных полях, кто-то именует их продольными электромагнитными, а кто-то пси-полями. Появился термин «холодная плазма»... Некоторые представители официальной науки напрочь отрицают их существование, отзываясь о подобных изысканиях как о шарлатанстве или детском лепете. Потому для лучшего уяснения проблемы следует оглянуться назад, выяснить, откуда это пришло в наш век.

Еще в таких источниках, как «Веды», йога, древнекитайское учение «До-ин» и многих других излагались знания космического характера, где отдельные разделы были посвящены различным излучениям и видам энергий, возможностям их использования. Это, как правило, были тайные науки, и в каждой человеческой расе отмечался период их расцвета. Обладая знаниями и все же нарушая космические законы, раса была обречена. Если верить эзотерическим источникам, мы с вами — представители уже пятой человеческой расы...

Открытия в области парапсихологии позволяют по-новому взглянуть на человеческое сознание... Летом 1986 года три японские компании выбросили на рынок необычный товар: музыкальные кассеты с наложенным на пленку низкочастотным текстом, неуловимым для слуха, но воспринимаемым подсознанием. Использован феномен «разделенного сообщения»: вкрадчивый голос убеждает меломана бросить курить, соблюдать диету, спокойно спать, быстро читать и усваивать иностранные языки, преодолевать стрессы и даже испытывать нежные чувства. В США четыре года назад в крупных супермаркетах внедрили кассеты с призывом: «Не воруй!». Эффект, зависящий от тщательности подборки несущей и базовой частот, оказался весьма ощутимым: число краж сократилось на 40 процентов. Но восторгов по этому поводу должно быть значительно меньше, чем озабоченности — ведь на кассету могут быть записаны и совсем другие команды...

Рисунок
Сергея Григорькина

В последнее время в печати промелькнули сообщения о создании лучевого оружия, способного поражать человека на расстоянии в несколько десятков метров. Мощный импульс поляризованного света вызывает потерю ориентации, сильную тошноту, нестерпимую головную боль и, в конечном итоге, лишает способности к сопротивлению. Не менее эффективен, например, при разгоне демонстраций ультразвуковой генератор, вызывающий потерю пространственной ориентации, жуткие головные боли, а при большой интенсивности излучения — и кровоизлияние в мозг. На значительные массы людей возможно воздействие и инфракрасными лучами, способными вызывать испуг, дрожь, обморок и даже эпилепсию.

Американский врач профессор Камерон обратил внимание на то, что многократное повторение стереотипных фраз вызывает у больных приступы страха или навязчивых, неприятных воспоминаний. Этот эффект был сразу же использован в рок-музыке, где одна фраза или их незамысловатый набор повторяется многократно, на разные лады. Так получается своеобразный музыкальный наркотик. Но все это лишь побочные результаты разработок психотронного оружия.

В странах бывшего социалистического лагеря исследования в этом направлении тоже велись. У их истоков в России стояли такие ученые, как Васильев, Кажинский, Беляев. Да-да, тот самый писатель-фантаст, который, уже будучи прикованным тяжелой болезнью к постели, написал роман «Властелин мира». Немногие поняли, что в этом романе весьма детально описано воздействие на людей психотронного оружия и даже даны варианты защиты от него...

Но старые догматы в отечественной науке почти незыблемы, хотя еще с 1968 года известен феномен Нины Кулагиной, способной психокинетически воздействовать на различные объекты. Она передвигала по столу небольшие предметы, не прикасаясь к ним. Явление исследовали около 40 ученых, в том числе два академика. Оказалось, что излучение ее рук способно отклонять луч лазера, засвечивать запечатанную фотопленку, оставляя на ней странные изображения. Исследовались и электрические поля вокруг тела Кулагиной. Удовлетворительного научного объяснения феномену так и не дано, хотя ее способности феноменальной свойства были подтверждены даже в судебном порядке.

В те же годы кандидат технических наук Юрий Гуляев сделал открытие: на аппарате собственной конструкции зафиксировал излучение, создаваемое нервом лягушки. Дальнейшие его работы привели к открытию аурального поля, имеющегося вокруг человека и очень тонко реагирующего на все изменения его внутреннего состояния.

В 1968 году группа энтузиастов предприняла попытку создать в Москве организацию по проблемам психотроники, однако она оказалась неудачной. Ведь даже простые парапсихологические опыты напрочь разрушали устоявшиеся научные и философские догмы! Потому все участники подобных исследований были объявлены лжеучеными и шарлатанами, а их эксперименты — нечестными и антинаучными. В печати замелькали статьи, авторы которых призывали лечить подобных «идеалистов» в психбольницах.

И эти призывы были услышаны. Н. Кулагину, например, на всю страну объявили ловкой обманщицей. Репрессивный государственный аппарат сработал безотказно: зарубежные связи и контакты были прерваны, обмен информацией ограничен, а участие в международных мероприятиях по парапсихологии запрещено.

Однако в Чехословакии, Польше, Югославии ученые продолжали вести плодотворные исследования природы психотронных явлений, создали первые экстрасенсорные приборы. Целенаправленное изучение дистанционного воздействия операторов на биологические объекты велось

в Китае, Венгрии, Румынии, Вьетнаме, Болгарии, где разработаны психотронные генераторы. Диапазон их применения очень широк: от очистки воды и селекционной мутации растений, до получения необычных сплавов и устранения геопатогенных зон.

Между тем многие ученые начали понимать, что достижения психотроники чреваты и негативными последствиями. Кандидат технических наук Охатрин предупреждал, что они могут быть использованы для создания нового страшного оружия, позволяющего беспрепятственно управлять человеком. Не случайно к этой науке проявляют все более пристальный интерес представители военных кругов. Так, во время вьетнамской агрессии в центре подготовки корпуса морской пехоты США шло обучение поиску подземных туннелей и убежищ с помощью специальных биорамок. Сейчас в Америке насчитывается более 60 тысяч экстрасенсов-даузеров (операторов биолокации), которые работают в самых различных сферах. В разведке, например, экстрасенсы осуществляют астральное сопровождение и защиту сотрудников. А еще они находят нужные объекты по картам и фотографиям, в том числе рудные и нефтяные залежи.

Еще в 1975 году газета «Чикаго трибюн» опубликовала материал об эксперименте, который проходил с участием экстрасенсов. Перед ними была поставлена задача дать исчерпывающую информацию об объектах по фотоснимкам. И что же? Экстрасенсы с большой точностью описывали, что на этих объектах происходило в данный момент. Конгресс США тут же посчитал, что исследования в области экстрасенсорных возможностей имеют важное значение не только для системы образования и здравоохранения, но и для безопасности страны, и на получаемые результаты был наложен гриф секретности.

Тщательно проанализировав потенциал парапсихологии в США и других странах, американские военные специалисты еще более десяти лет назад пришли к таким выводам: паранормальные феномены — это объективная реальность, их можно использовать для создания принципиально новых методов ведения войны. В США уже есть приборы и методики, позволяющие вводить в подсознание человека нужную информацию, которую он, сам того не сознавая, станет воспроизводить в своих высказываниях. Для этой цели используются, в частности, новейшие компьютерные установки.

Экстрасенсов-целителей используют органы здравоохранения США, ФРГ, Франции, Голландии, Италии и других государств. К услугам сенситивов прибегают и криминальные службы. А специальные приборы возможности экстрасенсов усиливают. Они уже способны, например, в разведывательных целях считывать на огромных расстояниях информацию, управлять психикой людей.

Конечная цель этих работ — установление контроля над интеллектом. Как утверждают специалисты, концентрация больших доз пси-энергии определенного спектра может быть разрушительной, в первую очередь, для мозга. Не потому ли из печати напрочь исчезла информация об экспериментах в институте парапсихологии доктора Райна? Ведь он в своих исследованиях ушел далеко вперед!

Во многих странах давно возобладало убеждение, что экстрасенсы — особо ценный фонд, национальное достояние. И к нам постепенно приходит осознание всей сложности этих проблем. Ведется поиск специалистов. История повторяется: при создании атомной бомбы тоже срочно нашли и вытасили с фронта Курчатова и его единомышленников. Вот и Ю. Гуляев за свои открытия уже получил звание академика и пост директора ведущего института радиоэлектроники (ИРЭ). Он сам подобрал молодых, не зачищенных на догмах сотрудников.

К исследованиям подключились также не догматически мыслящие академики Кобзарев и Авраменко, сотрудник института минералогии А. Охатрин. В этом же

институте инженером Карпом разработаны первые приемники и генераторы микролептонных излучений, изучено их воздействие на биологические объекты. Эксперименты и теоретические расчеты А. Охатрина и его сподвижников показывают, что существует более ста разновидностей микролептонов, отличающихся по массе и другим параметрам. Об этом ученый рассказал в июле 1990 года в интервью «Рабочей трибуне».

В конце 1988 года в СССР был создан Всесоюзный комитет по проблемам энергоинформационного обмена при правлении Союза научных и инженерных обществ. Там однозначно был подтвержден феномен дистанционного воздействия на биологические объекты различных видов излучений и полей, которые не признаны официальной наукой, поскольку существенно отличаются от электромагнитных. Они не имеют ограничений по дальности распространения и воздействия на живые и неживые объекты, проникают через любые экраны, в том числе и металлические, оказывают по желанию оператора биостимулирующее и угнетающее воздействия.

Даже маститым ученым, не говоря уже о рядовом обывателе, в это трудно поверить, поэтому число скептиков огромно. В общедоступных источниках на эту тему опубликован ряд статей, имеющих либо спекулятивный, либо дезинформационный уклон. Однако действительность опережает все и всяческие предположения.

С другой стороны, ломка общественного сознания способствовала тому, что повсюду появились всякие колдуны, ведьмы, сенситивы, которые под видом народных целителей проповедают черную магию, используют негативные методы пси-воздействия на людей. Не сомневаюсь, что у многих закоренелых материалистов при упоминании о ведьмах и колдунах появится едкая усмешка: вот, мол, в мистику ударился, байки рассказывает! Не стану их за это винить — на сей счет мало объективной информации. Однако не грех помнить, что наши предки весьма негативно относились к чернокнижникам, а церковнослужители даже отправляли их на костер. За что? Слишком ощутим был причиняемый вред!

Мало кто знает, что ведьмы и колдуны имеют свои довольно подробные тайные учебники. Уже на первых ступенях овладения черной магией колдун должен отлично знать анатомию, физиологию, энергетику человека и все его уязвимые места, использовать эти познания в своей практике. Симптоматично, что эти сведения аккумулировала парапсихология — основа психотроники. И страшно себе представить симбиоз колдуна с техническими достижениями в деле создания психотронного оружия!

Но если ведьмы и колдуны хранят свои познания в тайне от непосвященных, то многие школы восточных единоборств, например, «секотан-каратэдо», используют подобные сведения для своих целей, таких, как астральный удар по врагу, техника «мертвого касания», прободение ауры и нанесение противнику энергетических «свищей», внедрение энергетических «опухолей», наведение порчи и др. Они учат, как перессорить людей.

И это лишь малая толика того, что восточные единоборства заимствовали из черной магии и за определенную плату готовы передать любому желающему в виде практических навыков, пособий, книг. Так черные знания, как зараза, распространяются среди населения. Уже из этого видно, что колдуны, ведьмы, парапсихологов и психотронное оружие связывает одна нить. Кстати, не вдаваясь в подробности, хочу напомнить, что служители православия издревле знали и знают способы борьбы с этой нечистью...

Приходится с сожалением констатировать, что в России пока еще нет законов, защищающих граждан от астрального каратэ, энергетического разбоя, от посягательства на пси-неприкосновенность со стороны различных доморощенных «повелителей толпы». Так, в Хабаровске действует «Амурский феномен», где наряду с действи-

тельно одаренными экстрасенсами, помогающими страждущим, подвизаются и довольно нечистоплотные личности. Проводит свои семинары международный научно-учебный центр «Дельта-Информ», возглавляемый кандидатом технических наук Б. Е. Золотовым. Неискушенная молодежь, польстившись на броскую рекламу, едет со всех концов страны, надеясь овладеть биоэнергетикой своего организма. Они дорого платят за участие в семинарах, не ведая, что являются для организаторов подопытными кроликами. Об этом подробно рассказано в статье П. Мухортова «Фабрика» Зомби: российский вариант?!» Приведу здесь квинтэссенцию признаний участницы и участника семинара, проходившего в Сочи.

Основной контингент «семинаристов» составляли парни и девушки в возрасте 18—19 лет, прельстившиеся обещанной возможностью за две недели стать экстрасенсами, научиться выходить в астрал, общаться с инопланетянами, освоить левитацию, ясновидение; хождение по воде... А на них Золотов и К⁰ отработывали приемы управления толпой, массажи, забирали волю к самостоятельной жизни. Хорош учитель, который специально старается вызвать гнев обучаемых, доводит их до того, что они выхватывают из его рук мел и съедают, бросаются за ним зимой в море прямо в одежде, утрачивают стыд. Был случай, когда Золотов попросил своего 14-летнего ученика продемонстрировать приобретенные способности школьникам. Тот встал в центр круга, образованного ребятами, и предложил любому желающему подбежать и ударить его. Один мальчик попытался это сделать, но, не добежав нескольких шагов, упал и стал корчиться. На вопрос, зачем это нужно, Золотов ответил: для самозащиты от преступников. А если преступники овладеют такими приемами? На семинары-то берут всех подряд, только плати!

В рекламном фильме Золотова есть такой эпизод: он стоит на горе и движениями пальцев управляет учениками, толпящимися внизу. Они были в таком соетвении: прикажи он прыгать в море — прыгнут, прикажи купаться в фонтане — купаются, прикажет спрыгнуть с пятого этажа — бросились бы. Ведь еще в самом начале семинара Золотов обмолвился, что вынимает у каждого мозг, вставляет в него программу и вкладывает обратно. Такая вот экстрасенсорика!

— Они находились в режиме подчинения, — объясняет «просвещенный». — Золотов мог управлять ими и без рук. Смогли бы они воспротивиться? Да, но все равно выполняли бы его желания, ибо на определенной стадии обучения утратили способность противостоять. Был один, попытавшийся воспротивиться, но у него ничего не вышло. Его даже отпустили, он уходил, но вновь бежал на «зов» своих повелителей, ходил перед ними на четвереньках, умоляя — ну хватит!

Удивительно ли, что у многих «семинаристов» формируется стойкое желание снова поехать на «учебу». Где угодно взять деньги, найти Золотова и быть рядом. И лишь некоторым в сознание постепенно закредевает тревога: почему никто не объяснит, для чего готовится такое огромное количество людей? Ведь все прошедшие курсы становятся как бы пирамидой, единой многоярусной системой! Кто будет на вершине? Не станут ли в конце концов все выполнять волю одного? Кому нужна такая зависимость от «учителя»? Если цель добрая — чего же скрывать? Но цель злая! Людями управляют помимо их воли. «Я видел людей-зомби, — признался один из участников семинара, — и ни за какими способностями я туда больше не поеду!» Устоит ли, не станет ли ползать на четвереньках? — вот в чем вопрос.

— Это все не только сам Золотов придумал, — защищает его М. А. Мильчин, врач, участник его семинаров. — Эта методика отработывается Академией наук СССР...

В. И. Избежский, зам. директора Исследовательского

центра ноосферы, лично спрашивал Б. Е. Золотова о целях и задачах проводимых экспериментов и получил довольно любопытный ответ. Земля, мол, гибнет, скоро человечество переходит на другой уровень, и сейчас создаются силы, чтобы этот переход был удачным. То есть некий Лидер — сам Золотов — готовит большие массы народа (по его терминологии — энергомассы), которые в нужный момент отдадут ему свою энергию, а он ее израсходует по усмотрению.

Сам Золотов, выступая перед своими последователями в Хабаровском железнодорожном институте, так представлял свой «Дельта-Информ». Вышло, что это — некая неправительственная организация, мощная, межгосударственная, которая уже взяла власть в свои руки и ведет планету к спасению. Кого будут спасать? У дельтаинформовцев принято свое особое деление по категориям: на полноценных — неполноценных, готовых — неготовых. А вот наиболее существенную информацию они скрывают, хотя просочились сведения, что ими уже изготавливаются специальные электронные приборы...

А теперь послушаем рассказ Наташи, которой на подобном семинаре тоже «промыли мозги», и она до сих пор боится, что не «выдралась» из-под опеки «учителей» с психфака и филфака МГУ. «Потом вовсе начались всякие хитрые штучки: подсознательные сообщения, тренировка сознания на их восприятие и постоянное ласковое убеждение: «Вам тут хорошо... хорошо», «все интересно, ваша память тренируется... вы познаете себя», а под эту песенку постоянно давались «кустановки» их излюбленным методом»...

Что об этом думают психотерапевты? Такое воздействие допускается как метод лечения больных. Заниматься этим может лишь дипломированный врач, под жестким контролем и только в индивидуальном порядке, а не массово. В приведенных случаях воздействие на людей было преступным, так как в итоге наблюдаются нарушения психики — ведь большинство участников находятся в юношеском возрасте, у них еще не сложилась система оценки окружающего мира и самих себя... На это, вероятно, и делают ставку Золотов и К°.

В Америке несколько лет назад тоже велись подобные эксперименты, но общество сочло их социально опасными и запретило. А «Дельта-Информ» имеет 60 отделений, выпустило за эти годы несколько тысяч экспертов-операторов сложных систем, наиболее продвинувшиеся из которых могут набирать учеников, создавать свои группы...

И кандидат технических наук Золотов не успокаивается на достигнутом — все более расширяет сеть филиалов своей организации. Если учесть, что начинал он в Хабаровске, то вполне понятно: там немало его прилежных учеников и сподвижников, которые тайно и на высоком профессиональном уровне разрабатывают программы комплексного воздействия на психику человека. Вот и в г. Дальнегорске Приморского края функционирует лаборатория по аномальным явлениям Дальневосточного отделения АН СССР. Руководит ею Александр Глаз, который разоткровенничался с журналистами: «Работы по изучению измененных состояний человека, свойств информационно-энергетического двойника, времени и пространства мы начали в 1983 году... Нас «посещает» удача, происходит подключение в неизвестному источнику информации... Вся наша деятельность осуществляется на полуправильной основе, под прикрытием некоторых групп по изучению аномальных явлений».

В январе 1990 года А. Глаз обращался к заинтересованным организациям и отдельным лицам с предложением обменять информацию о достигнутых результатах на материальную поддержку. В частности, предлагалась методика превращения человека в биоробота-зомби. Вот лишь часть его: информационного обзора исследований «Достиженные результаты и возможности «Группы-2».

Если перевести все это на общепонятный язык, то предлагается стирать память, внедрять в психику человека любые поведенческие программы, в том числе и преступного порядка, изменять черты характера, не исключая хорошие, и закладывать команды, которые могут сработать независимо от человеческой воли и сознания даже через несколько лет. Совокупность таких команд может быть сложной — гибкая программа. Еще более страшно то, что эти насильственные изменения психики через некоторое время переходят в область закрепленных рефлексов, становятся неотъемлемой частью изнасилованного сознания. Если в процессе кодирования не задается обратный механизм, то изменения становятся необратимыми и раскодировке не поддаются. Биоробот-зомби готов.

И тем не менее доктор технических наук Ф. Ханцеверов считает просто нетерпимым существующее до настоящего времени предвзятое отношение к биоэнергетике. Учитывая ее потенциальное стратегическое значение для всех сфер жизни, пора вывести существенную биоэнергетику из подполья. Во всем мире давно уже не теряют времени на дискуссии типа «есть ли биополе», а ведут наработку практических результатов. Мы же тратим время, и кто знает, чем обернется наше отставание.

Задумайтесь над этим мнением угнетенные, но радостные, обобранные, но счастливые! Не мы ли были идеальными гражданами с точки зрения правящей элиты? Сегодня, правда, начинаем понимать, что не избежали массового зомбирования, ибо не одно десятилетие подвергались безжалостной, угнетающей психику идеологической обработке. Ведь кто такой биоробот-зомби? Это человек с деформированной психикой, не способный самостоятельно и объективно оценивать факты и события, поступающий в соответствии с заложеной в него программой. Вы скажете, что таких среди нас нет или их очень мало? Ошибаетесь! Недаром на 1/6 земного шара в течение 73-х лет не просто культивировалась лень мысли, но вообще искоренялось мышление как таковое. Человеку с раннего детства закладывали в сознание призывы, лозунги, цитаты, формирующие необходимый системе стереотип поведения. Поэтому в той или иной степени зомбированными оказались почти все жители бывшего СССР, еще вчера вопреки всему уверенные, что они «впереди планеты всей».

Как определить, что на человека начато энергетическое нападение? Если суммировать жалобы потерпевших, то большинство нападений началось так. Вначале появляется легкое высокочастотное жужжание примерно в полуметре от головы, ощущается воздействие на левый висок, напоминающее подключение к нему слабого электротока. Позже появляется боль, словно вскрыт свод черепа. Человек может тогда услышать голос, который успокаивает и сообщает очень интересные сведения. Это и есть решающий момент.

Пока еще не разрушен центр воли, следует мысленно категорически отвергнуть восприятие голоса. Как правило, это помогает. Полезно тут же принять таблетку тазепема или фенотазепема, либо другого успокаивающего средства, что понижает чувствительность нейронов и биологически активных точек. Воздействие прекратится. Если же начать прислушиваться, то через некоторое время самоконтроль утрачивается и... человек готов к перепрограммированию. Дальше следует считывание информации из подсознания жертвы, после чего голос воспринимается уже как принадлежащий родственнику или другу, что еще сильнее вводит в заблуждение. Начинаются и зрительные галлюцинации. Жертва психической агрессии перестает понимать, где реальная жизнь, а где навязанная извне иллюзия. Так, пройдя три уровня перепрограммирования, индивид превращается в управляемого биоробота-зомби. Второй путь воздействия на подсознание возможен через участок шеи между 1—7 позвонками и через гипофиз.

В конечном итоге такой человек попадает в больницу с диагнозом «шизофрения». Приходится с сожалением констатировать, что многие врачи-психиатры не знают всех истинных причин этого заболевания. Иногда подобные воздействия идут от представителей внеземных цивилизаций черного духовного мира, но они все же отличаются от земных источников. Гораздо чаще пси-агрессия исходит от конкретных людей.

Об этом, в частности, сообщал специальный корреспондент «Комсомолки» В. Умнов в пространной статье с симптоматичным названием «Шизофрения на почве КГБ?»

Главный персонаж статьи В. Умнова — подполковник-инженер КГБ в отставке — жертва родного ведомства, организовавшего с неизвестными целями СВЧ-облучение его квартиры с 1977 года, а потом списавшего его в отставку по стандартному диагнозу «вялотекущая шизофрения». И неважно то, что Международный независимый исследовательский центр по психиатрии и Независимая психиатрическая ассоциация пришли к выводу: он не страдает психическими заболеваниями и не страдал ими ранее. И уж совсем пустяки, что этот «вялый шизофреник» после «выбраковки» аж 11 лет работал в институте одного из режимных министерств, был заместителем главного инженера, парторгом института, закончил Высшие инженерные курсы при Госстрое СССР с отличием, университет марксизма-ленинизма при МГК КПСС с отличием, Высшие экономические курсы при Госплане СССР с отличием, имел допуск к работе с закрытыми документами по форме № 1...

Стать шизофреником в нашей державе было до последнего времени очень просто. А ну-ка, примерьте на себя и своих знакомых такие исходные данные. На ранних стадиях «больные» становятся неразговорчивыми, необщительными, замыкаются в себе; они теряют интерес к своей работе, учебе... ими овладевает интерес к таким областям знаний и к таким занятиям, к которым они ранее не испытывали никакого влечения (философия, математика, религия, конструирование, коллекционирование)... Нередко на задаваемые им вопросы они отвечают длинными путанными рассуждениями, бесплодным мудрствованием, лишённым конкретности... Один из важнейших симптомов психических болезней — бред преследования. И извлечено это не откуда-нибудь, а из медицинской энциклопедии!

По сложившейся порочной практике всякое утверждение об облучении рассматривалось как мания преследования и служило поводом для выяснения психической полноценности облучаемого. Вот и герой-жертва из статьи В. Умнова сразу угодил в шизофреники, как только заговорил, что его квартиру облучают. О том, что это не бред, свидетельствуют замеры. Они показали, что напряженность поля в его квартире в сотни, тысячи раз превышает предельно допустимые нормы.

Подобные замеры и эксперименты проводились и в других подозреваемых квартирах. Результаты совпадают. И в редакцию «Труда» несколько раз обращались люди с рассказами о неведомых таинственных лучах, преследующих их в собственных жилищах, демонстрировали весьма странные ожоги на теле. Они заявляли, что человек, попавший в зону действия такого луча, слышит голос, вступающий в беседу, а потом начинающий отдавать приказы, которым трудно не повиноваться. «Воздействие на меня началось с октября 1985 года, после того как я стала открыто критиковать первого секретаря горкома, — жалуется В. А. из Воронежа. — Они управляли моим сном, мыслями, вызывали болевые ощущения... Когда спрашивала «Кто вы?», они отвечали, что работают в ЦУЛИП — центре управления людьми и приборами». В результате за 4 года В. А. около десятка раз попадала в психбольницу. Примерно так же сложилась судьба и других граждан, жаловавшихся на воздействие пси-оружия.

Значит, В. Умнов пришел к обоснованному выводу,

что СВЧ-излучатели, способные создавать потоки вредной энергии, существуют, в том числе и в портативном варианте; они продолжают совершенствоваться и у нас в стране, и за рубежом.

Под этим углом зрения далеко не случайным представляется тот факт, что в «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию» даже в 1990 году входили данные о «технических средствах (генераторах, излучателях) для воздействия на поведенческие функции человека (создание биороботов) и научные исследования, опытно-конструкторские работы в области создания и использования... СВЧ-генераторов и ускорителей в военных целях и воздействия их излучения на... человека», а также данные о «заболеваниях военнослужащих, возникающих при работе... на излучающих устройствах сверхвысокочастотного (СВЧ) диапазона». К чему бы засекречивать то, чего якобы нет? Нет генераторов и излучателей, нет пострадавших от их применения — ничего нет, и... завеса секретности!

Наверняка есть! Ведь еще 31 января 1974 года Государственный комитет по делам изобретений и открытий зарегистрировал «Способ вызывания искусственного сна на расстоянии с помощью радиоволн». Этот гипноизлучатель был изготовлен и успешно опробован в одной из воинских частей. А чем солдаты лучше подопытных морских свинок? Такие же бесправные! Не верите? Тогда прочтите в «Труде» от 1 января 1992 года заметку о том, как солдата сдали в аренду на 2 месяца лицам армянской национальности, торгующим на рынке г. Партизанска цветами...

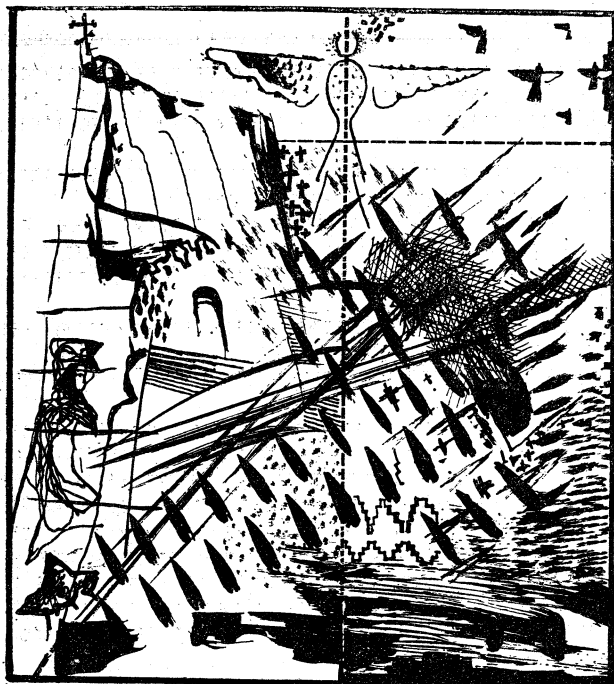
Выходит, не из паникерских соображений с требованием запретить в нашей стране пси-оружие, чрезвычайно вредно действующее на психику человека, выступили четверо ростовских ученых-медиков, которые направили открытое письмо М. Горбачеву и Б. Ельцину, а также в комиссию по правам человека России? Они подчеркивают, что такое оружие способно полностью подавить волю человека, сделать его послушным исполнителем команд обладателя пси-излучателя, в том числе вызвать агрессивные состояния.

Услышан ли призыв? Пока не ясно. А ведь «Комсомолка» и раньше предостерегала, что в стране есть научные группы, которым не составит большого труда построить психотронный генератор для дистанционного контроля за человеческой психикой. Ее сотрудники выяснили, что на такие исследования уже израсходовано полмиллиарда рублей. Заказчиками разработок были — Министерство обороны, Минатомэнергопром, КГБ и Военно-промышленная комиссия кабинета Министров СССР. Цели оцените сами: дистанционное медико-биологическое и психофизическое воздействие на войска и население названными излучениями.

Все упомянутые союзные структуры, как известно, расформированы. Но что скажут их правопреемники о результатах пси-разработок? Или и вправду полмиллиарда потрачено впустую, на лженаучные исследования, имеющие признаки крупномасштабной аферы, как писал в редакцию «Комсомольской правды» член-корреспондент АН СССР Е. Александров? Тогда надо бы спросить с аферистов от науки!

Поднятая проблема чрезвычайно важна. Потому хотелось бы услышать из официальных источников ее вразумительное разъяснение. Ведь золотовские и другие семинары продолжают, идет программирование молодежи, а кто-то, вероятно, держит палец на кнопке, пускающей в ход пси-оружие.

А может, эту кнопку уже неоднократно нажимали? Пока официальные инстанции раскочаются, просим тех, кто сталкивался с чем-то подобным, работал в этом направлении, на себе испытал таинственные лучи, откликнуться, написать нам. Нужна правда о настоящем во имя будущего.

Рисунки
Владимира Ганзина

Василий ЩЕПЕТНЕВ

МЕРОПРИЯТИЕ ДВА ДРОБЬ ОДИННАДЦАТЬ

Кино-
рассказ

Василий Щепетнев, литератор из Воронежа, уже известен нашему читателю по повести «Ночная стража» («УС» № 10, 1991).

Новую свою работу автор предваряет так: «Замысел рассказа появился после того, как знакомый психиатр рассказал мне о случае групповой ликантропии (оборотничества), имевшего место в одном из сел Воронежской области. По мнению психиатра, ликантропия в тех условиях явилась патологической защитной реакцией психики, делающей возможным переход к каннибализму и тем самым дающей шанс на выживание. Подобные случаи описаны в медицинской литературе многократно. Особенно часто они встречаются в период бедствий...»

Вмятинка от удара приклада чуть заметной оспинной легла на светлую голубизну крашенных ворот.

Галка нехотя оторвалась от столба и полетела к куполу церкви, в бестолковый хоровод парящих товарок. — Оглохли, как есть оглохли. Открывайте, живо! — Федот опять поднял винтовку.

— Попортишь казенное имущество, — лейтенант соскочил с брички и застыл, не решаясь идти дальше.

— Отсидел ногу, — напряглось в улыбке его лицо, смехок рвался наружу:

Лошадь махнула хвостом, отгоняя слепня.

— Без расчета строили, — «козья ножка», посланная щелчком старшины, упала у ограды. — Сколько сил впустила извели. А камня!

— Жалеешь? — бричка скриннула, качнулась, а сержант-чекист уже стоял у невысокой старобеленой ограды, легонько пиная ее носком сапога.

Федот еще раз ударил в ворота. Лейтенант пошатнулся, переступил, лоя равновесие, и закусил губу. Как глупо!.. Но ноги оживали, щекотное бурление покидало их.

— Хватит попусту стучать, — остановил Федота сержант. — Перелезай на ту сторону да сам отопри.

Закинув винтовку за спину, солдат перевалился во двор.

— Знатное строение, большое, — Иван задрал голову к небу. — Попотеть придется.

— Попотеешь, не сомневайся, — усмехнулся старшина.

Створки ворот медленно распахнулись.

— Поглядим, — чекист шагнул вперед.

Возница легонько стегнул лошадь. Медленно, неспешно вкатилась бричка во двор.

Тишина. Лишь галки сверху подавали порой свой вредный птичий голос.

Райуполномоченный посмотрел по сторонам. Приехали? От портфеля на коленях, новенького, с тремя замочками, пахло химией, индустрией.

— Не сиротись, Игорь Иванович, присоединяйся! — чекист не выказывал никакого уважения к должности уполномоченного. Заносится...

Игорь Николаевич вздохнул, покидая бричку.

Теперь уже всемером стояли они на мягкой земле в тени храма.

— Жарко, — уполномоченный снял фуражку, мятым, но чистым платком вытер лоб.

А жары и не было. Утренняя свежесть цепко держалась в тенистых уголках.

— Я готов, Степан Власевич, — уполномоченный вернул фуражку на голову, одернул френч. Трудно гражданскому человеку среди военных.

— Тогда приступаем, Бердников — вперед!

Федот затрусил к дому, за ним, не мешкая, — чекист с уполномоченным.

Двор чистый, без всякой мелкой дряни — окурков, бумажек, спичек горелых. Нельзя смотреть в землю безотрывно. Что подумают? Уполномоченный покосился на чекиста. Серьезный мужик.

Федот махом вбежал на невысокое, в три ступеньки, крыльцо.

— Не заперто, товарищ сержант! — радостное нетерпение, предвкушение, восторг — чего больше?

— Ну и заходи! — Чекист деликатно подержал под локоть Игоря Ивановича, поднимаясь на крыльцо.

Пустое ведро громынуло где-то внутри, в темноте дверного проема. Федот шагнул, не отвлекаясь на пустяки.

Возница положил ладонь на лошадиную морду.

— Можно устраиваться, товарищ лейтенант?

— Погоди, Платоныч.

— Эх, бедолага, — возница достал ломтик хлеба, лошадь осторожно взяла его губами. — Устала, милая, потерпи.

— Сюда, сюда, товарищ сержант, — звал Федот. След его тянулся по дому — сбитые половики, поваленные стулья, опрокинутый аквариум — давно пустой, без воды, только галька рассыпалась по полу.

— Дух какой... — сержант пропустил Игоря Ивановича вперед.

— Поповский, — уполномоченный споткнулся о лежащий поперек дороги веник.

— Вот тут он, тут! — приплясывал у входа в комнату Федот.

— Остынь, Федя, не торопись. Разберемся.

Скрипнула половица, хлопнула распахиваемая дверь. Кровать — широкая, деревянная. Белое покрывало, а на нем лежал человек, лежал одетый в темно-зеленую рясу, на ногах — башмаки.

— Живой, живой, товарищ сержант, дышит.

Глаза лежавшего открылись. На бледном лице они, ярко-голубые, казались кукольными, нарисованными, — ни удивления, ни любопытства.

Сержант расстегнул планшет, достал сложенный вчетверо лист.

— Так... — бумага развернулась с легким хрустом. — Так... Гражданин Никодимов Сергей Николаевич? Могли бы встать, когда с вами власть разговаривает.

Лежавший не шевельнулся.

— Не желаете? Ну, да ладно. Гражданин Никодимов, вам официально предлагается сдать все имеющиеся ценности добровольно.

Глаза не мигая смотрели вверх.

— Молчим? Напрасненько, — сержант хмыкнул, спрятал бумагу. — Часики ваши стоят. Непорядок, — он потянул за цепь, поднимая груз, толкнул маятник чекуш. — Времечко нынче дорогое.

Федот придвинул табурет.

— Садитесь, товарищ сержант.

— Я, пожалуй, выйду. — Уполномоченный вопросительно посмотрел на чекиста. Тот пожал плечами. Игорь Иванович скользнул за спину Федота, быстро прошел на крыльцо и — вниз, на траву, к стоящим в ожидании саперам.

— Ну, как? — осведомился лейтенант. Хорошо ему, чистоплюйчику.

— Все в порядке. Он там один, товарищи из органов с ним разберутся.

— Платоныч, заводи лошадь на конюшню, — лейтенант посмотрел на часы — большие, переделанные из карманных, кожаным ремешком пристегнутые к запястью, подышал на стекло и вытер рукавом гимнастерки.

— Который час, товарищ лейтенант? — старшина знал слабость командира к часам. Дите малое, право.

— Десять семнадцать. Покурите четверть часика... — лейтенант отправился вслед бричке. Игорь Иванович дви-

нулся было за ним, но, дойдя до края тени, передумал. — Голодающий человек боль чувствует слабо, — доказывал Иван старшине, — ему что волк кусает, что комар, едино.

Старшина тянул очередную самокрутку, изредка сплевывая на землю желтую табачную слюну.

— Хоромы какие, а, товарищи? — уполномоченный подошел к ним поближе. — В городе пять рабочих семей с радостью в таком доме бы жило, а тут — одна поповская. Да что пять, больше.

Беспомощный тонкий крик, прерываемый только на вдохе, рвался из дома.

— А ты говоришь, слабо чувствуется, — старшина затоптал окурки.

— Цело ли старое зеркало? — Иван машинально паррал монетой звезду на стене церкви. Совсем пузырем несмышленым он был, когда мать притащила зеркало из дворца — так все называли усадьбу. Тяжелое, рама железная, витая. Хуторским вообще мало толкового досталось — пока прослышали, добрались до места, все стоящее расхватали. А мать в штору зеркало завернула и несла на себе шесть верст. Из шторы одежды попила на всех, а зеркало повесила на стену, да убрала почему-то скоро. На чердаке схоронила.

Вскрики становились тоньше и короче, и вдруг оборвались лопнувшей перетянутой струной.

Из конюшни вернулся лейтенант. Походка легкая, чуть не вприпрыжку.

— Отдохнули? Тогда пошли, посмотрим, что и как, с какого бока удобнее взяться.

Саперы во главе с лейтенантом скрылись в церкви. Солнце нестерпимо било в лицо. Чекист прищурился, заслонился рукой, привыкая.

— Товарищ сержант, давайте водички солью, — Федот поднял кувшин.

— Давай. — брызги свернулись в пыли, покатались. Далеко не укатятся.

— Вот полотенчик, руки оботрите. Эх, слабоват оказался попик.

— Муха навозная, а не мужик. Ладно, забудем, — он бросил полотенце Федоту. — Пошли, проверим дом на всякий случай.

Лом приятно тяжелил плечо.

— Не надорвись! — крикнул вслед возница. Конюх, что с такого возьмешь. Иван шагнул свободно, радуясь ясному дню. Здорово придумано: выдолбил норку, заложил заряд, гахнул — и готово. Интересно, весело. Будет о чем рассказывать после армии. И командиры хорошие, по пустякам не дергают. А возвращаться ли в деревню? Может, ну ее, скукота одна. В саму Москву подаваться надо, как раз наборы идут на строительство подземной железной дороги. Успеть бы — служить еще долго.

— Как успехи, лейтенант? — чекист протянул серебряный портсигар, угощая.

— Помаленьку. Долбим камень. Успеем.

— А у нас — пусто. И сволота эта подохла. Семьи нет, в город, гад, отослал. Федот аж расстроился, бедняга. — Ничего, значит, не нашли?

— Пусто, говорю. Может, и спрятано где. Будем искать, но... — сержант махнул рукой. — Главное, точно ничего не знаем. Слухи одни, догадки. Где-то в нашей

области сокровища лавры упрятали, а может, и не в нашей...

Они помолчали.

— Да, лейтенант, ты Ивана на десять минут одолжи, дохляка из дома убрать. Нам же в нем ночевать.

— Пришло, как ковшит.

Лейтенант раскрыл блокнот, вывел нужную формулу, подставил коэффициенты.

Уполномоченный оторвал его от расчетов.

— Вы уверены, что управитесь вовремя?

— Конечно, не беспокойтесь.

Игорь Иванович перевел взгляд на церковь.

— Если бы до основания, вдребезги, а?

Лейтенант покачал головой.

— Дорого. Взрыв демонстрационный. Купол снесет. А строение пригодится.

— Разумеется, разумеется. По плану сыпной пункт откроем, в нем нужда острая...

Уполномоченный продолжал о чем-то бубнить, но лейтенант не слушал. Карандаш навис над цепочкой цифр, выбирая оптимальную массу заряда.

— А мебель дешевая, шаткая, как только держала толстопузую братию, — уполномоченный поглядывал из окна на Федота, ставящего для сержанта стул в тени дерева. — Нельзя дальше оттягивать, пора в село идти.

Бутерброд булжжником распирал нутро. Никак не избежать сухомятки. Он достал из портфеля коробочку с пилюлями, выкатил одну на ладонь. Не пожалели чеснока, колбасники, чтоб им...

Сержант уселся, сказал что-то своему подопечному, и Федот бегом бросился за угол. Ретивый паренек.

Уполномоченный поднялся. Желудок после пилюли привычно занемел, дая два часа передышки. Диету советуют доктору. При его-то работе...

Сержант обернулся на шаги.

— Отдохнем, Игорь Иванович? Сейчас Федот придет, второй стульчик принесет, посидим в холодке, а?

— В село идти надо, народ организовывать, — хотел же сразу, да пока то, се... Да и сержант советовал не спешить.

— Воля твоя, Игорь Иванович, иди. А то посидим.

— Мне сопровождающий нужен, — сам же и должен со мной идти. Ишь, барин.

— Саперов зови, пусть динамитом председателя трянут. Мы полдня кояготимся, а он, думаю, и не догадывается.

— Саперы не годятся.

— Федота бери, — сжалился сержант. — Не по чину ему засиживаться. Вот он, сердешный, Федя, поступаешь в распоряжение товарища Пышкава.

— Тогда отправляемся, — накатило. В теле легкость, энергия струилась по жилам. Любил Игорь Иванович себя такого: решительного, уверенного, скорого на подъем.

— Пешком? — позволил себе поморщиться Федот

— Что лошадь зря тревожить, возня одна, — он упряго зашагал к воротам.

— Винтовку возьми, — тихо приказал сержант. Федот метнулся в дом, но как ни спешил, догнать уполномоченного сумел только на полпути. Правда, и путь — четверть версты всего: спустился с пригорка, и вот оно, село.

Оцинкованный ящик аккуратно лег на полку. Окошечко чулана крохотное, в ладонь, в косом солнечном луче пылинок выплясывала уйма. Старшина задержал дыхание — как такую гадость в себя пускать.

— Ты дерюжку сверху положи, — заглянул в дверь лейтенант. — Без детонатора взрывчатка безопаснее капи манной, но несведущие люди недоверчивы и боязливы, пусть не видят.

Старшина вышел в коридор и только тогда вдохнул полной грудью. Экономия бесполезная, одна морока. Не стал лейтенант всю взрывчатку закладывать, половинки, говорит, хватит. Возись теперь. Вот харчишки сэкономить — да, на них теперь что хочешь получить можно. Ничего, сообразим...

— Изба-читальня. Тут и смотреть нечего. — Федот пошел было дальше, но уполномоченный удержал.

— Зайдем, проверим.

Шаткий, узкий столик, несколько газет, брошюрки.

— Каждому колхознику в руки — книгу! — прочитал Федот плакат на стене. Бородатый мужик с умильной улыбкой углубился в толстенный том на фоне золотой стены хлебов.

На тумбочке в углу — граммофон.

— Шикарно живут! — подскочил к нему Федот, крутанул рукоять. — Пружина лопнула. Какую граммофонную сломали... — разочарованно протянул он.

— Газеты несвежие, — уполномоченный склонился над столом.

— Ну, а так? — Федот пальцем раскрутил диск, положил на пластинку адаптер. Голос визгливый, петрушечный, перешел в певучий женский и, забасив, умолк.

— А мы его этак! — он прокрутил диск в обратную сторону. Отрывистая тарабарщина ревела из трубы, всхлипывала музыка, а он слушал, склонив голову на бок, пока диск не остановился.

— Журнал посещений три недели не ведется, — Игорь Иванович захлопнул амбарную книгу. — Попрятались все, что ли? Непонятно.

— Так уж и попрятались, — Федот поднял за уголок брошюрку. — «Агротехнические указания по возделыванию сахарной свеклы». Надо же. И свекла без указаний не вырастет.

— А где же все?

Федот разжал пальцы, и брошюра с шелестом упала на пол.

— Где, где... Там, — он, не оборачиваясь, вышел.

Солнце отогревало, ласкало и нежило. Лейтенант потянулся, изгоняя остатки промозглого сумрака церковного подвала. Какая могучая конструкция! Он усмехнулся, вспомнив желание уполномоченного — до основания! Хотя, если правильно выбрать точки... Порядка тонны. Да, не больше.

Он подошел к стоящему у ворот чекисту.

— Благостно как! — улыбнулся ему сержант. — Заколдованное сонное царство. Не жалко грохотом своим будить?

Над крытыми соломой крышами — ни дымка. Покой...

— Мы тихонечко, хирургически. Чик — и готово. По новой методе.

— Методе... — протянул сержант. — Много осталось делать?

— Чуток. Сноровка нарабаталась.

Пустое, безоблачное небо колпаком огородило весь остальной мир. Безмолвие висело над храмом, неслышно звенящее безмолвие.

— Надо закругляться, — лейтенант повернулся, но хлесткий звук выстрела остановил его. Так теплилось, что минует, а — нет.

— Спокойно, лейтенант.

Второй выстрел.

— Вот они! — Лейтенант указал на две фигурки, то ропливо взбиравшиеся по дороге от села к церкви.

— Как чешут, голубчики! — сочувственно сказал сержант.

И в самом деле — минуты через три уполномоченный и Федот заходили во двор.

— По какому случаю пальба? — без любопытства, скушающе спросил сержант.

— Да вот пришлось шлюху кулацкую пристрелить. Бросилась на меня, убить хотела, — Федот показал царапину на шее.

— Отыскал-таки, ходок. Никак без этого не можешь? Я тебя предупреждал.

— Нет, нет, — отдышавшись, вмешался уполномоченный, — совсем не то. Безлюдное село оказалось. В конторе — никого, зашли в одну избу, другую — нет людей. А в третьей — сидит женщина и грызет что-то. Мы подошли, посмотрели — рука человеческая. Сырая! А она взяла и кинулась на Федота. Кусается, царапается. Еле отбились, а она не унимается. Вот и пришлось стрелять.

— Точно так и было, товарищ сержант, — солдат засучил рукав. — До крови укусила, видите?

— Ладно, спрячь. Пострадал, отмечу, — чекист повернулся к лейтенанту. — Брунда какая, а приравнивается к ранению.

— Может, она бешеная, — Федот опустил рукав, обижено потупился.

— Значит, в конторе никого, — не обращая больше на солдата внимания, заключил чекист.

— Ни в конторе, ни в председательском доме. И вообще — животные никакой, даже кур нет. Мы и на конюшню заглянули, и на ферму... — уполномоченный развел руками.

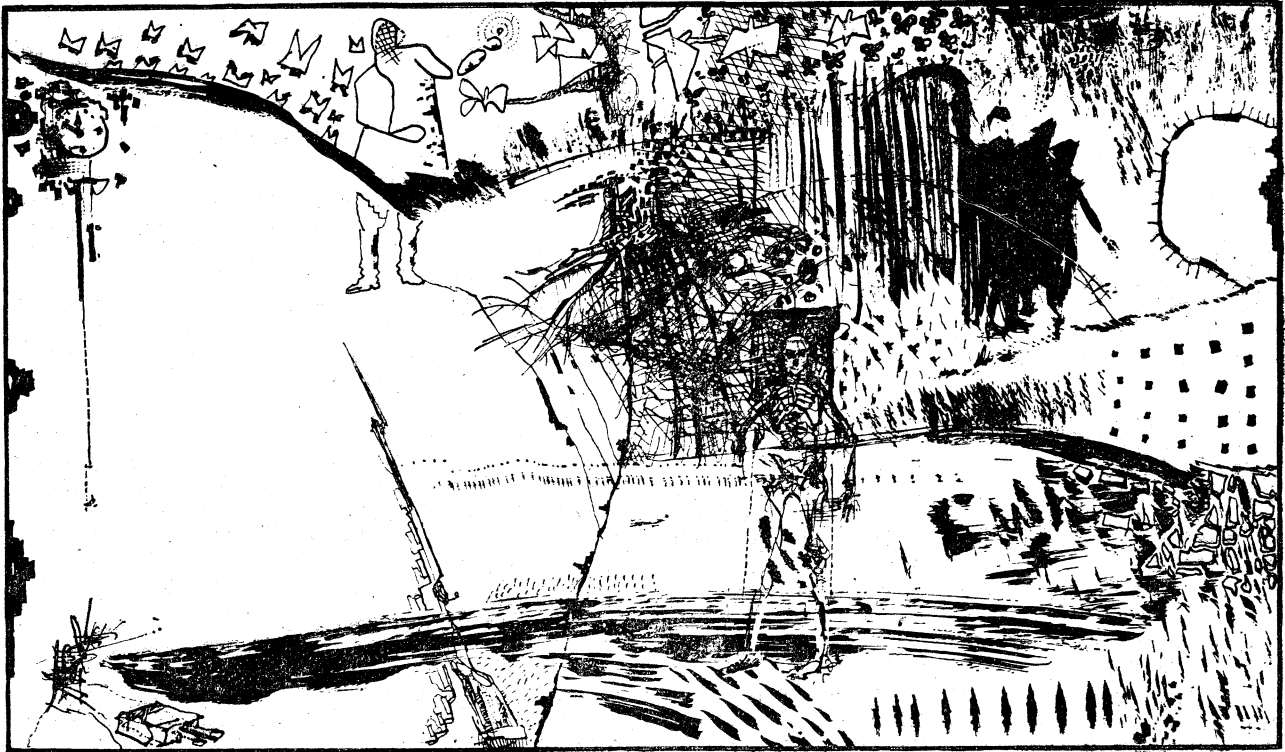
— Понятно. Ладно, Федот, не скучай. Авось, выживешь, в приказе отметят, в старости внукам рассказывать будешь, как крови своей не жалел ради них, борясь с нечистью, — чекист говорил, не скрывая скуки.

— Раз так, то, может, сейчас и кончим? — предложил лейтенант. — Что время терять-то?

— По плану мероприятие проводится точно в девятнадцать пятьдесят, перед закатом, — заволновался уполномоченный. — Есть четкие предписания, отступления недопустимы.

— Не будем, не будем отступать, верно, лейтенант? — успокоил его чекист. — Отступление вообще не наш метод. Подождем до вечера.

Уполномоченный поднял глаза на коротенький строй. Шесть человек всего — без него. А в инструкции акцентируется — мероприятие проводится в присутствии всех жителей населенного пункта, обязательно выступление представителей актива, ударника, пионера. Взгреть могут — не обеспечил, поди, оправдывайся — никого нет. Он снова уткнулся в текст.

— Выкорчевывание корней реакционного духовенства, товарищи, несомненный признак нашего движения вперед. Народу не нужны культовые строения, взамен них он обретает клубы, стадионы, дворцы культуры. Мы все, как один, с радостью и без сожаления расстаемся с пережитками прошлого ради новой, светлой жизни, — он не сдержался, кашлянул в кулак. — У меня все.

— Ура, — негромко уронил чекист.

— Старшина, приступайте, — лейтенант смотрел на багровое, тусклое солнце, садившееся далеко за селом. Здесь, у ограды, снаружи, оно казалось чужим, отличным от дневного, теплого и милого. В стороне, на кладбище уже пал вечер, солнечные лучи касались лишь верхушек крестов.

— Отчего это кладбища всегда около церквей стоят? — вполголоса спросил Иван.

— Попам далеко ходить лень, им под боком все иметь хочется, — снисходительно объяснил Федот. — А нашему понюку вообще подфартило, в своем погребке устроился.

— Разве его не похоронят?

— На кой? — сплюнул Федот.

Старшина вернулся, коротко доложил:

— Готово!

— Укрыться! — скомандовал лейтенант и, подавая пример, присел на корточки под оградой.

Иван ждал. В прошлый раз бабахнуло — ого! Успехлопов парочку зацепило, хоть и недалеко стояли.

Дрогнула земля, миг спустя сухо прошуршало поверху. И все?

Иван распрямылся. Столб пыли, алый от закатного солнца, стоял над церковью. Купол — исчез.

— Получилось! — Лейтенант сиял. — Точно и аккуратно, можно в центре города проводить!

— Получилось, — согласился чекист. — Идем?

— Подождем, пока пыль оседет.

Низкий, поземный звук-тряс шершаво сжал сердце Ивана.

— Что это? — и уполномоченный пожегился нездорово.

— На канонаду похоже, когда большие калибры вступают, — старшина вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Гроза, должно быть, — беспечно махнул рукой Федот.

— Думаю, это соседи голос подают, — задумчиво, не по-армейски ответил лейтенант. — Герасимов в Усмани сработал, Игорь Иванович, сегодня ведь не мы одни взрываем?

— Нет, по плану мероприятия проводятся в пяти точках области.

— И время одно, верно?

— Да, девятнадцать пятьдесят, — подтвердил уполномоченный.

— Похоже, вправду гроза собирается, — Иван отложил топор. — Весь день ясное небо, а как ночь — ни звездочки.

— Что тебе в них, звездочках? — Старшина раскладывал костер. — Без них забот хватает.

— Вот, на разжог пригодится, — Федот тихо скинул кипу дров наземь. — Налетай, подешевело! Велено употребить по назначению.

— Употребим, раз велено, — старшина выдрал листы, смял в шарики.

Загорелась бумага, от нее — щепочки, а там и весь костер занялся.

— Какой огонь! — восхитился Иван. — Цирк!

Словно ящерки огненные заскакали — красные, зеленые, голубые. Языки пламени изгибались причудливо

в дуги, спирали. Умельцем оказался старшина, право.

— Ого! — воскликнул с крыльца лейтенант. — Степан Васильевич, выйди, посмотри! Бенгальский огонь, а не костер!

Басовый, тягучий звон морской волной качнул Игоря Ивановича и унесся в ночь. Откуда он? Колокола по весне поносили, нет их. Он оглянулся.

— Ищешь что, Игорь Иванович? — сержант пытался прикурить от костра.

— Звон слышали?

— Звон? Нет.

Уполномоченный посмотрел на лейтенанта — уши помоложе. Тот покачал головой.

— Нет, ничего не слышно.

— Показалось, — отступился уполномоченный.

— Переставь лампу на окно, — попросил сержант. — И ставни закрой.

— Не душно будет? — уполномоченный отодвинул портфель.

— Переждемся. С открытыми мы, как в тире, — любой лишенец подстрелить может, — сержант расставлял на столе еду: круг копченой колбасы, вареная картошка, сало, лук, малосольные огурцы, яйца и, последнее — высокая бутылка мутного первача. — Кушать надо в спокойной, безопасной обстановке.

— И я захватил, — уполномоченный поставил бутылку поменьше.

— Рыковка? Годится. Хотя градус, конечно, слабоват.

— А вот и мы, — лейтенант вошел в комнату, в руках — стопочка тарелок, стаканы, пол мышкой зажата связка свечей. — Мобилизовал на кухне.

— Наливай, лейтенант, общество доверяет, — чекист содрал шкурку с колбасы.

— Стаканчик граненый, наган вороненый, горилка чиста, как слеза, — напевая вполголоса, лейтенант раскупорил бутылку.

Уполномоченный изучал свечу.

— Обгрызенная какая-то. И зубы человеческие, похоже, не крысиные, — он встал и ее в подсвечник.

— Садись, Иванович, — позвал сержант. Стакан застыл в его руке. — За успешное окончание мероприятия... Какое оно в списке-то? Два дробь одиннадцать!

Хочет из командирской комнаты заставить старшину приоткрыть глаза. Гуляют начальники, угомониться не могут. Ну и пусть себе гуляют.

Он повернулся на бок, натянул на голову одеяло, отгораживаясь от прошедшего дня. Тепло разливалось по телу, убаюкивало.

Федот долго смотрел на сопящего старшину, потом смахнул крошки со стола, прикрутил фитиль лампы и, положив голову на руки, задремал.

— Моя супружница сало солит иначе, — дохрустывая огурцом, заявил уполномоченный. — Берет она...

— Погоди, — чекист прислушался. — Брунда, — он откинулся на спинку стула.

— Продолжай, Игорь Иванович, — лейтенант вертел в руках маленький, не больше папиросы, металлический цилиндр.

— А что продолжать? — уполномоченный взял бутылку, разлил остатки по стаканам. — Конец горилке.

— Ты про сало рассказать хотел.

— Правда? — удивился уполномоченный. — А ну его...

Сержант, вывернув руку, пытался достать спину.

— Что с тобой, Власевич? Укусил кто?

— Как яиц переем, волдырь вскакивает. И всегда в одном и том же месте. Чешется, мочи нет.

— Давай пособлю. — лейтенант перегнулся через стол, поскреб спину чекисту.

— Во, во... — прижмурившись, замурлыкал чекист, — самое туточки.

— Что это за штука? — уполномоченный поднял со стола цилиндрок.

— Пиродетонатор.

— Что, что?

— Пиродетонатор, без него взрывчатка не взрывается.

— Он может рвануть?

— Если поджечь, — лейтенант взял детонатор из рук уполномоченного. — Собственно, это футляр, а сам он внутри. Отличная вещь, надо сказать, незаменимая в работе. Нертуные детонаторы, те и сами могут... — он спрятал цилиндрок в нагрудный карман гимнастерки.

— Умен ты, лейтенант, не по годам, — насунился вдруг уполномоченный. — Хочешь совета? Не выхваляйся, не отрывайся от масс, — свободной рукой он оперся о стол, поднялся. — За то, чтобы всегда быть с массами! — Он выпил самогон, как воду, не поморщившись.

— Ты, Иваныч, лейтенанта не замай, — сержант положил руку на плечо офицеру. — Нашей власти умные люди нужны. Для них — все дороги открыты. За открытые дороги!

— За них! — вторил лейтенант.

— Грызи науку, — пустой стакан поставлен вверх дном на тарелку. — Не жалея зубов. А источишь — вставишь новые. Вот, — чекист достал из планшета крестик. — Червоное золотое. Дарю!

— Да ну, Власевич, зачем? — отнекивался лейтенант.

— Бери, бери. Крале на колечко переделаешь. Товарищу ничего не жалко. — Он оглядел стол. — Быстро управились. Выйдем, освежимся перед сном?

— Пошли, — согласился лейтенант.

— Не отделийся, Иваныч! — сержант подмигнул притихшему уполномоченному.

Иван присел у костра, протянул к нему руки. Винтовка лежала рядом, чужая в эту теплую тихую ночь. Теплую-то теплую, — познабливает. Картошечки испечь, горячую скушать, с солью да хлебушком — как приятно. Нельзя, лейтенант запретил. Не тот костер, чтобы печь, отравиться можно.

Он подхватил винтовку, вскочил — и вовремя.

— Глазнев! Как дела? — голос лейтенанта сытый, расслабленный.

— Никаких происшествий, товарищ лейтенант! — рвение не уставное, предписанное, а от радости жизни.

— Никаких? Молодец! Но ты — смотри!

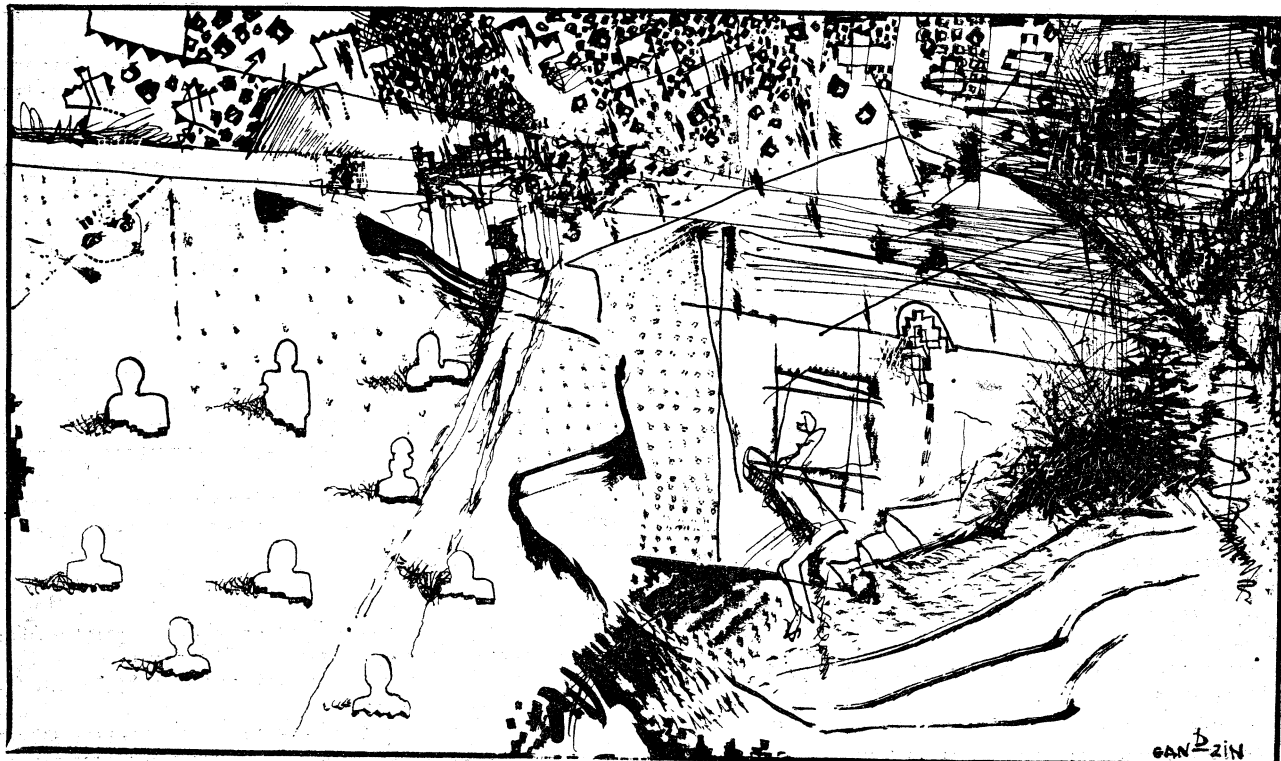
— Орел он у тебя, — похвалил и чекист.

— Есть смотреть, товарищ лейтенант! — Ивану в благодарность захотелось сделать что-нибудь хорошее, нужное.

— С чего это вишня расцвела? — строго спросил сержант.

Иван оглянулся. Действительно, вишня стояла белая-белая, словно не август сейчас, а май.

— Никак бабочки, — сержант подошел к дереву, про-

GAN ZIN

вел зажженной спичкой над цветками. — Налетело же их, незваных, — он поднес спичку к белому соцветию. Ивану показалось, что вишня взлетела вверх, но нет, это бабочки маленьким облачком поднялись над ней и исчезли в вышине. Только одна, с обгорелым крылом, отчаянно билась в траве, кружилась на месте, сиюсь увернуться от сапога человека.

— Отойдём, — предложил лейтенант.

За углом, куда не доставал свет костра, они остановились.

— Ни зги не видно, — уполномоченный растопырил пальцы. Не скажешь, есть рука, только угадываешь. Нет, все-таки видно; глаза, привыкая к ночи, прозревали.

Он поднял голову.

Где-то во мгле лежит село. Примолкшее, невидимое, затаившееся, А днем... Какие у той женщины были бешеные глаза! — уполномоченного передернуло.

— Освободился, Игорь Иванович? — весело лейтенанту. Молодой, шенок. Что он понимает.

Словно звездочка тусклая, мигнул фиолетовый огонек. Мигнул — и погас. Но тут же затлел второй, рядом.

— Смотрите, в селе-то... — уполномоченный не договаривал. В стороне, на кладбище, мерцала россыпь таких огоньков.

— Вижу. Могильные... Самовозгорание газа, вроде бо- лотного.

— Это и нам читал лектор, — поддержал из темноты чекист, — на антирелигиозном вечере. Факт известный.

Точно. Теперь и он вспомнил. Совсем ведь недавно приезжал умник из города, вроде лейтенанта, тоже почему-то военный. Еще и брошюру раздавал, там все объясняется — про моши нетленные, могильные огни, чудотворные иконы. А горят они, иконы, не хуже любых иных дров.

Они уже возвращались к крыльцу, когда забила заржада лошадь в конюшне — громко, с прихрапом.

— Волков, стало быть, чуёт. Лес недалеко, расплодился, видно, — насчет волков уполномоченный знал точно, было по ним совещание.

— Волков? — с сомнением повторил за уполномоченным чекист.

— Глазнев, сходи, проверь, заперты ли ворота, — приказал лейтенант.

— Как отобрали ружья у населения, так и стали волки непугаными, — слышал Иван говорок уполномоченного. Вот балаболка. Что им волки — в руках винтовка, патронов вдоволь, на три стаи хватит.

Он шагнул за ворота. Неплохо, если волки, стреляет он метко, потешился бы.

Ничего не видно, мрак. Он напряг слух. Шорох, слабый, едва слышный. Винтовка успокаивала, да и чего бояться. И все-таки.

Он отступил. Из пыльного, сухого воздуха накатила волна запаха, в первый момент показавшегося даже приятным, а секунду спустя — невыносимым. Рвота скрутила, согнула Ивана, кислая, комковатая жидкость толчками выплескивалась из него, а вдгонку тянулась клейкая, липкая слюна, спускалась неразрывно до земли и возвращаясь назад. Рвота перебивала дыхание, пот заливал глаза.

— Падаль, видно, — Иван старался набрать побольше воздуха. Дрожание, подгибающиеся ноги с трудом держали обессилившее тело.

— Ой, худо мне, — он оперся о винтовку, перевода дух. Скорее назад, пока не подошла следующая волна.

Скользкая холодная рука легла на лицо, сначала нежно и мягко, но едва запах вновь коснулся поздрей, хватка стала железной. Иван еще услышал влажный треск, но понять, что это ломалась его шея, не успел.

Лошадиное ржание перешло в визг, пронзительный, нестерпимый — и вдруг стихло.

— Пропал орелик, — Игорь Иванович стоял на крыльце, поджидая остальных. Послали солдата-дуралея на свою голову. А где им другого взять? И чего он возится, дело-то немудреное — ворота закрыть.

— Вот и он, — миролюбиво ответил лейтенант.

Из черного проема ворот отделилась тень и направилась к костру, к дому.

— Кто это с ним? — прошептал уполномоченный.

Вторая тень, третья, пятая. Одни выходили из ворот, другие переваливались бесшумно через ограду и, даже не вставая в полный рост, почти на четвереньках, надвигались на стоявших у порога дома.

— Стой! — сержант неспешно вытащил револьвер. — Стой, говорю! — и, лейтенанту:

— Не отставай!

Стрелял он спокойно, любуясь собой, насвистывая сквозь зубы вальсок и выпуская пулю на каждый третий счет.

— Догоняй, лейтенант!

Увесистый пистолет стал послушным, рвался из руки, подпрыгивая после каждого выстрела, и только с последней пулей строптивость покинула оружие.

Попал ли в кого?

— Отходим, — дернул за рукав сержант.

Подтолкнув растерянного Игоря Ивановича, они вбежали в дом. Не выпуская пистолета, лейтенант свободной рукой искал засов.

— Посветите же!

Стукнула дверь в коридоре.

— Сюда, хлопцы, — возница подбежал первым, встречанный, с горящей свечой. За ним и Федот — с винтовкой. Лейтенант задвинул засов.

— Старшина где? — и, отвечая, звон разбитого стекла со стороны караулки.

— Быстрее в комнату, — поторопил чекист.

Лейтенант шед последним, оглядываясь в темноту коридора. Никого.

Отекшие, не отдохнувшие ноги старшины с трудом влезали в красивые, но узкие голенища-бутылки. Ничего, он сейчас. Левый сапог наполовину натянулся, когда треснуло выдавливаемое стекло, посыпались осколки. Холодом потянуло из окна, пламя свечи затрепетало.

— Старшина! — кричал кто-то в коридоре. Вырванный оконный шпингалет покатылся по полу.

Прислоненная к стене винтовка накренилась и упала, штыком процарапав на обоях дугу. Скверно.

Старшина нагнулся поднять винтовку, а когда выпрямился, в окно уже ввалился грязный тощий мужик, а вслед за ним лез другой.

И на такую рвань патрон тратить? — наработанным ударом старшина воткнул штык в живот противнику, железом пронзило плоть легче обычного, но — ни вскрика, ни стопа, грязные пальцы обхватили щеве.

— Балуетесь! — винтовка завязла в теле, мужик никак

не выпускал ее, а из-за его покато́й спины выходил и второй.

Задетая локтем лампа опрокинулась и жарко вспыхнула.

Где остальные-то? Старшина мельком оглянулся на дверь. Одному не сдюжить, уходить надо, вон еще одна хара в окне. Он оттолкнулся винтовкой, отступая. Босая нога зацепилась за полуспущенный сапог, он упал на руки, пыльный половик сморщился, сбился. Старшина полез к двери, вырываясь из цепких рук, сначала молча, но когда зубы стали рвать живот, заняли вытягиваемые кишки, он закричал, и только тогда вместе с криком пришла и боль.

Ломтики сала с розоватыми прожилками, синяя луковица, краюха черного хлеба лежали на скатерти никому не нужные, лишние.

С тихим щелчком полная обойма скользнула в рукоять пистолета.

— Лейтенант, помогай! — Федот уперся в тяжелый шкаф, толкая его к двери.

— Сейчас, сейчас, — тот откинул крючок.

— Куда! — чекист не спрашивал, запрещал, но лейтенант уже крался по коридору. Из караулки — дымный треск, возня. С пистолетом наготове он подошел к ней, заглянул и замер.

ТИЛИ — БОМ, ТИЛИ — БОМ...

Он отскочил от двери. Надо рассказать взрослым, милиционеру. Дядя милиционер смелый и сильный, он не даст в обиду, защитит. Взмахнет только милицейской палочкой — и сразу станет хорошо, как и было.

ЗАГОРЕЛСЯ КОШКИН ДОМ...

Коридор длинный, темный-темный. В таком же он с тети-Аниным Витькой в прятки играют и в футбол. И примусный чад так же щиплет глаза. Старик Кухнаренок из семнадцатой квартиры ругается за футбол, во двор гонит.

КОШКА ВЫСКОЧИЛА...

Дверь прочная, гладкая. Дотронуться ладошкой — и все. Он толкнул ее. Заперто, закрыто изнутри. Пистолетик — на пол и кулаками:

— Откройте!

Он стучал и стучал, пока краем глаза не заметил идущих из караулки. Плохие люди. Надо бегом спрятаться поскорее в чулан.

ГЛАЗА ВЫПУЧИЛА...

Он захлопнул дверцу, постоял в темноте.

Спички в кармане есть. Мама за них ругает, потом придется выбросить. На полке свеча, с ней не страшно. А в двери — замок английский, наверное, от прислуги или от детей, чтобы варенье не брали. Попы — они жадные.

Язычок щелкнул, замкнув чулан, и тут же дверь передала ему прикосновение рук — с той стороны.

— Давайте диван, диван придвинем! — Игорь Иванович ходил из угла в угол, не находя сил остановиться.

— Не мельтеши, — чекист размял папиросу. — Горим, что толку отсиживаться.

— Нельзя же ничего... — уполномоченный осекся. Что-то тяжелое ударило в дверь и, помедлив, опять.

— Уходить будем, — сержант пустил дым колечками. — У них оружия нет. Шваль. Идем к конюшне, запрягаем лошадь и — ходу. Стрелять без скудости, от души.

Удары зачастили. Не выдержит дверь, высадят. Уполномоченный отошел в дальний от входа угол.

— Пойдем по двое, сначала Игорь Иванович с Платонычем, следом мы с Федотом, страхуя, — папироса, не выкуренная и на треть, расплющена о стол.

— Платоныч, стреляй, не раздумывая!

Возница угрюмо кивнул.

— Игорь Иванович, готов?

— Сейчас, минуточку, — уполномоченный оглянулся в нерешительности.

Дверь затрещала, торопя.

— Пошел! — подсаживая уполномоченного, скомандовал сержант. — А ты, Платоныч, погоди.

Соскок получился легкий, удачный. И, над головой — винтовочный выстрел, другой.

— Жми, Иваныч, мы прикроем!

Из-за кустов выскочили наперерез двое. Успеет проскочить? Игорь Иванович обернулся. А где — остальные? Он сбился с бега, остановился. Вернуться? От дома шел кто-то, неузнаваемый в яростном пламени пожара.

— Сержант! — позвал уполномоченный тоскливо. — Сержант! — но, разглядев лицо, бросился в сторону, к воротам и, когда его схватили, почувствовал странное облегчение — конец, не надо больше никак бежать, что-то делать. В груди кольнуло, лизнуло горячо, и наступила тишина. Покой. Хорошо.

Комната тряслась, отражаясь в подрагивающем зеркале шкафа.

— Возьми, — сержант протянул топор. — Понадежнее, чем пуля.

Федот согласно кивнул. Три обоймы выпустил, а хоть бы кого свалил. Дым глаза заел, вот и мажешь.

Возница, съездившись, влез на подоконник.

— Быстрее! — и, не раздумывая, сразу за ним. На ходу он обогнал Платоныча, зло прикрикнул:

— Живее, козел!

У костра сгрудились тени над уполномоченным. Дело свое тот сделал, отвлек.

Навстречу — парочка доходяг. Ха! Солдат перешел на шаг, пружинящий, танцующий, и с ходу ловко ударил коленом по голове, даже в лицо брызнуло. Доходяга сел у ног. Ну, еще добавки? Возница вбежал в конюшню.

Второй приближался к Федоту медленнее. Бойтся, хмырь, и правильно бойтся.

Федот подобрался, готовясь прыгнуть, но первый, порубленный, обхватил его ноги. Живучий, гад! Еще раз! Сплеча! По голове! Топор рубил сочно, с хрустом, и вдруг, вырванный из рук, взлетел, на миг застыл в небе, видимый лишь тусклым отблеском огня на мокром лезвии, и рухнул вниз, в костер, а костер, дом, конюшня сорвались с места и закружились, сливаясь в багровую полосу, а когда остановились, осталось только небо с тающими в нем искрами пожара, небо, в которое смотрела оторванная голова Федота.

Шкаф с грохотом повалился, и сержант оттолкнулся от подоконника. Сейчас — в поле, возьми его там, в такую-то ночь. Двадцать верст, к утру дойдет, — он двигался осторожно, зорко всматриваясь во тьму. У ограды остановился, прислушался. Кажется, нормально. На руках подтянулся и перемахнул на ту сторону.

— Уйду, что там, уйду! — возница почти кричал, нахлестывая коня.

Версту отмахали, не меньше.

Конь остановился внезапно, как в стену уперся. Посреди дороги — один человек. Всего один.

Возница потянулся к винтовке.

Человек поднял голову, шагнул.

— Это вы, товарищ сержант! — и, отбросив винтовку, он протянул руку, экономя секунды. — Скорее залезайте!

Страх ушел, осталась обреченность, но только коснувшись руки сержанта, он понял — почему.

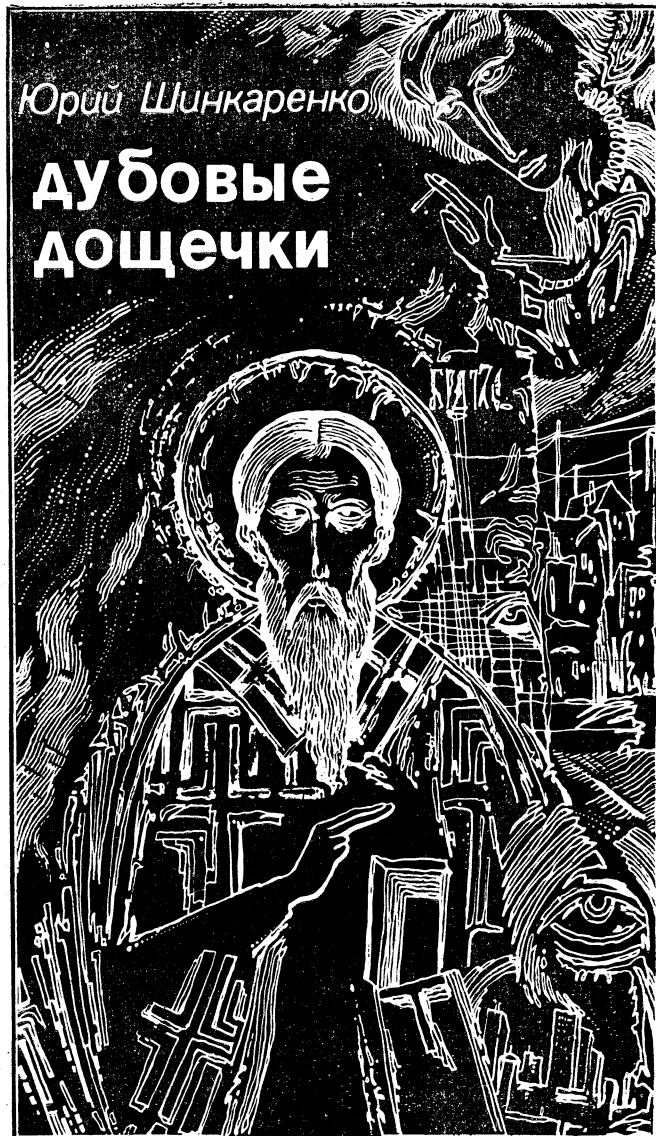
Хлипкие двери ходили ходуном, кто-то тряс их, дергал за ручку. Не уходят. Ненадолго замочка хватит, — лейтенант сидел спиной к двери, глаза от дыма зажмурены, но пальцы проворно исполняли заученную работу. Раз — и все кончится, он будет послушным, перестанет ходить в запретные места.

Шурупы не выдержали, подались, заскрежетали дверные петли, но он успел! И, навстречу ввалившимся — взрыв, дробящий в ничто плоть и камень.

Тучи разошлись, не пролив на землю и капли дождя.

Труп лежал на дороге остывший, обескровленный лунным светом.

То, что когда-то было сержантом, двигалось прочь, к догорающим обломкам дома. Там оно отыщет местечко, где, в темноте и безлюдье, завершит метаморфоз. Оно получило достаточно материала — живого, пластичного, — и достроит себя, сохранит до главной ночи, ночи, когда проснется в нем охота к умножению.

Рисунки
Сергея Григорькина

Начало цикла см. в «У. С.» № 5—6, 1992

праздничной, яркой от дополнительных оберток Голливуда, но... все же, все же далеко не идеальной, ущербной в своем неистребимом индивидуализме.

Говоришь с ребятами и все чаще чувствуешь: чужой образ жизни захватывает их, нас, страну...

ТАКОНЕЦ-ТО ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ, подростки и иноземная модель счастья?

Символом поколения может стать и голос. Впервые со всей яркостью это проявилось, пожалуй, в сороковые годы. Шупальца средств массовой информации — траурные черные «тарелки» — проникли в самые медвежьи углы. И не стало ни одного человека, кто бы не слышал:

«**ГА-ВА-РИТ МАС-КВА! ГА-ВА-РИТ МАС-КВА!.. НЕ-МЕЦКА-ФАШИСКИЕ ЗАХ-ВА-ЧИКИ АСТАНОВЛЕННЫ НА РУБЕЖЕ... НАШИ ЧАСТИ ПЕРЕШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ...**»

То был голос Левитана. Символ торжественный и трагический. Он единил людей в святом порыве к национальной свободе, к отстаиванию национальной самобытности. Но в другие времена и в других обстоятельствах этот же голос постоянно напоминал о несвободе внутренней (внутригосударственной), о навязывании заимствованного у европейских мудрецов Учения, заставлял помнить топор тоталитаризма, нависающий над головами...

Для нынешних подростков голосов-символов много. Кто-то из них решит, что знаком юности, символом 80-х стали песни Гребенщикова (Цоя, Кинчева, Бутусова), кто-то сошлется на «Белые розы». Не будет, естественно, обойден вниманием уже чуть призабытый голос Михаила Сергеевича и набирающий силу глас Бориса Николаевича.

Но мне, простите за нахальство, все эти выборки кажутся не совсем верными, поверхностными. Они лишь частично связаны с мироощущением нового поколения.

Голос, который точнее выражает и это новое мироощущение, и глубинные причины его, — вот он:

«— **ТАЗАД! ПОВЕРНИ ТАЗАД! ТАЙ МНЕ РУКУ, СВОЮ, ПРАТИШКА!**..

— **ТАКОНЕЦ-ТО МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ!**..

— **Я ТЕ МОГ РАТЬШЕ. Я ПРЕДСТАВИЛСЯ ТОИ ДАМЕ, КОТОРАЯ ПЫЛА ТАМ. ОТА ПРЕКРАСТА. ОТА СОБЛАГОВОЛИЛА МТЕ ПОМОЧЬ...**»

Узнали этот голос, искаженный воспалением гайморовых пазух? Ну, конечно... Это тот самый голос, который значительно помог первому вкрадчивому проникновению в нашу жизнь западных видеофильмов... Голос, который на русском языке дублировал иностранную речь, прояснял чужие сюжеты... Голос, напрямую обращенный к подросткам, к поколению, вынужденному в конечном счете решать: принимать или не принимать перевод... нет, не фильма... перевод иного образа жизни. Жизни сказочно богатой,

Вдвадцать шесть лет Дмитрий Писарев, публицист и критик от революционеров-демократов, опубликовал свою статью «Погибшие и погибающие».

В ней он взялся сравнить «Очерки бурсы» Помяловского и «Записки из мертвого дома» Достоевского с тем, чтобы «почерпнуть самые достоверные и самые любопытные сведения о русской школе и о русском острого сороковых и пятидесятих годов». Немного лукавил Дмитрий Иванович, ограничивая себя «сравнительно-экономическим этюдом», ибо какой «реальный критик» да не перекинет мосток от литературы к жизни в надежде воспламенить публику «огненным потоком великих идей»... Но идеи идеями, они живут собственными законами (живут, побеждают, раскаиваются в своих победах) — и не ради них тревожил я страницы старой статьи спустя 125 лет после ее написания. Когда-то привлекло меня там интересно задуманное сравнение ростовщических процентов — в духовной школе (бурсе) и в тюрьме. Этим маленьким частным сравнением Писарев не только доказал, что бурсацкие ростовщики лютее тюремных, что бурса криминогеннее, говоря современным языком, всякого острога, но и назвал причины погубления подростков.

К писаревскому сравнению мне захотелось приладить какие-то нынешние факты, какое-то явление, сопоставимое с прежним ростовщичеством, — и поглядеть уже на триаду: что гуманнее — царская школа, царский острог или родной двор советского подростка? Да и поразмышлять, откуда нынешняя преступность, нынешнее зло в том светлом обществе, о котором так мечтали революционеры-демократы.

Я стал подбирать материал для такого сравнения. Сидя на тесной кухне, перебирал в голове те виды преступности, которые у тинейджеров в особом почете. И все сильнее жалел, что кончились сигареты, ибо знакомиться с наследием Писарева и всех тех, кто подготовил нашу счастливую жизнь, невозможно без волнения... Поэтому когда на моей кухне появился Миша. (ироничный взгляд полуспрятанного

в воротник варенки лица...) и барским жестом предложил пачку дорогого «Монте Карло», я не стал кочевряться. Спросил только:

- Разбогател, что ли?
- Да. Картежный долг вернул и *неустойку*.
- Блестяще! — искренне обрадовался я, Миша опешил, почесал заживающую царапину под глазом, поддел:
- Понял, наконец, что предъявлять *неустойку* за всякие *подлянки* — это нормально?
- Нет, я другое понял... Что ты мне сегодня здорово поможешь. Подскажешь материал для одного исторического сравнения.

Миша приосанился. Устроился поудобнее и приготовился к вопросам.

- Поговорим о ростовщичестве.
- Чего-чего?
- О ростовщичестве. Это предоставление денежных ссуд под высокие проценты. Я долго не мог понять, почему твои сверстники и компаньоны игнорируют такой простой способ делать деньги. Уж как только не ловчат ради пресловутого *воздуха* (денег), уж какие былинные рецепты разбогатеть не извлекают на свет... А про ростовщичество и не вспоминают. Случайные факты о случайных пэтэушниках-ростовщиках погоды не меняют, ведь они не представляют собой системы. Поголовной. Но загадка разгадалась просто, стоило лишь вспомнить о таком финансово-этическом понятии у подростков, как «неустойка».

— «Стоило лишь вспомнить»... — сыронизировал Миша. — Меня-то разбуди посреди ночи — я тебе сразу скажу, когда, какому чухану и какую я предъявил *неустойку*.

— Вот поэтому бери бумагу, — попросил я Мишу, — и распиши, пожалуйста, в цифрах всю свою ростовщическую арифметику.

Миша застрочил карандашом по бумаге.

Неустойка. В гражданском праве этот термин обозначает определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения обязательств.

Среди подростков термин «неустойка» значит почти то же самое... С той лишь «маленькой» разницей, что обязательства определены совсем другими законами — «законами картежных игр», «правилами настоящего пацана» и другими дворовыми законами, то есть законами неписаными, трактуемыми широко, вольно и, как правило, в пользу сильных ребят. *Неустойка* может быть предъявлена слабачку за что угодно: за грубое слово, за неловкое действие, за косой взгляд, не говоря уж о явном «беспределе». Это тоже форма денежного наказания, но наказывается не только финансовая необязательность, но и неподчинение тем, кто верховодит подростковым миром и лепит из него свое подобие.

Таким образом, регулярно, повсеместно и неоднократно тысячи, миллионы подростков оказываются перед фактом: кто-то предъявил им *неустойку*. С этого момента считается — внимание! — что деньги уже принадлежат «кредитору». Это как бы первый уровень взимания процентов: процентов за непослушание, за невыполнение «нравственного» долга... Но есть еще и второй уровень, уже не отличный от собственно ростовщического. Если «должник» не готов выложить нужную сумму, «кредитор», конечно, подождет. И день, и два, и месяц... Но не за красивые глазки... А... за проценты! (Вот они и выплыли, те самые разорительные проценты, слегка закамуфлированные сленговым выражением «платить по счетчику»).

Вот и выявилась система. Система деформированного ростовщичества. Распространенная так же широко, как и в предкапиталистическую эпоху. Но более жестокая, чем раньше. Ведь ранее ростовщичество строилось на относительно добровольных отношениях. Нынешние же «должники» становятся должниками поневоле. А самое страшное — неоростовщикам принадлежат не только ребячьи кошечки, но и ребячьи души.

...Миша закончил писать, протянул мне бумагу и поясил:

— Значит, так. Один *лох* сел играть со мной в карты. Ну, я ему *сделал реанимацию*. За полчаса он мне *вльиндил* (т. е. проиграл) 250 рублей. И нет бы смиренно рассчитаться, так он на меня попер. Начал обвинять, что я *фуфло двинул* (т. е. обманул. «кинул»). Пришлось *чиркануть* его *по макидре* (ударить по голове)... А он, как последняя *синявка*, заверещал и — когтями мне по морде! (Вот царапина!). И *слинял, ушел в загаску*. Ладно, думаю. Собрал ребят. Сели на «девятку». Приехали к нему. Выходит. Затюканный, занюханный. Губешка трясется. Я, не долго думая, *загнул* его. *По крыше* пару раз вделал, чтоб понятно стало: с ним не шутят. И предъявил *неустойку*. Вот тут все записано. 250 *рваных* — картежный долг. И *неустойка*: 50 рублей — «за царапину под глазом», 50 рублей — «за то, что сами к нему приехали», 50 рублей — «за беспокойство».

— А петровский налог на бороду? — спросил я лишь потому, что хотелось отогнать в глубь сознания образ мальчика с трясушей губой и ладонями, не умеющими сжиматься в кулаки.

— Не пугай! — строго сказал Миша, обычно безупречно чувствующий иронию. — Какая борода? Он еще мокрым полотенцем бреется. Итого, насчитали мы с него 400 *рваных*. Он заявляет: у меня стипендия только 4 июня (а завалились мы к нему 25 мая). Ну мы не стали наглеть: *поставили счетчик* на малые обороты, по рублю в день... (Здесь ведь как кому в голову взбредет, утвержденных правил у *счетчика* нет). За то, что я ждал возврата долга с 25 мая по 4 июня — еще десять рублей набежало. Всего — 410 — Миша усмехнулся и добавил: — А то стал бы я тебя «Монте Карлом» *подогревать!*

Так у меня в руках оказались точные, по горячим следам восстановленные цифры. Можно было приступить к «сравнительно-экономическому этюду». Я вернулся к страницам, где Писарев сравнивает ростовщиков бурсы с ростовщиками царского острога:

«Кроме воровства, в мертвом доме и в бурсе процветало с беспримерною силою ростовщичество. (...) г. Достоевский дает нам понятие о величине каторжного процента. Осторожный ювелир и ростовщик Исая Фомич Бумштейн, под залог каких-то старых штанов и подверток, дает взаимному арестанту семь копеек, с тем, чтобы тот через месяц заплатил ему десять копеек. Три копейки на семь копеек — это значит 43 процента в месяц. В год получится, стало быть, 516 процентов, то есть капитал увеличится с лишком в шесть раз. Это очень недурно, но, в сравнении с бурсацкими процентами, это умеренно. Бурсаки и в этом отношении умудрились перешеголять каторжников. «Рост в училище, — говорит Помяловский, — при нелепом его педагогическом устройстве, был бессовестен, нагл и жесток. В таких размерах он нигде и никогда не был и не будет. Все не редкость, а, напротив, норма, когда ДЕСЯТЬ КОПЕЕК, взятые на НЕДЕЛЬНЫЙ СРОК, оплачивались ПЯТНАДЦАТЬЮ КОПЕЙКАМИ, то есть по общепринятому займу на год это выйдет ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ (вернее, двадцать шесть) РАЗ КАПИТАЛ НА КАПИТАЛ».

Вот теперь можно сопоставлять.

Сделав соответствующие вычисления, мы получим, что первоначальный капитал Миши (выигранные в карты 250 рублей) за десять дней вырос на 64% (410 рублей). Именно вырос... Отдай неумеха-картежник свой долг сразу и смиренноко... ни о каком бы росте не было речи. Но ситуация обернулась для него *неустойкой*. Поэтому мы вправе рассуждать о росте, танцуя при этом от как бы авансированных Мишей 250 рублей.

Поскольку рост капитала у Достоевского, Помяловского и у нас исчислен на разные сроки оборота, приведем цифры в соответствие. И сведем в одну таблицу:

	У Достоевского (ростовщик в остроге)	У Помяловского (ростовщики бурсы)	Наше время (Ироничный Миша)
рост капитала в де- сять дней	14 %	83 %	64 %
росте капитала в ме- сяц	43 %	250 %	192 %

Годовые обороты ростовщиков прошлого и Мишин сравнивать некорректно. Все же Миша облагает ребят *неустойками* нерегулярно, время от времени. Кроме того, взываемые им проценты, по его же признанию, непостоянны, зависят от того, что «в голову взбредет». А вот картина, представленная на уровне «десятидневок», отражает, на мой взгляд, реальный расклад, конкурентоспособность представителя светлого будущего, Миши, с тенями прошлого.

Что ж, хотя этот представитель и опередил каторжан XIX века, бурсы он не обогнал. Сенсация, которую мы внутренне ожидали, не состоялась. Но не будем забывать, что Миша — еще новичок в своем деле, он еще не оторвляга, он только учится. И кто поручится, что через месяц-другой он не заткнет за пояс самых бедовых бурсаков. Не будем забывать и о том, что первоначальный капитал (250 рублей) нашему ростовщику в фирменной варенке не принадлежит.

Так что еще не известно, кто кого обставил. О таких потомках, как Миша, мечтал Д. И. Писарев? И, наконец, чем же объясняет Дмитрий Иванович Писарев криминальность бурсы, «неправильное передвижение собственности» в ней и какие видит дорожки спасения. Может, его взгляды помогут нам, всем, кто вместо светлого будущего оказался на пороге диктатуры преступности?

Дмитрий Иванович, действительно, подробно и убедительно объяснил бурсацкий беспредел массой социальных прорух. Но главный вывод в этом скопище причин не затерялся: «... основное зло бурсы неизлечимо. Оно заключается в той антипатии, которая существует между умами учеников и бурсацкою наукою (богословием, надо полагать. Хотя антипатию у бурсаков вызывала зубрежка, т. е. метод овладения богословием, — Ю. Ш.). Эту антипатию невозможно искоренить, потому что бурсацкую науку невозможно сделать привлекательною».

О непривлекательности религии сказано деликатно, мягко, в расчете на цензора, но пафос ясен: долой Бога — и все исправится... На смену религии придут **НОВЫЕ ИДЕИ**. Появятся люди, озабоченные уже не «бестолковыми схватками с мелкими проявлениями общественного зла». **СПЯЩИЕ** допреж **БОГАТЫРИ** обогатятся **НОВЫМИ ИДЕЯМИ** и будут сражаться уже не с **ВНЕШНИМИ СИМПТОМАМИ ЗЛА**, а будут действовать «против настоящих причин зла, против тех общих условий и идей, вследствие которых злоупомные и недобросовестные личности могут отравлять жизнь своих умных и честных ближних».

Какие же **НОВЫЕ ИДЕИ** предлагает Писарев, отмечая религию как причину зла? Что взамен ее предлагает? Мы не будем касаться других его статей, в «Погибших и погибающих» достает материала, чтобы иметь представление об этих идеях.

Носителей **НОВЫХ ИДЕЙ** Писарев находит в остроге, который противопоставлен неизлечимой бурсе, и с удволенным акцентом на них внимание. В «Записках...» Достоевского он восхищается неким Аким Акимычем, который все подаяние, попадающее в острог, делит меж каторжанам поровну. Конкретный литературный герой и конкретная литературная ситуация возведены Писаревым в ранг «новой идеи». Все поровну!.. В отличие от Писарева мы-то с вами уже знаем, во что оборотилась эта идея. Помним на себе и презрительную власть недавних аким акимычей, «людей у турникетов», и собственное нестарание, вызванное патологической надеждой: авось и нам что-нибудь достанется от общего пирога.

Если же посмотреть, какие методы предписывает Писарев для борьбы за **НОВЫЕ ИДЕИ** — оторопь берет. Не

смотря на собственную осторожность (цензура, цензура!), он четок и последователен. Он пересказывает, как один разбойник у Достоевского хвастает убийством пятилетнего мальчишка. Если рассказ об этом убийстве вызвал возмущение в острожной казарме, то воспоминание другого каторжанина находит, по мнению Писарева, сочувствие у острожников:

«Лучка рассказывает товарищам очень подробно, как он зарезал одного сердитого плацмайора, и все его слушают, и никто на него не кричит. Значит, об убийстве говорить можно...» — подытоживает Писарев, имея в уме далеко не разговоры. Если убийство совершено во имя **НОВЫХ ИДЕЙ** — оно оправдано...

То, о чем мечтал Дмитрий Иванович, сбылось. В продолжение писаревских мечтаний родился **ИДЕИ**. Проснулись **БОГАТЫРИ** и овладели этими **ИДЕЯМИ**. Рухнули церкви. Разговоры о справедливых убийствах стали руководством к действию, и кровавые реки заструились по городам и весям, по ГУЛАГу.

Много десятилетий излечивалось зло по писаревскому рецепту. Но не отступало, а даже крепло, словно вместо припарок мертвой водой, касалась его водица живая... И уже ясно всем: чтобы победить зло, преступность в частности, нужно внимательно пересмотреть наследие Писарева и тех, кто думал согласно с ним. Нужно не отворачиваться от религии (хотя бы от нравственной ее стороны, от того, что поможет победить зло в самом себе). Нужно, памятуя о справедливости, тем не менее забыть уравниловку. И навсегда проклясть убийство. Любое.

Может, тогда мы перестанем платить неустойку — духовную и материальную — прошлому веку, идеям, которые он породил и в сети которых мы, как доверчивые пацаны, попались.

Июнь, 91

Р. С. Когда материал готовился к печати, информационное агентство «УРАЛ-АКЦЕПТ» распространило сообщение, напрямую связанное с нашей темой:

«Достойный продолжатель дела бальзакского Гобсека появился в Качканаре. Виталий Попов еще молод — ему 13 лет, но сообразителен не по годам. Давая займам своим друзьям по 50 рублей, он за каждый просроченный для платежа день требовал половину этой суммы, а чтобы взыскать проценты, приводил старшего товарища, ранее судимого. Юным Гобсеком заинтересовался народный суд».

Март, 92

— Как-как? — переспрашиваю я. — Сосальня, — без смущения повторяет Четырнадцатый (настоящего имени его я не знаю,

а кличку он придумал себе сам: попросту перевёл в прозвище год собственного существования на земле).

— И что это?

— Это? Техническая кабинка в нашем школьном туалете. «Кабинет» уборщицы. Старшеклассники, у которых много денег, приглашают меня туда, и...

Моя авторучка замирает над бумагой, словно дама из недавнего цензурного отдела — над возмутительно дерзким текстом. Я пытаюсь упродить Четырнадцатого и перевести на грамотный язык сексопатологии те его фразы, которыми он грубо и неряшливо описывает свой малый бизнес. (Хотя сексопатология ни при чём, — здесь нужны социальные термины). Подыскивая эвфемизмы, я стараюсь не для Четырнадцатого. Кроме него в моем кабинете еще один гость. Мальчонка лет восьми-девяти. Сводный брат Четырнадцатого. Он сидит за пишущей машинкой и «давит клопов» — коротает время. Иногда замирает, чутко прислушиваясь к нашему разговору.

— Он все знает про тебя? — вполголоса спрашиваю я и киваю на малыша.

— А как же... Не только знает, но и помогает. На шухере стоит. А, во-вторых, он же готовый свидетель... У нас с ним такая «сказка» сочинена про тех, кто потом не захочет расплачиваться. Любого в тюрьму по этой «сказке» можно упрятать.

— Зачем тебе все это?

— Деньги — зачем?! Я бы посмотрел, как вы завертелись, если б сейчас были пацаном. И если б ваш отчим, его вон папаша, был «синяком» по жизни.

— И сколько тебе платят, э... за эти связи?

— А сколько вы мне заплатите за информацию об этом? — оценивающе смотрит на меня Четырнадцатый.

Для него все упирается в деньги... Деньги — не прихоть, не средство для развлечений. Они нужны, чтобы выжить.

Лишний раз уверяюсь, что Четырнадцатый — вне интересов сексопатологов. Он — нормален. Ненормален мир вокруг него.

Четырнадцатый уходит, и я вдруг осмысляю некий новый надрывный смысл в им самим для себя придуманной кличке. Четырнадцатый... Уже не первый... И, наверное, далеко не последний... Может быть, тот же малыш, что сидел за моей машинкой, готов в скором времени подхватить «ремесло» старшего брата... Стать Пятнадцатым...

Я подхожу к пишущей машинке. Что он там наступал, этот юный «хранитель тела»?

Вначале ничего особого. Обычные «пробушки»:

«...—?ант—%ааитшгне:эж».

А потом... Потом!!!

И ошарашенно перечитываю маленький документ раз, другой, третий...

Поперек клочка бумаги, разбитая случайными знаками, но все же узнаваемая, читаемая, тянется строка:

«яхач?дамой.япридумай№./>»?%наташялблтеб.бльше-всехтя! — бя!!лю)блонаташ\$№тебя, лблю!лбл!ю.\$№—!/:»

Делается пронзительно больно и тревожно за эту новую в мире любовь. Недавно рожденную, еще не окрепшую, но так горячо и страстно заявившую о себе.

Живи, любовь-новичок! Люби, новичок-влюбленный!

Люби, милый малыш, свою Наташу! Храни ее и себя от грязи, от грубых притязаний жестокого мира!

Люби несмо, —!тъя ни—на как-ие по-мехи!!!

Господи, да какие могут быть помехи для одухотворенного сердца?! Люби, малыш! Сгорай от нежности... Не спи по ночам... Вспоминай, в какой узор сложены конопущки на Наташкином лице и как меняется этот узор, если Наташка улыбается... Тебе улыбается...

Я бережно вынимаю из машинки лист бумаги, отправляю его в ящик стола... Суеворо спохватываюсь: ведь там лежат другие бумаги, там — горопливый контекст беседы с Четырнадцатым. Не надо бы их вместе, эти непохожие странички! Но — поздно...

Да и не поможет ритуальное действие отвести от влюбленного малыша то, что навсегда осталось в нем, то, что впитано им у технической кабинки школьного туалета. Поздно...

Дождь. Такой, что тина из озера спокойно плавает в воздухе, как если бы поднялся уровень самого озера.

Наша палатка, самая крайняя в юнкоровском лагере, стоит на берегу.

Мы с физруком только что натянули над ней дополнительный тент, убергая брезентовый борт и провисшую крышу от разбивающихся о камни волн. Пока работали — промокли, продрогли. И я, чувствуя приближение простуды, решил не идти на ночной костер. Переоделся, проглотил аспирин и забрался в спальник.

Издали, от столовой, доносились слаженные выдохы ребячьего смеха. Потом там затихло, — начался серьезный разговор.

А я погрузился в мир негромких звуков: воды, ветра, деревьев. Хорошо различалось по шуму, как приближается к лагерю крутая волна, как разбивается о сваи далеко вынесенного убогого пирса, как хлопает, пытаясь побольше набрать в свои ладони холодной тины, чтобы швырнуть ее на камни, на палаточный тент... А откатываясь, волна создает разрежение воздуха, — и тогда за ней со склона горы, по верхушкам елей несется другая волна, уже воздушная, хотя не менее влажная. Палатку осыпает крупная капля с еловых ветвей, — и я зримо представляю, как на парусине, измазанной илом, там-тут-тут-там вспыхивают чистые серебристые узорчики — уж не блинчики ли расплавленного свинца? В крошечной тьме палатки словно светлеет от этого.

...Я проснулся от того, что в соседнем отсеке (а палатка многоместная, из двух отделений) кто-то шептался.

— ...А взгляд у этих девочек — подохнуть можно, — донесся до меня чей-то шорох губ и языка. Шепот был с легким приголосьем, он принадлежал мальчику десяти лет, еще не умеющему как следует для долгой конспираторской фразы набрать воздуха в легкие.

— У них такой взгляд... — подтвердил другой соседник. Его шепоток тоже прорезывался негромкими гласными. Может, еще и от волнения. — Одна смотрит на меня

и спрашивает: «Дима, у тебя сколько в ответе?» А глаз не отводит. Я собрался с силами, спокойно на нее уставился. «Столько-то!» — отвечаю. А взгляда не отвожу. Она глазами, как шариками — фьют, фьют — и в сторону... Так я ее победил, мою...

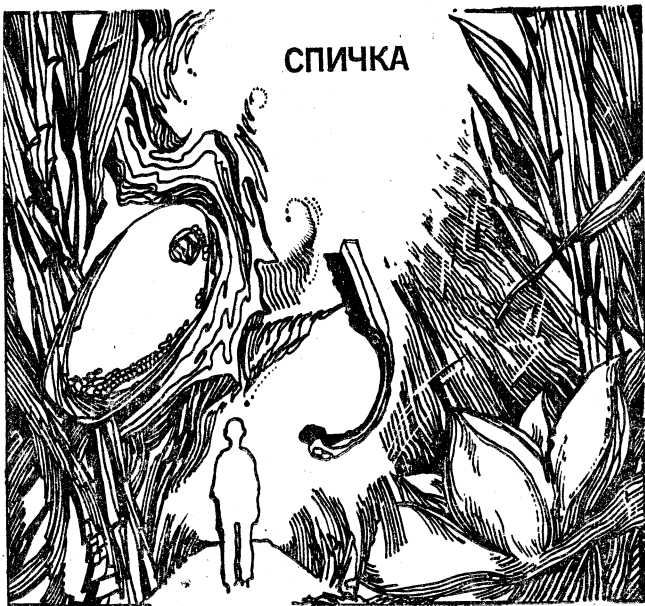
Очередной плеск волны заглушил имя девочки.

— А у меня победить никак не получается. Такой у нее взгляд! В начале этого года меня хотели на первую парту посадить. Я прикидываюсь: плохо вижу, близко слишком... Тогда *клаша* говорит: «Иди обратно к Гале». Я иду. Как будто неохотно. Сажусь с ней. Она на меня взглянула — и такие искорки в глазах, что мне сразу *кбр-ко* стало... Так я с ней до конца года и просидел. Как глазами встретимся, у меня такое чувство, будто... будто... Ну и взгляды у них!

Я решил было обнаружить себя, откашляться, что ли (тем более что простуженное горло уже горело огнем). Но сдержался. Не стал мешать «тайному» разговору. Его обрывки хотя и долетали до меня, — неудобства я не чувствовал. Ведь я не подслушивал. Разве это можно подслушать?

Разве можно подслушать плеск волны, тяжелую капель дождя, шершавый перебор еловых ветвей?

Холодно кипело озеро. Выплескивало на сушу крохи органической жизни. Как когда-то — первобытный океан, создающий живое. Шептались о любви мальчишки. И их шепот казался мне одним из тех смыслов, ради которых в течение миллионов лет природа усложняла и усложняла свои первые созидательные опыты...

Он шел куда-то, осторожно-осторожно. Он чувствовал, как под зависшей босой ступней его происходит движение: еще плотнее льнут к земле листья подорожника, оберегая короткие свои стебельки.

Он дышал осторожно. Ему казалось, вздохни поглубже, — и ненароком втянешь в себя рой звездной пыли, которая недвижно висела над землей. Да, звезды, — темной ночью совершался тот поход. Молчаливым строем вытянулись вдоль тропки подсолнухи. Еще с вечера они закрыли свои шляпки, и желтые лепестки слабо проглядывали из бутонов, как зрачки из-под прикрытых век.

Позади остались сарай, баня, картофельное поле. Тропинка покатила к пригорку к огороду. За огородом за-

стыли в вышине сонные кроны верб. Они отражались в затоне, и маленький затон казался от этого бездонным.

Мальчик перевел дыхание. От его вздоха заколыхались в воздухе запахи свежих огурцов, укропа, речной тины.

Он покосился глазами влево, вправо. Дивного цветка не было. Он терпеливо подумал, что есть еще завтрашняя ночь, послезавтрашняя — лето долгое. И какая-то из них будет «на Ивана Купалу».

Он не знал, когда это — ночь на Ивана Купалу. И кто такой Иван Купала, не знал. Но он знал, что распускается в такую ночь «дивный цветок, каких видом не видывали». Кроме этого бабушка сказала, кто его сорвет, может найти клад. Но клад ему не нужен. Только бы взглянуть на цветок, распускающийся в ночи.

Где? Когда? Как? — ни одного вопроса не задал он бабушке. Лишь ждал. И вот однажды, доверившись чутью, стал спускаться к затону. По примятой осоке вышел на деревянный мостик, как плот, лежащий на воде. И замер.

На мостике лежала спичка. Она догорала.

Он многое успел увидеть. Спокойное красновато-желтое пламя, ползущее по спичинке, освещало пяточок мостика. Он разглядел трещины в подгнившем дереве. В трещинах — нити водорослей, пустое муравьиное яйцо.

Еще он увидел, как спичечный огонек отражается на стрелчатых листьях осоки: на тех, что ближе — крупно, что подальше от мостика — мельче.

Еще он успел взглянуть перед собой. На черной воде в ладшке глянцевого листа лежала лилия. Он давно знал ее, но сейчас не узнавал. Нижняя часть венчика скрывалась легкой полутенью. Верхняя светилась едва-едва заметным серебром — не от звезд ли? Спичечное пламя отражалось на снежных лепестках, дрожало, словно изнутри цветка рвалось в ночь. В легких продольных бороздках оно казалось гуще, багрянее.

Спичка догорела и погасла.

Он долго стоял на берегу. Не двигался. И сумел не допытывать себя, откуда появилась на мостике эта спичка, случайный ли прохожий обронил, подстроил ли кто, сама отчего-то вспыхнула ль. Лишь одно маленькое насилье совершил над собой: пытался не забыть той картины, что открыло ему осторожное пламя спички и что длилась мгновенье.

Дональд ХЕНИГ

ЧЕМОДАНЧИК

Потертая ручка небольшого невзрачного чемодана жгла ладонь Кэру. Когда несколько минут назад шеф ткнул эту поклажу ему в руки, и Кэр поспешно уселся в такси, он был почти уверен, что таксист, едва взглянув на чемоданчик, сразу же догадался, что тот набит наркотиками. «Эти пройдохи насковзь видят всех и всё!» — объяснил он себе свои страхи и еще теснее прижал ношу к животу.

У аэропорта Кэр поспешно расплатился и, смешавшись с толпой, стал пробираться к справочному бюро: в горячке он запамятовал время вылета. Монотонный голос девицы в форменке подействовал на него успокаивающе. Уже более уверенно он прошагал в багажное отделение и положил на прилавок приемщика чемоданчик, наполненный до отказа — как сказал шеф — первосортным героином. С деланным равнодушием наблюдал он, как его драгоценная поклажа по ленте транспортера поползла к автокару, отвозившему багаж к самолету. Убедившись, что все в порядке, Кэр прошел в зал ожидания и только здесь позволил себе расслабиться. Сев в закуулке за пальмой, он закурил и жадно затянулся.

До этой минуты в сложной сети мафии он был «мальчиком на побегушках», обязанности которого не простирались далее «отнеси-принеси» или «позвони и передай». Именно поэтому сегодняшний день явился для него настоящим событием — получить от шефа ТАКОЕ задание! Это ведь был и знак доверия, и молчаливое признание его способностей, и, наконец, «повышение в должности», что в иерархии гангов имеет такое же значение, как и на государственной службе. Уж он-то знал, что курьер — это особая каста.

Впрочем, если вдуматься, его задание было не таким уж и сложным. Вместе с багажом Кэру был вручен авиабилет до Чикаго и деньги на дорожные расходы. В чикагском аэропорту его будут ждать два джентльмена в желтых соломенных шляпах, у каждого из них в руке будет вчерашний номер «Нью-Йорк таймс». Чемоданчик перейдет из рук в руки, после чего Кэру предписано ближайшим самолетом вернуться назад. Конечно, ничего сложного, если не считать, что содержимое чемоданчика оценивается в двести тысяч долларов! Именно это шестизначное число и наполняло Кэра гордостью.

Поглядывая на колечки голубого сигаретного дыма, он готов был уже посмеяться над своими недавними страхами, как вдруг весь напрягся и похолодел: через широкие входные двери промаршировала группа полицейских.

Кэр, забыв об осторожности, готов был пуститься наутек; и пустился бы, да от страха не мог тронуться с места. Прошло несколько секунд, и где-то в глубине сознания вспыхнула бледная искорка здравого смысла: почему, собственно, эти полицейские явились именно за ним?

Втянув раз-другой поглубже воздух и смахнув со лба капельки холодного пота, Кэр поднялся и медленно направился вслед за блюстителями порядка. Через огромное окно увидел, как они церемонным шагом идут к самолету. И только тут обратил внимание на степенных господ в штатском в окружении полицейских.

— Что тут происходит? — с нарочитой небрежностью спросил он у проходившей мимо стюардессы.

Та бросила на коренастого малого мимолетный взгляд и коротко ответила:

— Премьер...

Она произнесла название какой-то страны, о которой Кэр никогда не слышал. С души словно камень свалился. От радости, что не потерял голову и не дал стрекача из аэропорта, он мысленно похлопал себя по плечу: «Молодчина, Кэр!»

Между тем премьер и его немногочисленная свита поднялись по трапу и скрылись в самолете. Только теперь было дано разрешение на посадку остальных пассажиров. В их толпе Кэр приблизился к самолету, протопал по ступенькам и, усевшись на свое место, застегнул ремень.

«Теперь, кажется, все», — подумал он, вглядываясь в иллюминатор. И вновь ощутил щемящий холодок: два рослых мужчины в штатском бежали к самолету. Дрожаящими пальцами Кэр расстегнул замок на ремне — теперь сомнений не было: эти двое идут за ним! «Такое бывает, — промелькнула мысль, — элементарная уточка информации!»

Из-за спинки переднего кресла пригнувшийся Кэр видел, как двое в штатском, пошептавшись со стюардессой, вошли в кабину пилотов. Через несколько секунд стюардесса объявила притихшим пассажирам:

— Леди и джентльмены! Вылет нашего самолета задерживается. Администрация аэропорта получила анонимное уведомление по телефону, что на борту самолета находится бомба. Прошу всех вернуться в зал ожидания и там подождать, пока полиция обследует самолет.

— Ложная тревога, — сказал один из пассажиров, шагнувший рядом по бетонной дорожке. — Какой-то идиот узнал, что этим самолетом летит премьер, и решил подшутить. Такие штучки выделывают сейчас сплошь и рядом!

— Наверное, так оно и есть, — поддакнул Кэр, не в силах сдержать улыбку радости. Однако стоило ему взглянуть назад, как улыбка тут же увяла: из багажного люка шла интенсивная выгрузка чемоданов, свертков и прочей клади.

Было ясно, что осмотром самолета дело не ограничится и без ревизии багажа не обойдется. Выход оставался один — забрать злополучный чемоданчик раньше, чем он попадет на досмотр. Забрать и — дай бог ноги!

В зале ожидания было теперь малоллюдно. Кэру это не понравилось — в толпе он чувствовал себя спокойнее. Подождая к справочному бюро, с раздражением проговорил:

— Хотел бы я знать, где будут осматривать багаж? Если здесь рядом, то надо хотя бы предупредить пассажиров — кто знает, какой она силы, эта бомба!

— Прошу вас не волноваться, — улыбнулась девица в окошечке. — Досмотр багажа проведут в служебном помещении для пилотов. Это там, за углом, — девица кивнула в сторону окна.

— Там? — переспросил Кэр, поворачиваясь.

— Да, — еще раз улыбнулась девица и хихикнула: — Рядом с мужским туалетом...

Кэр сделал большой круг по залу и, когда убедился, что его уже не видно из окошечка справочного бюро, направился в сторону туалета. За углом он увидел дверь с табличкой «Служебное помещение. Вход посторонним воспрещен!»

Оглядевшись по сторонам, Кэр толкнул дверь и оказался в просторном коридоре. Заглянул в первую комнату и сразу же увидел груды сложенного багажа, а в ней и свой

черный чемоданчик, стиснутый массивным кофром и голубым пластиковым мешком. В комнате два парня в комбинезонах с явной нервозностью занимались укладкой вещей. Один из них торопливо направился к выходу, и Кэр замер за дверью. Когда рабочий вышел наружу, Кэр решительно шагнул в комнату и брызжащим голосом спросил:

— Где лейтенант Рендуэлл? Почему его здесь нет? Интересно, кто должен сторожить это барахло?

Рабочий недоуменно пожал плечами.

— Немедленно позови его! — повысил голос Кэр, осмелев при виде растерянной физиономии парня в комбинезоне. — Знаешь его? Высокий, тощий, с усами. Наверное, болтается в зале ожидания — труса празднует! Скажи, чтобы быстро шел сюда!

— Да, сэр! — ответил парень и вышел. Кэр подсчитал, что пока рабочий будет искать несуществующего лейтенанта Рендуэлла, пройдет не менее трех-четырех минут. А этого вполне достаточно.

Вывхватив из груды багажа свой чемоданчик, Кэр снова оказался в коридоре и, убедившись, что там никого нет, выскользнул из служебного помещения. Ну, все! Теперь попробуй придерись! Сердце стучало в груди, как отбойный молоток, и Кэр старался идти как можно медленнее, чтобы унять его...

— Вылет для меня сегодня откладывается, это совершенно очевидно, — твердил он себе, покидая аэропорт. — Звонить шефу нельзя, надо обо всем доложить лично!

Через полчаса он был уже в вестибюле многоэтажного отеля и с независимым видом подходил к лифту. На самом верхнем этаже трижды постучал в один из номеров.

Дверь открылась. Во всю ширину ее проема стоял грома двухметрового роста с приплюснутым носом.

— Ты? — удивился он. — Уже вернулся?

— Да, — ответил Кэр, не вдаваясь в подробности. — Где они?

— Совещаются, — понизив голос, ответил детина. — Не станут сейчас говорить с тобой. Приходи позже.

— Но у меня очень важное дело!

— Хо! — осклабился грома.

Кэр молча показал на черный чемоданчик.

— Можешь оставить здесь.

Охранник выхватил чемодан из рук Кэра:

— Занесу шефу. А ты сгинь! Ясно?

Протестовать не имело смысла. Несколько секунд Кэр постоял перед закрытой дверью, потом пожал плечами и направился к лифту, решив, что имеет полное право пропустить где-нибудь стаканчик-другой как компенсацию за все сегодняшние передраги.

А в апартаментах роскошного номера сидели боссы одного из звеньев всемогущей мафии. Сидели в удобных низких креслах за длинным столом, сверкающим полированными узорами.

— Удивляюсь, что ты принял это предложение, — желчно проговорил один из присутствующих. — Зачем нам этот старый премьер? Какое нам до него дело?

Тот, к кому был обращен вопрос, небрежно махнул рукой:

— Бизнес есть бизнес. За это хорошо заплатили те, кому есть до него дело. Половину сразу, остальное, когда все будет сделано.

На насупленном лице спрашивавшего не дрогнул ни один мускул, но мысленно он усмехнулся: «На этом деле ты здорово поскользнулся, старый лис!»

Дверь приоткрылась, и в нее протиснулся гангстер с приплюснутым носом. В руке он держал чемоданчик Кэра. Боссы не обратили на детину никакого внимания, будто это был какой-то неодушевленный предмет. Потоптавшись и не решившись помешать разговору, он втиснул чемоданчик в простенок у письменного стола, за которым восседал шеф, и тихонько вышел.

— А кому ты поручил пронести бомбу? — опять прозвучал тот же голос.

— Кэру. Знаешь его? Такой никчемный малый...

— А как?

— Дал ему чемодан. Сказал, что с героином, чтобы берег его пуце глаза.

— И?

— Взрывчатки там хватит, чтобы разнести в куски целую эскадрилью, не то, что один самолет! — Шеф посмотрел на часы. — Механизм сработает через минуту.

Перевел с английского В. Рошаховский

Рисунок Сергея Григорькина

«ОТВЕТ ПО-РУССКИ» ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ

В десятом номере «Уральского следопыта» за прошлый год был опубликован очерк «Ответим по-русски?» об отечественном боевом искусстве, вызвавший немало читательских откликов. Многие заинтересовались этой темой и хотели бы познакомиться с ней глубже. Так, А. Васильев из Самары пишет: «Из публикации я так и не понял, каковы основополагающие элементы спиридоновского самбо?». И. Картузов из Петрозаводска также просит рассказать «об основном секрете русского рукопашного боя». Подобных просьб десятки.

Добавить к уже написанному в очерке кое-что можно, но немного. Прежде всего, очень важно уяснить принципиальную особенность этой системы, отличающую ее от других. Состоит она в умении действовать автоматически в любой ситуации и в любом состоянии. Причем достигается такое умение иначе, чем обычно. Избитое правило «повторение — мать учения» здесь не подходит, простое многократное повторение движений учителя результата не даст. Кстати, в низкой эффективности традиционного способа тренировок можно убедиться, ну, скажем, на боксерских соревнованиях, где нередко наблюдаешь такую картину: пока спортсмены «свежие», отдохнувшие, они дерутся технично, «по науке», но как только устают, забывают всякую технику и начинают просто махать руками. В нашем же случае учитель дает вам лишь основу, говоря образно — как бы ствол, ветви будущего дерева, а покроется ли оно пышной кроной, зашумит ли листвой — зависит от самостоятельной работы каждого. Это как с ходьбой: когда человек идет — он не думает, что ему нужно переставлять ноги, шагает автоматически.

Второе, о чем следует напомнить — об одном из основных правил русского рукопашного боя, «работе в трех плоскостях», которая дает в поединке несомненное преимущество. Он полностью построен на законах теоретической механики. Здесь крайне важно уметь рассчитать усилие, и поэтому первостепенное значение имеет представление о системе рычагов. Элементарный пример: если вы просто нагнетесь и попытаетесь поднять таз с бетоном, то можете надсадить спину, а если присядете, положите руки на колени (то есть уже создадите себе систему рычагов), то поднимете груз с наименьшими затратами. То же самое и в русском рукопашном бое. При выполнении любого приема надо стремиться, чтобы прилагаемое усилие было минимальным. В свое время я получил большое удовольствие, когда на тренировке у Александра Лаврова, на беседах с которым и построен материал «Ответим по-русски?», наблюдал, как один шупленький, невзрачный на вид паренек в показательном бою расправлялся с пятью довольно крупными ребятами. Расправлялся за счет различных «уходов», неожиданных поворотов, выведения соперников из равновесия и использования их же собственной силы инерции. Те же законы теоретической механики и система рычагов. И насколько все выглядело изящно, красиво, непредсказуемо!

Наверное, нужно сказать и о «высшем пилотаже» нашей боевой системы — бесконтактной защите. Ее тоже довелось наблюдать своими глазами. Как-то в спортзал к Лаврову пришли крутые ребята из спецназа, чтобы лично убедиться — что это за стиль такой хваленый. А дальше начались вещи просто фантастические. Лавров говорит

здоровенному детине в форме: «Бей!» Тот посылает удар в лицо — и рука его летит в пустоту, удар в живот — и тоже мимо... Хорошо был обучен тот спецназовец, был прекрасно, однако «в никуда». Исключительно из-за биоэнергетического воздействия Лаврова на соперника. Но это уже уровень настоящего мастерства, достигающегося многолетним трудом.

А теперь — о самом, пожалуй, главном для читателей. Очень большое число просьб от них прислать пособия по русскому рукопашному бою или начать вести заочную школу в журнале — с рисунками, схемами, фотографиями. Об этом пишут И. Малев из Челябинска, учитель физкультуры Н. Козлов из Саранска, В. Лиханов из Бердска и даже некоторые военные, сетуя, что и им по улицам страшно ходить без полной уверенности в своем умении постоять за себя. Их можно понять. Да, собственно, и разговор-то этот мы начали из-за того, что назрела острая необходимость хоть как-то помочь людям, особенно молодым, обезопасить себя от распоясавшихся хулиганов, преступников. И мы бы всей душой оказали вам более конкретную, чем общее знакомство, помощь. Но — вынужден повторить еще и еще раз, во избежание обид и двусмысленностей: все дело в том, что без учителя невероятно сложно овладеть русским стилем боя, при всей демократичности, так сказать, учебного процесса. Когда внимательно наблюдаешь за тренировкой лавровских «рукопашников», невольно замечаешь, что без десятков «мелочей» (как, например, присесть, как на «приеме» придернуть руку или под каким углом поставить ногу), многие приемы элементарно «не пойдут». Это все нужно только показывать. Впрочем, у тех, кто все-таки жаждет видеть иллюстрации, выход существует. Газета «Красная звезда» уже опубликовала цикл уроков патриарха отечественного боевого искусства А. Кадочникова. Есть советы его ученика А. Ретюнских в «Советском спорте» — как вести себя в экстремальных ситуациях. «Следопыту» дублировать достаточно популярные издания смысла нет. Смотрите их подшивки за 1991 год — и вы не ошибетесь. Но хотелось бы подчеркнуть: с моей точки зрения, как в первом случае, так и во втором, это не система русского боя, а действительно, в большинстве просто советы. Хорошего уровня с их помощью не добиться.

Совсем другое дело — «живое» обучение. Вот читательница Н. Нечаева из Кустаная настолько полна желанием освоить «русский стиль», что готова для этого приехать в Екатеринбург, а А. Зорькин из Новосибирска спрашивает: «Что нужно, чтобы в Новосибирске появилась такая секция?»

Что можно ответить на это? Мне уже не раз приходилось на страницах местной печати поднимать вопрос о создании в Екатеринбурге Центра русского рукопашного боя, который возглавил бы Александр Лавров. Конечно, хотелось бы, чтобы дело это не стало завуалированной формой выкачивания денег из населения, поэтому предлагалось организации Центра взять на себя екатеринбургским властям. Работу его можно было бы построить так: днем велась бы профессиональная подготовка сотрудников «органов» (у которых также случаются проблемы с самообороной...), а по вечерам тренировались бы все желающие. И кроме того, при этом же Центре можно открыть школу инструкторов, в которой обучались бы люди из других регионов. Однако до сих пор предложения остаются лишь на бумаге. Так что ехать Вам, уважаемая читательница Н. Нечаева, уж извините, некуда... Хотя надежда остается. Несколько коммерческих фирм, совместных предприятий уже обратились к Лаврову с рядом предложений. Может, и без участия властей что-нибудь получится. Вот только когда?

А пока суть да дело — из вполне достоверных источников стало известно, что преступный мир заинтересовался системой русского рукопашного боя и начинает ее активно осваивать. Причем действуют там без бюрократических проволочек, заседаний и согласований. И есть серьезные опасения, что, как это не раз у нас бывало, наши благие намерения обернутся против нас же самих...

Раздел ведет
Александр СЕМЕНИН

ТОПИНАМБУР

Недавно в нашем огороде появилась новая культура — топинамбур. Появилась как сенсация, как чудо. Невольно вспомнишь прежние кампании — кукурузную, рапсовую... И все-таки, что же это такое — топинамбур?

Вот что рассказала нам кандидат наук, доцент кафедры растениеводства Екатеринбургского сельскохозяйственного института Галина Степановна Кузнецова.

Ботаническое название топинамбура — подсолнечник клубненосный. В отличие от своего именитого родственника он образует клубни — веретеновидной или грушевидной формы (отсюда второе название растения — земляная груша). В дело идут, что называется, и верхки, и корешки: сочные стебли с листьями — отличный корм для домашнего скота, особенно кроликов, а клубни, кроме того — источник получения спирта и разнообразных диетических блюд. Они содержат до 30 процентов инулина — вещества, врачующего сахарный диабет.

Земляная груша удивительно неприхотлива. Уживаетса на самых бедных почвах. Клубни преспокойно зимуют в земле и, даже замерзнув, не меняют вкусовых качеств. Топинамбур не поддается вредителям и может «постоять за себя»: уже в год посадки изгоняет со своей территории пырей, осот и бодяк. А через год-другой под густыми зарослями топинамбура исчезают все сорняки. Остается добавить, что наш учхоз «Уралец» выращивает и предлагает населению клубни топинамбура.

В нашей стране, кроме того, существует ассоциация «Топинамбур и топинсолнечник». Член этой ассоциации В. И. Подобедов сообщил нам, что в их организацию обратилось уже немало начинающих фермеров с просьбой о продаже топинамбура в количестве, достаточном для посадки на площади в несколько соток. А президент ассоциации Н. К. Кочнев считает, что земляная груша — одна из самых интенсивных полевых культур, способных поглощать углекислый газ из воздуха (в два раза эффективнее лесных насаждений) и выделять кислород. А это — путь к созданию эффективных зеленых поясов вокруг промышленных центров. Тем более, что топинамбур уживается и на «техногенно нарушенных территориях», на загрязненных промышленными отходами земельных недобьях.

В. И. Подобедов показал образцы бумаги, полученные из стеблей топинамбура. Плотная, малогигроскопичная, она может служить неплохим упаковочным материалом. Высушенные и спрессованные в брикеты стебли могут служить высококалорийным топливом. А в скором времени препараты из клубненосного подсолнечника, вероятно, будут применять в лечении подагры и атеросклероза, в профилактике рака и инфаркта.

А как же ведет себя топинамбур на нашем семейном столе? Оказывается, земляную грушу можно есть сырой,

а также ее пекут, жарят, сушат, квасят, маринуют, готовят из нее салаты, кофе, компоты, сиропы, оладьи...

В последнее время для сохранения урожая топинамбура стали использовать криогенную сушку клубней. В атмосфере инертных газов при температуре жидкого азота происходит быстрое обезвоживание земляной груши. Получившийся продукт — крипорощок — сохраняет важнейшие питательные компоненты. Его добавляют в салаты, супы, в муку при выпечке диетических сортов хлеба. Линия по сушке топинамбура создана в Ижевске. А в Екатеринбурге установлены деловые связи между учеными института народного хозяйства, сельскохозяйственного института и сотрудниками агроконсорциума «Патрабанк». Они ведут совместные исследования по применению порошков топинамбура в хлебобулочной и кондитерской промышленности.

А теперь несколько рецептов, собранных и опробованных В. И. Подобедовым:

Топинамбур жареный. Клубни тщательно промывают, нарезают, опускают на несколько минут в кипяток, а потом жарят, как картофель, на масле или жире.

Топинамбур печеный. Клубни закладывают на противень и пекут в духовке на слабом огне минут 30, затем солят, перчат, обливают маслом или соусом.

Запеканка из топинамбура. 150 г тертых клубней перемешивают с 50 г мелко нарезанного зеленого или репчатого лука, обжаривают в растительном масле, заливают сбитыми с молоком яйцами, добавляют чайную ложку манной крупы, перемешивают и запекают в духовке.

Земляная груша по-польски. 1 кг клубней очищают и варят в подсоленной воде. Воду сливают, клубни выкладывают в глубокую тарелку, поливают растительным маслом (100 г) и посыпают поджаренными в масле молотыми сухарями (3 стол. ложки).

Кофе из топинамбура. Клубни нарезают тонкими ломтиками, заливают на 3 мин. кипятком, после чего поджаривают в духовке, пока ломтики не станут сухими и ломкими. Измельчают в кофемолке и заваривают, как кофе.

Рисунок
Андрея Пулатова

В ноябре 1921 года возник «Дерулюфт» — русско-германское акционерное общество воздушных сообщений. По Версальскому мирному договору иметь подобные предприятия Германии запрещалось, поэтому председателем правления общества стал советский торговый представитель, ведущий наблюдение и контроль.

1 мая 1922 года новая воздушная линия открылась. Трассу Москва — Кенигсберг (ныне г. Калининград) обслуживали только советские самолеты, они вылетали дважды в неделю в 8 часов утра из Москвы и Кенигсберга и через 9—10 часов пути, включая промежуточную посадку в Смоленске, оказывались на месте.

Частная авиакорреспонденция при этом оплачивалась в зависимости от места ее приемки — советскими или немецкими почтовыми марками. Со временем международную почту, кроме Москвы и Смоленска, стали принимать в Ленинграде, Киеве, Харькове, Воронеже, Тамбове, Минске, Витебске, Вологде, Ростове-на-Дону, Орле, Курске, Твери, Туле, Рязани, Саратове и Нижнем Новгороде. Появились авиадикпуреры.

Сначала дипломатическая почта была бесплатной, и этим стали пользоваться берлинские представители различных советских организаций и учреждений. За год накопились такие расходы, что посол был вынужден взимать за пересылку пакетов плату — 12 германских марок за письмо весом в 10 граммов. Для этого на специальные марки консульского сбора дореволюционного министерства иностранных дел в Германии нанесли красную надпечатку «Воздушная почта РСФСР» и обозначили новый номинал в германской валюте. Марки четырех достоинств получили 8 различных надпечаток: 12, 120 и 1200 герм. марок — на знаках с прежней ценой в 2 руб. 25 коп.; 24, 600 и 1200 герм. марок — на 3-рублевых знаках; 1200 герм. марок — на 10 и 50-копеечных знаках.

Населению консульские марки не продавались — ими франкировали только казенную корреспонденцию. С их помощью устанавливались количество и вес отправлений, которые с июля 1922 года помесячно оплачивались. Таким образом консульские марки стали первыми в мире служебными почтовыми знаками для воздушной почты.

Их тираж был крайне невелик во всех номиналах. Но особенно — для оплаты отправлений большого веса стоимостью в 600 и 1200 германских марок. Редчайший из них — «консульский полтинник» — с надпечаткой «1200 герм. марок» на марке достоинством 50 коп. Предполагают,

**Марк
МИНСКИЙ**

ОДИН АВИАРЕЙС КОНСУЛЬСКОЙ МАРКИ

что их было всего два листа — 50 экземпляров.

Почтовое обращение консульских марок до сих пор хранит еще много тайн. Выказывались версии, будто бы консульскими марками, соответственно весу отправления, оклеивались квитанции и сопроводительные описи, франкировались объединенные пакеты мелкой корреспонденции. Однако марок с описанными гашениями — химическим карандашом или однострочным фиолетовым штемпелем с указанием дня, месяца и года — сохранилось очень мало.

Известна короткая история лишь одного конверта, франкированного консульским почтовым знаком достоинством 12 герм. марок. Письмо было адресовано в Москву в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала руководителю венгерского революционного правительства 1919 года Бела Куну. Позднее конверт случайно обнаружил его товарищ по совместной работе. В 1933 году владелец уникального конверта с консульской маркой переехал в Англию и там выставил его для продажи на аукционе. Дальнейшая судьба конверта неизвестна.

Почтовая история консульских марок оказалась удивительно короткой. Как только первые оплаченные ими отправления прибыли в Москву, Народный комиссар почт и телеграфов распорядился марки изъять и уничтожить, ибо их появление, помимо Наркомпочтеля, было признано акцией самоуправной. К счастью коллекционеров, распоряжение было выполнено частично — марки изъяли, но не уничтожили, а передали существовавшему в те годы при Советском правительстве полномочному по филателии и бонам — для реализации коллекционерам.

Редкость и популярность марок отмечена и особым интересом к ним фальсификаторов. Существует много подделок — от примитивных до совершенных и тонко выполненных.

В это же время, а точнее 28 июля 1923 года, на Владивостокской почте в связи с «Неделей воздушного флота» появилось объявление: «Доводится до сведения публики, что сего числа открыта однодневная продажа почтовых марок в пользу Воздуш-

ного флота с особым грифом. Оплаченные такими марками письма по адресу в Никольско-Уссурийский и Спасск будут отправлены завтра, 29 июня, на аэроплане с 10 час. до 12 час. дня...»

Инициатива организации агитационного полета Владивосток — Уссурийск — Спасск-Дальний принадлежала городскому обществу филателистов и его руководителю П. Станкову.

За четыре дня на 15 марках дореволюционной России 1909—1917 годов разных номиналов — от 1 до 70 коп. с зубцами и без зубцов, а также на одной марке Сибирского правительства Колчака были нанесены красные надпечатки 3-строчного текста: «Владивосток. 1923. 20 коп.» с изображением аэроплана.

Тираж марок был незначительным. Их продавали лишь день и только во Владивостокской почтовой конторе. На следующее утро почта отправлялась. Но и сегодня вызывает недоумение разнообразие номиналов этих марок, зубцовых и беззубцовых вариантов, надпечатанных в различных количествах — большинство от 25 до 100 штук. Таким образом, каждая из марок, став редкостью и даже сверхредкостью, обнаружена скорее спекулятивными, нежели благотворительными намерениями организаторов выпуска.

Долгие годы эти марки высоко оценивались отечественными каталогами и прейскурантами, появились их подделки. Однако коллекционеров настораживало происхождение марок: «Частное издание группы коллекционеров Владивостока, непочтовый выпуск», как писал журнал «Советский филателист» в 1924 году.

Прошедшие годы не принесли этим маркам реабилитации: «...происхождение этого издания... как спекулятивного выпуска... не вызывает никаких сомнений» (журнал «Филателия СССР», 1988, № 12).

Так, едва начавшись, завершилась история консульских и почтовых марок, лишь однажды использованных для оплаты авиакорреспонденции в Берлине и Владивостоке.

С началом либерализации цен отечественный талон заметно «подервенел». Кое-где его отменили. Местами же оставили, но вскоре убедились, что и с «деревянными» талонами на «деревянные» рубли мало что купишь. Закономерно возник вопрос: что же делать с этим детищем недоброго гения? Пока выход не найден. Но, оказывается, он есть. Карточки, купоны и талоны — не только порождение «злых волшебников». Если над ними (и над обществом) умело поворковать, подобно Страшиле из Изумрудного города, то из злых и неотесанных деревянных солдат могут получиться полезные и добрые работники. Помните в сказке у Волкова? Там это здорово вышло:

«Теперь надо было решить, что делать с деревянными солдатами и полицейскими Урфина Джюса.

— Сжечь! — крикнула Кагги-Карр.

Страшила приложил палец ко лбу и попросил не мешать ему думать. Наступила всеобщая тишина.

После долгого размышления Страшила Мудрый сказал:

— Жечь их мы не будем, это не по-хозяйски. Надо сделать из дуболомов хороших работников на общую пользу...

— Я придумал! — воскликнул он, и площадь радостно ахнула. — Раз у деревянных солдат нет ни мозгов, ни сердца, значит, у них весь характер в лице. Урфин Джюс не зря вырезывал им такие зверские рожи. Стоит сделать им веселые, улыбающиеся лица, и они будут вести себя совсем по-другому».

Я думаю, общество никогда не избавится от талонов. Их нельзя просто выбросить или сжечь. Вопрос только в том, о каких талонах идет речь и какую функцию они выполняют. Чтобы пояснить сказанное, предлагаю читателю мысленно переместиться из Волшебной страны в земные Соединенные Штаты. Так случилось, что оттуда мне довелось получить ценный материал для своей коллекции, о которой, раз уж эта тема возникла на страницах «Уральского следопыта» и, кажется, заинтересовала читателей, захотелось рассказать. Все началось с одного купона, присланного земляком-товарищем Олегом Ковалевым, который учится в аспирантуре университета штата Делавэр (г. Ньюарк). На этот раз я предлагаю вам беседу с Олегом Борисовичем, записанную мною во время его пребывания в Екатеринбурге на каникулах. Но предварительно надо сказать несколько слов о самих купонах.

Преимущественно это, особого рода рекламные купоны. Однако на их примере хорошо видна разница

**Виктор
РУДЕНКО**

между нашей и американской системами торговли, распределения, обеспечения и т. д. В отличие от отечественной торговли, озабоченной главным образом тем, как избавиться от назойливого покупателя, американская бьется над другой проблемой: каким образом его привлечь? Отсюда и появляются купоны. Помимо красочной рекламы всевозможных товаров и услуг они содержат краткую надпись, призывающую сэкономить определенную сумму денег. Американец и любой приезжий может воспользоваться ими бесплатно и по своему желанию. В таком случае он недоплачивает продавцу указанную на купоне сумму и получает товар. Выгода очевидна для всех: компания рекламирует и сбывает свою, не пользующуюся большим спросом продукцию, покупатель знакомится с товаром и экономит деньги, торгующая организация получает от производящей фирмы компенсацию недополученной суммы и небольшое вознаграждение за каждый реализованный купон.

А теперь беседа.

— Олег, как произошло твое знакомство с ними? Не было ли для тебя неожиданностью встретить «талоны» там?

— Когда я появился в университете, была устроена лекция для вновь прибывших иностранных аспирантов, и на ней объяснили, что в Америке действует система купонов. Выступала женщина, которая говорила, что это «чисто американское» явление. Она показала «купонные» буклеты, отдельные экземпляры и образцы, сброшюрованные в маленькие книжечки. Тот, первый купон, что я тебе прислал, я взял как раз у нее. Главный же смысл ее рассказа сводился к тому, что не надо покупать первое, что увидишь, поскольку имеется система льгот.

— И ты сразу же решил воспользоваться этими льготами?

— Нет, я ни разу ими не пользовался.

— Почему?

— Понимаешь, этот купонный буклет, чтобы посмотреть — он форматом с газету — это все очень долго. И обычно в нем рекламируется далеко не самое нужное. Иногда нужное, но не все.

— Значит, американец должен

ЗАЧЕМ КУПОН АМЕРИКАНЦУ?

следить за книжечками и буклетами?

— Да, причем требуется немало времени. Но для американцев это иногда может представлять интерес. Они ездят в магазин один раз в неделю и покупают продукты «кучей». Когда покупаешь для большой семьи, на некоторых видах продуктов можно хорошо сэкономить. Выбор же товаров, которыми пользуюсь я, невелик.

— Но ты прислал мне и купон, вырезанный из университетской газеты, для посещения кафе типа «Сабвэй». Там предлагаются льготы тому, кто придет туда после 17 часов. Почему бы тебе не воспользоваться им?

— В данном случае я мог бы теоретически воспользоваться, но после пяти вечера обычно ем дома. К тому же предпочитаю другую пищу...

— Я задавал тебе в письме вопрос: не теряет ли человек «лицо», когда пользуется купонами? Он тебя почему-то смутил. Хочу уточнить: солидно ли состоятельному американцу экономить какие-то центы, следить за всеми этими «простынями»? Даже у нас, где практически все население не имеет «лица», такие люди не пользуются талонами, а при случае предпочитают сказать: «Сдачи не надо!»

— У меня есть подозрение, что богатые американцы не ходят в обычные супермаркеты. Они посещают другие магазины. Богатые и занятые люди, видимо, не пользуются купонами: они время экономят. Пользуются неработающие матери, пенсионеры, домохозяйки. У них время есть. Они могут изучить «простыню». Но вообще, мне кажется, — если американец видит, что можно сэкономить, он всегда использует такую возможность. Это нисколько не влияет на имидж. Видимо, комплекс барства — «сдачу оставьте» — явление чисто российское.

— Когда ты ездил в Нью-Йорк, ты там тоже встречал купоны? Насколько широко распространена эта форма торговли, и каждая ли компания купоны тиражирует?

— Везде встречал. И в Вашингтоне. Купонная система распространена очень широко. В нашем районе три супермаркета, и в каждом есть купоны. Они действуют на всей среднеатлантической территории, где име-

ется своя сеть супермаркетов, своя система снабжения.

Каждая ли компания выпускает купоны — не знаю. Но думаю — подавляющее большинство. Выпускают их не только производящие компании, но и торгующие организации, поскольку если магазин или торговая фирма закупили товар, они вольны продавать его по любой цене.

— Что же побуждает компании выпускать купоны, а не действовать путем простого снижения цены? Ведь, как следует из надписей на них, за каждый реализованный купон компания выплачивает торговой организации 8 поощрительных центов, а это дополнительные расходы...

— Выпускать купоны побуждает желание продать товар. Они же на психику дают — ты смотришь, что товар можно купить дешевле, и покупаешь, даже если он тебе не особенно нужен. Плюс это действует как реклама — один раз купил из-за того, что дешевле, в другой — из-за того, что в тот, первый раз, понравилось. Потребителя стараются приучить к своей продукции всеми способами...

Насчет простого снижения цены — это тоже делается. Купоны — лишь один из вариантов. Но в чем их преимущество? Вот, например, та вырезка из университетского еженедельника с рекламой и купонами забегаловки «Сабвэй» (это типа «Макдональдса», только попроще). Вырезаешь купончик, идешь после пяти часов в «Сабвэй» и получаешь большой сэндвич, 6 дюймов длиной — скажем, не за доллар восемьдесят, а за доллар тридцать, а еще больший, в фут длиной (у них стандарты — фут и 6 дюймов) — не за 3.40, а за 2.40. Смысл в том, что я взял газету и думаю: ага, завтра вечером у меня куча дел, есть придется не дома — пойду-ка я в «Сабвэй». А если просто снизить цену — каждый, кто зайдет, и так недоплатит. Ведь если я зашел в «Сабвэй» без купона — значит, мне обязательно надо именно сейчас поесть, желательно быстрее — и вряд ли позарез нужно сэкономить свой полтинник. Кстати, «Сабвэй» — тоже компания с множеством точек по стране, во всяком случае, по восточному берегу Атлантики. Но этот купончик, может быть, действует только в нашей местной точке. На нем указан и срок действия — до 30 октября.

— Какие разновидности купонов существуют? Насколько я понимаю, пока речь шла о купонах производящих компаний и торговых организаций. Но ты присылал мне еще кассовый чек магазина, на обратной стороне которого тоже отпечатаны купоны.

— С разновидностями сложно, боюсь, кругозор у меня пока узко-

ват, чтобы охватить все. Их множество. Однако я не стал бы выделять в отдельную категорию кассовый чек. Это, скорее, редкое явление и не принципиальное. Чек — лишь один из путей распространения купонов, которые можно отпечатать на кассовой ленте и раздавать в магазинах вместе с покупкой, помещать в газетах, рассылать по почте, публиковать в календарях и ежедневниках и т. д. Но давай рассмотрим книжечку, которую я тебе привез, под названием «Кэшбук». В ней объединены купоны самых разных компаний: предлагаются слесарные услуги, обслуживание в ресторане, рекламируется аудио- и видеотехника, оптика и другое. Казалось бы, они объединены случайно. Но я листаю книжечку и вижу, что рекламируемые заведения находятся в одном и том же районе города. Обрати внимание: на каждом купоне указан конкретный адрес салона, магазина, офиса, в которые нужно обращаться. Только в указанных точках можно предъявить эти отрывные бумажки. На других же купонах, которые я высылал, конкретные адреса не указаны. Они действительны для широкой сети магазинов. Возможно, данная книжечка — одна из разновидностей.

— Каким образом ты ее получил?

— Она досталась мне в Вашингтоне. Их раздавали у станции метро. Стоят и предлагают. Протянул руку и взял. Не хочешь — идешь дальше.

— И что бы ты мог выгадать, воспользовавшись ею?

— Та-а-а-а... Предлагают приобрести большой сэндвич (он стоит около двух долларов), пакет картофеля за семьдесят центов, «смол дринок» — обычно это кока-кола. Всего на три сорок. Все это можно купить за два сорок девять, если есть купон. Допустим, я иду с этой книжкой, а на пути попадают указанные заведения, и я думаю: не пойду в «Макдональдс». Но можно этого и не делать — зайти в «Макдональдс», взять картошку и не брать кока-колу — там газировка бесплатно — и поесть за те же 2.49. Но тут указан адрес, и если ты находишься в этом районе, то заходи.

Вот еще: предлагается 25 долларов скидки с любой покупки линз и очков. Там очки стоят дорого — 60—100 долларов. Здесь же указывается, что купон должен быть предъявлен во время покупки и никаких других скидок при этом не предоставляется. Можно зайти к дантисту. За 27 при стоимости 90 предлагается уход за зубами, осмотр, рентгеновский снимок и профессиональная консультация. Кстати, подлечить один зуб там тоже дорого стоит —

долларов 50. И на купоне есть оговорка: он действителен только для новых пациентов. Цветные стереотелевизоры и видеосистемы для обладателей «Кэшбук» реализуются со скидкой на 15 долларов. В этом же купоне предусмотрена скидка на 5 с любой покупки ценой, превышающей 20 долларов. Но подчеркнуто: один купон на одну покупку. Далее — это уже для женщин — с любого маникюра пара долларов скидки. Маникюр за 60 стоит вполонну меньше. А здесь лечь на диван за 8.49. Обслуживание за 30 минут или меньше, либо на два доллара меньше плати (за задержку).

Любителям экзотики предлагают импортные продукты: вранский крем, колумбийский кокос, мокко с Явы... Один доллар скидки с минимальной покупки и 2 доллара с каждой крупной...

— На купонах есть и другие надписи. Одна запрещает применять купон к разным видам товаров по произволу продавца. И это понятно. Но рядом — предостережение от подделки, совсем как на наших карточках. Может ли возникнуть у кого-то такое желание, если купоны имеются бесплатно в каждом магазине, или же их выпуск ограничен, и это создает основу для обмана?

— Насчет подделки сказано, видимо, на всякий случай, хотя, умозрительно, торговец может наделать копий. На практике, я думаю, никто этим заниматься не будет. Предложение купонов перекрывает спрос, доступ к ним не ограничен.

— Купон — не документ строгой отчетности. Обязательно ли его предъявлять вообще — например, в случае с купонами торгующих организаций?

— Я думаю, что здесь больше игры. Вот, например, в «Кэшбук» предлагается пицца. Но ее можно заказать и по телефону. Тебе привезут ее за ту же цену. Ты звонишь и говоришь: я хочу пиццу. Тебе отвечают — 12 долларов. Ты говоришь: а я видел купон — там за 10. В ответ слышишь: пожалуйста. Я думаю, что такая ситуация возможна.

— И каждый так может сослаться?

— Если ты позвонил и не сказал ничего — хорошо, бери за 12. Если говоришь: дорого, они предлагают: а у нас есть за 10. Главное, чтобы ты купил или пришел. Вот купон «Дюпон-Вилла» — 10 процентов скидки с любого заказа в ресторане. Ты пришел — за это скидка.

— Значит, есть разница между тем, кто пришел, и тем, кто просто зашел? Как ты думаешь, возможна ли такая ситуация: в одном ресторане сидят рядом люди и за одно и то же платят по-разному?

— Возможна. Ты сам «виноват», что зашел без купона, что тебе нужно зайти именно сейчас. Но может быть и иная ситуация: эта скидка действует постоянно. В той же пиццерии над дверью может висеть надпись, сообщающая об этом. Никакого реального проку с купона здесь нет. Это чистая ловушка, крючок, форма рекламы.

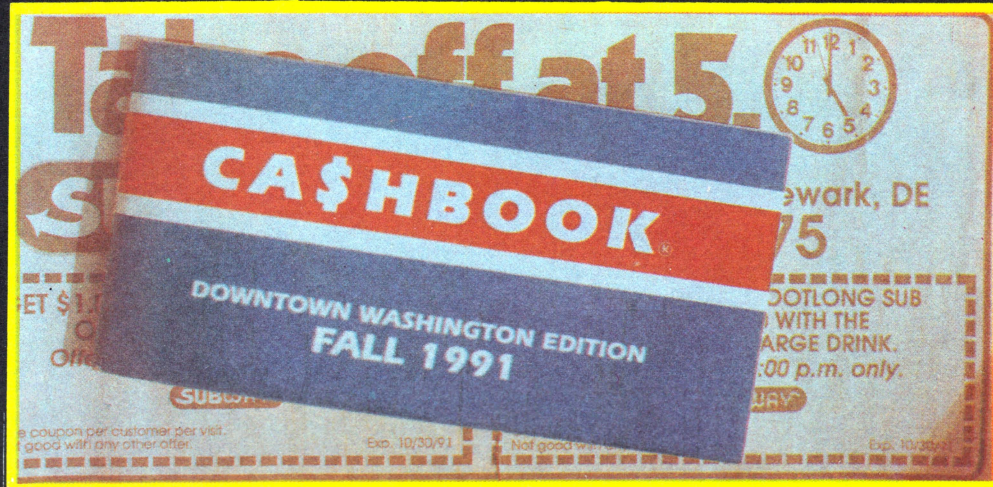
— Пока мы говорили о купонах с «веселыми лицами». Но в моей коллекции есть американский «талон» в 1 доллар, он предназначен для оплаты проезда на такси. Мой знакомый сказал, что их выдают эмигрантам — книжечкой на 22,5 доллара в месяц. Более того. В наших газетах в декабре прошлого года прошли небольшие сообщения под заголовком «И у них талоны!», где сказано, что к августу 1991 г. в США зарегистрировано свыше 23 млн. жителей, получающих талоны на бесплатное питание.

— Я слышал, что служба социального обеспечения выпускает что-то для бедных. К примеру, говорят, что школьники из бедных семей получают «стемпс»*, по которым в школе завтракают, в то время как родители других детей платят по доллару за завтрак. А «талоны» на приобретение продуктов питания — «фуд-стемпс» — это практически деньги.

— Олег, размышляя о перспективах развития нашей талонной системы, я сделал такое обобщение: у нас возможны «римский» или «американский» пути. О римском поясню. У древних тоже были «талоны», и в своем развитии они эволюционировали от одноразовых к много-разовым пожизненным наследственным «карточкам», допускающим граждан к 40 кг зерна ежемесячно. Римское общество, как и наше, предполагало наличие бедных, нуждающихся в защите. Очевидно, что и американское предполагает их, раз существуют «стемпс». Какой путь, на твой взгляд, является предпочтительным?

— Я бы предпочел иметь «фуд-стемпс». Это ведь хоть и «талон», но не «деревянный». На него можно купить даже несколько килограммов мяса в месяц. Но не в этом дело. Речь идет о том, в каком обществе мы будем жить. Если в том же, что у нас было, то, конечно, лучше иметь пожизненную карточку и получать гарантированные продукты. Если же говорить об обществе иного типа, то для него «фуд-стемпс» — оптимальный вариант.

* Стемпс (stamp) по-английски — марки

Родиноведение-1993
Вместе с благословением на бой за Русь Свя-
тую вручил Сергей Радо-
нежский князю Дмитрию,
будущему Донскому, баг-
ряно-красную хоругвь с
суровым ликом Спасите-
ля. Стал тот священный
стяг знаменем победы. От
него и пошли на Руси зна-
мена. Но и раньше, за-
долго до битвы Кулико-
вой, колыхались над дру-
жинами русских князей
прапоры и хоругви. Каки-
ми были русские знамена
от тех князей до дней се-
годняшних — об этом ил-
люстрированный очерк
Виктора Степанова
«СТЯГИ РОССИИ».

Атаман Дутов... О нем
мы много слышали, но со-
всем мало знаем. Объек-
тивную картину военно-
политической деятельно-
сти казачьего офицера и
войскового атамана по-
пытался восстановить Вя-
чеслав Войнов в очерке
«ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ
АТАМАНА ДУТОВА».

с. 42-1 Ру

«Уральский СЛЕДОПЫТ»

-93

«...Встретилось имя
княжны Таракановой и по-
явились вопросы: чья она
дочь! Почему претендо-
вала на русский престол!
Как сложилась ее
жизнь!» — из читатель-
ского письма.

Под этим именем исто-
рия знает несколько лич-
ностей. О них повест-
вует наш давний автор
Игорь Алебастров в очер-
ке

«ТРИ КНЯЖНЫ
ТАРАКАНОВЫ».

«Однажды в приложе-
нии к газете «Русь» 1904
года встретил фотогра-
фию мальчугана в драгун-
ской форме и надпись:
«Николай Зуев, 13-летний
кавалер ордена Св. Геор-
гия». Возникло желание
узнать, кто этот юный ге-
рой русско-японской вой-
ны. Начался поиск, кото-
рый вскоре перешагнул
одну войну, потом дру-
гую...» Так родился очерк
Владимира Зуева
«СЫНЫ И ДОЧЕРИ
ПОЛКОВ».

